ПИОНЕР 8

1985

*В Донбассе,
в городе Краматорске
при детской библиотеке
производственного объединения
«Новокраматорский
машиностроительный завод»
появился юнкоровский клуб
под названием «Гайдаровец».
«Кораблик» печатает
несколько стихотворений
гайдаровцев,
которые они посвятили
XII Всемирному фестивалю
молодежи и студентов.*

***Ира ФИЛЬЧЕНКО, ученица
5-го класса школы № 35.***

Наша песенка

«Свети нам, солнышко, свети»,—
Пускай смеются дети,
Пусть будет мир на всей земле,
На нашей голубой планете.

Свети нам, солнышко, свети—
Пусть ни за что на свете
Не знают дети черных дней
На дорогой планете.

Свети нам, солнышко, свети.
Я вам желаю, дети:
Пусть будет мир на всей земле
И солнце ярко светит!

***Света СУХАРЕНКО перешла
в 4-й класс школы № 24.***

Мир на земле

Если смех, а горя нет,
Если взгляд, а ссоры нет,
Значит, мир на земле.

Если солнце высоко,
Если небо голубо́,
Значит, мир на земле.

Чтобы бомбы не взрывались,
Чтобы песни не кончались,
Нужен мир на земле!

***Лена ДУДАРЧИК окончила
6-й класс школы № 25.***

Катюша

Лети, красный лепесток,
И на Запад, на Восток
И на Север, теплый Юг,
Расскажи, кто лучший друг.

Вот зеленый лепесток—
Из Австралии платок.
Я Катюшу наряжу,
Всем ребятам покажу.

А вот синий чистый свет,
Всем знакомый с малых лет.
А вот желтый солнца луч,
Он приветлив и могуч.

Наконец, вот черный цвет—
Не хочу войны я. Нет!
Пусть Катюша-талисман
Всех зовет на праздник к нам.

Я хочу, чтоб шар земной
Был немножко озорной,
Чтоб смеялся, не тужил,
Разноцветным лугом был!

*

***Стихотворение о мире прислала
в «Кораблик» Наташа ГАВРИЛЕНКО. Живет она тоже в Донецкой области, в городе
Красногоровке.***

* * *

Пусть ходят голуби по крышам,
Пусть тают в небе журавли...
Пусть будет мир! Он так нам нужен!
Мир нужен людям всей земли!

Пусть будут реки, города и села,
Пусть лес растет, возводятся мосты...
Пусть дети всей планеты ходят в школы,
Пускай цветут во всех дворах цветы!

XII·МОСКВА·1985

«МЫ — СЧАСТЛИВЫЕ ДЕТИ».
Ира ЛАВРЕНТЬЕВА, 6 лет.

«ПРАЗДНИЧНАЯ ГАЗЕТА». *Саша ГОРЛА, 11 лет.*

Маше СТЕПАНОВОЙ — 13 лет. Живет она в Москве, учится в школе № 35, перешла в 7-й класс.

* *
*

Земля мала лишь для Вселенной,
Для человека — велика,
И для него в ней все бесценно,
От океанов до песка.

С прекрасного лица планеты
Беспечно было бы смахнуть
Соринку даже: вдруг и это
В пространстве изменяет путь.

Все на земле умно и нужно:
И хлеб, и воздух, и вода,
И только страшное оружье
Пускай исчезнет навсегда!

Тогда бы внуки внуков наших,
Впервые в мир открыв глаза,
Не увидали взрывов страшных,
Лишь — голубые небеса.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Москва 1985 г.
Издательство «Правда»

В. РЫБИН

Ндугу-музыкант

— Тукх-так-така-так, тукх-так-така-так...— гулким полуденным эхом плывут звуки барабана над Упангой, одним из районов столицы Танзании Дар-эс-Салама. То сухие, будто треск лучины, то протяжные, будто пение тетивы лука. А вот перестук становится нежным, спокойным — под эту мелодию сначала робко, а потом все увереннее звучит песня.

А поет тот, кто играет на барабане — Ндугу Биругаба, самый искусный музыкант Упанги. Жители называют его Ндугу-музыкант.

Ндугу гордится таким именем. Для любого музыканта почетно так называться в народе. А тем более для тринадцатилетнего мальчика.

Ндугу не только играет на барабане и поет, но и сам сочиняет песни. И так быстро, так складно у него получается, что люди не перестают удивляться.

Вот родилась, например, у Джона Китунду дочка, не успел Китунду показать ее соседям, а из дворика Биругабы несется задорная песня:

Счастлив Китунду, счастлив жестянщик,
Родилась у него девочка, прекрасная Лейла.
Как солнце над утренним океаном, прекрасна,
Как цветок, умытый дождем, прекрасна...

Или, вернулся Петер Мфуатибути из Аруши от своих родственников, рассказал, как ходил в миомбо, лес, на охоту, а у Ндугу на следующий день готова музыкальная сценка, в барабанной мелодии повторяющая весь рассказ Петера.

Молодой красивый Петер на тропу охоты вышел,
Взял с собою лук и стрелы, и еще свой верный нож,
Столько раз его спасавший в трудных схватках со зверями...

Звуки барабана громкие, упругие. Слышится в них боевой клич охотников, подбадривающих друг друга перед опасным поединком. Слышится вера в удачу: охота выйдет на славу! Только бы не дрогнула рука. Только бы не подвел глаз. Только бы не сломалась стрела.

Охотник на тропе. Звуки барабана затихают. Что ни удар, то шаг, осторожный чуткий шаг охотника. Он в тревожном ожидании зверя — кто сегодня выйдет ему навстречу?.. Лев! Сам царь зверей пожаловал...

Барабан гремит теперь с такой силой, что кажется, вот-вот лопнет на нем кожа. И чудится в этом громе ярость раненого льва...

Схватка в самом разгаре. Барабан то затихает, то обрушивается грозной волной, то мерно и однообразно гудит, будто отдыхает. Будто к новой атаке готовятся охотник и зверь.

Но вот поединок закончился. Охотник победил. Все селение выходит посмотреть на его добычу. Ликуют люди — ликует и барабан Ндугу.

Верный нож спас Петера-охотника,
В самое сердце льва он вонзился.
И дрогнул царь зверей,
Упал на колени, как сраженное молнией дерево.

Послушать Ндугу приходят люди со всех окрестных улиц Упанги. Но самые-самые его поклонники — мальчишки и девчонки. Они приходят к Ндугу после школы и не расходятся допоздна. Поют, приплясывают. Мать Ндугу даже сердится: «Когда же вы уроки, сорванцы, делаете? Сами не занимаетесь, так Ндугу хоть не мешайте!» Но Ндугу не соглашается с матерью: уроки он успевает сделать, учится хорошо. А что ребята к барабану тянутся, так какой же это музыкант, если нет у него слушателей!

Однажды Ндугу пришел из школы позже обычного. На шее у него был повязан красный галстук.

— Что это у тебя? — спросила мать.

— Пионерский галстук. Меня сегодня приняли в пионеры!

Изумленная мать хотела что-то еще спросить, но Ндугу уж и след простыл. Побежал в свой угол — был у него такой, среди зарослей итиги оборудовал себе укромное местечко. Скоро оттуда понеслась песня. Незнакомая песня, не слышала ее мать раньше.

Я пионер, я пионер, как хорошо быть пионером!
Красный галстук на моей груди.
В нем кровь борцов за свободу Родины,
В нем цвет зари, цвет надежды и счастья моего народа...

Слушала мать песню и качала головой: что-то придумает сын-непоседа в другой раз! И что за страсть у него такая к барабану. То днями напролет над ним колдует, расписывает красками, перетягивает кожу, сушит. А то настукивает, аж звон в ушах стоит. Другие ребятишки ремеслу обучаются, подработать где-то стараются, а тут...

Растревожили мать эти думы. Впору осерчать.

Но не серчает. Уж такая красивая песня — заслушаешься! Пионер... Чудно! Если так обрадовало его это пионерство, что хорошо песню придумал, значит, не плохие они люди, пионеры...

К пионерским песням Ндугу тоже скоро привыкли. О многом рассказали они матери и соседям, о многих пионерских делах: как сажали пионеры кокосовые пальмы и агажу вокруг своей школы, как ходили в порт на встречу с советскими моряками, как пекли маниоку во время пионерского праздника, как танцевали под барабан Ндугу...

Но вот однажды барабан замолчал. Два дня не притрагивался к нему Ндугу. Сначала пропадал в школе, потом натащил ворох каких-то фотографий и разглядывал их в своем углу. Дивилась мать: что случилось с Ндугу? Что нашлось такое, что пересилило его страсть к барабану? Может, бросит свою музыку...

Не бросил! Воскресным утром вновь затрещал, запел, засмеялся барабан. И новая песня понеслась из зарослей итиги, пугая чутких ткачиков:

В далекой Москве, в нарядной Москве
Собираются юноши и девушки со всего света.
Они поют и танцуют, они веселы, потому что вместе!
Дружба позвала их в дорогу,
В могучую, как Килиманджаро, Москву,
В красивую, как Килиманджаро, Москву,
В сверкающую и праздничную,
Как Килиманджаро, Москву!

— Что это за песня такая, Ндугу? О чем она? — спрашивает мать.

— О Москве, о фестивале...

— О каком фестивале? — пожимает плечами удивленная мать.

— Расскажи! — просит подошедший на голос барабана Симон, друг Ндугу.

— Расскажи! — вторит ему сосед Китунду.

— Расскажи, расскажи, расскажи...— С каждой минутой растет вокруг Ндугу толпа.

— Слушайте! — выстукивает Ндугу. Лицо у него становится торжественным.

Барабан колышется в руках Ндугу, напевая стремительные мелодии. Лица людей расплываются в улыбках. Ноги сами собой пускаются в пляс. Ох, и веселая же новая песня Ндугу! Замечательная! И праздник молодежи в далекой Москве должно быть, замечательный!

Рисунок едет в Москву

Юха Аланне живет в Хельсинки, в районе Каллион Юля-асте. Ему четырнадцать лет. С десяти лет он пионер.

Когда Юха впервые пришел в пионерскую группу Каллион Юля-асте, он много чего не знал и не умел. За четыре года Юха не только возмужал, но и научился всяким пионерским премудростям, стал верным помощником коммунистов.

У Юхи есть сестра Ева. Ей шесть лет, и она пока не ходит в пионерскую группу. Но Ева мечтает носить красный пионерский галстук.

Группа Каллион Юля-асте собирается по понедельникам. Вечером каждого понедельника, едва дождавшись брата, Ева засыпает его вопросами:

— А что сегодня делали, Юха?

— Разучивали новую песню.

— Какую?

Юха поправляет на носу очки, хмурится. Название песни он не помнит. И вообще, петь не любитель. Нарисовать что — пожалуйста. А петь...

— Песня против войны называется.— Юха морщит лоб.

— А как это «против войны»? — На лице сестры искреннее удивление.

Юха смягчается.

— Ну, там поется, что детям не нужна война, что они хотят жить в мире, что в небе должно всегда светить солнце...

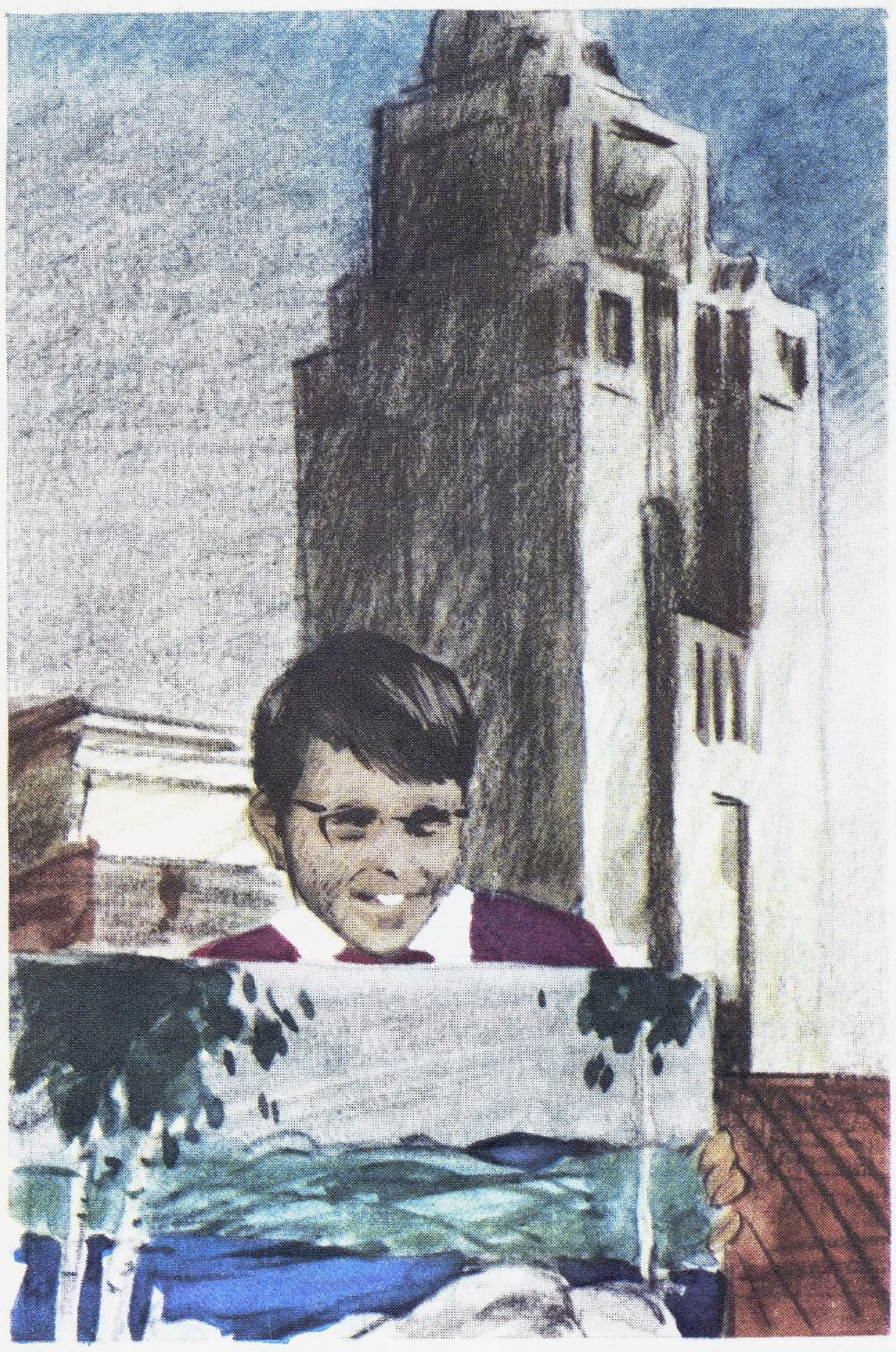
— Всегда светить солнце? — весело улыбается Ева.— Вот здорово! А у нас все дожди да дожди...— Спохватившись: — А зачем вы разучивали эту песню?

— Мы завтра идем на демонстрацию вместе с коммунистами. Рабочие, студенты, учителя — все пойдут. Будем протестовать против американских ракет в Европе...

— Каких ракет?

Юха отмахивается: ну тебя! Конца не будет твоим расспросам.

Иногда Юха под хорошее настроение допоздна рассказывает Еве о своих друзьях-пионерах, о



вожатых, о том, что они успевают сделать за то время, что бывают вместе. А случается, что настроение не очень — не располагающее к беседе. То какие-то юнцы изрисовали фашистской свастикой стены клуба, где собираются пионеры, то подбросили пионерам письмо с угрозами, то заболел вожатый, и не получился концерт, к которому давно готовились...

Однажды Юха пришел домой озабоченный. Ни слова не сказав, взял деньги и побежал в магазин. Вернулся с ворохом красок, кисточек, бумаги...

— Что у вас сегодня было? — спросила по привычке Ева.

Юха промолчал, разложил в своей комнате краски и бумагу.

— Что ты собираешься делать?

— Потом объясню, — пробормотал Юха, выпроваживая сестру из комнаты. — Не мешай, у меня времени всего два дня...

Впервые она видела его таким озабоченным. И деловым.

Весь вечер провозился Юха в своей комнате. Даже фильм не стал смотреть, когда по обыкновению вся семья после ужина устроилась у телевизора.

Утром, когда он убежал в школу, Ева решила подсмотреть, что же рисует Юха. Однако сколько ни искала рисунки, не нашла. Она и не предполагала, что Юха унес их с собой в школу — показать учителю рисования. Что-то его не устраивало в рисунках, смущало что-то.

Следующий вечер, как две капли воды, был похож на предыдущий.

Наверное, Ева так бы и не узнала, что рисовал Юха и почему спешил, если бы неделю спустя не вернулся он из клуба непривычно весел. Прямо с порога радостно заявил:

— Мой рисунок поедет в Москву!

— Который ты нам не показал?

Юха смутился:

— Хотел сюрприз сделать. Вдруг, думал, получится сюрприз... А не получится, никто и знать не будет о моей неудаче...

— А почему твой рисунок поедет в Москву? — дала волю расспросам Ева.

— Скоро там будет проходить молодежный фестиваль. Со всего мира приедут делегаты. Из Финляндии тоже приедут... Наш вожатый узнал, что газета русских пионеров «Пионерская правда» объявила международный конкурс детских рисунков. Лучшие рисунки будут выставлены на фестивале. Вожатый предложил нам тоже принять участие в конкурсе. Наши рисунки отбирало жюри. Мне повезло...

— А что ты нарисовал?

— Нашу страну, наши горы и озера, нашу столицу... Тебя, маму, папу... Все это будет жить, если не будет войны. Я назвал рисунок: «Мир — наша главная мечта».

Ева завистливо смотрит на брата. Счастливчик! Скорее бы шло время, чтобы и она могла стать пионеркой. И научилась рисовать. И посылала свои рисунки на фестивали. И радовалась удаче, как радуется брат.

Фестивальная эмблема

Земной шар в обрамлении ярко-желтых одуванчиков... Фестивальная ромашка, каждый лепесток которой — улыбающаяся детская рожица... Белый голубь, держащий в клюве пальмовую ветвь... Кулак, сжимающий красную гвоздику... Все эти рисунки — эмблемы XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Неофициальные, разумеется. А нарисовали их западноберлинские пионеры.

Есть в Западном Берлине в районе Шарлоттенберг рабочий клуб для юношей и девушек, членов Социалистического союза молодежи имени Карла Либкнехта. Раз в неделю сюда приходят пионеры из окрестных кварталов. Они арендуют одну из ком-

нат клуба, где проводят свои занятия. А занимается с ними вожатая Анна Хессе, студентка-биолог.

Много интересных дел придумывает для своих подопечных Анна. В канун Московского фестиваля у нее появились новые хлопоты: как, например, будучи не на фестивале, ярко и эмоционально рассказать ребятам о молодежном форуме? Как, будучи не в фестивальной Москве, ближе познакомить пионеров с этим городом? Или: что внесет в общую копилку фестивальных дел молодежи ФРГ ее группа?

Однажды Анна узнала, что в Западном Берлине молодежь организовала Подготовительный комитет фестиваля. В комитет стал приходить из Москвы журнал «Вестник фестиваля» на немецком языке. И хоть трудно было, но Анне удалось заполучить такой журнал и для пионерской группы Шарлоттенберга.

По «Вестнику фестиваля» ребята изучали историю фестивального движения, знакомились с прошлым и настоящим Москвы, русскими народными промыслами, советской культурой, спортом. Все это было в диковинку пионерам, потому что буржуазные газеты и журналы старались не упоминать о фестивале, о Москве, столице XII Всемирного, а если и упоминали, то всячески принижали значение фестиваля в молодежном движении.

Приносил журнал Михаэль Ханке, председатель совета группы. Раз в месяц он ходил за «Вестником фестиваля» в комитет.

Как-то Михаэль вернулся из комитета взволнованный и необычайно торжественный.

— Эмблему фестиваля утвердили! Вот...— Он раскрыл перед растерявшимися мальчишками и девчонками очередной номер «Вестника фестиваля».

— Красивая,— выдохнул кто-то.— Мне бы такую никогда не придумать...

— Ну и не беда, можно другую...— сказала вдруг вожатая. Загадочно посмотрев на ребят, предложила: — Давайте придумаем свои эмблемы! Официальная эмблема одна, но разве каждый из нас не может нарисовать свою?..

Что должна символизировать эмблема фестиваля? Конечно, мир, желание всей молодежи жить в мире — так считает Моника Бехер. Она нарисовала белого голубя, которого держат три ладони: белая, черная и желтая...

А у ее подруги Розалины на фестивальной эмблеме — земной шар в венце рукопожатий. «Нет ничего на свете сильнее дружбы»,— думает Розалина.

Фестиваль — это прежде всего солидарность с народами, борющимися за свою независимость, считает Михаэль Ханке. Помнит Михаэль, как летом 1984 года собирали они игрушки для детей Никарагуа, как рады были, когда получили письмо из далекой латиноамериканской страны: игрушки понравились никарагуанским малышам...

А еще раньше их группа собирала деньги в фонд помощи палестинским беженцам. Пионеры выходили на улицы и бульвары Западного Берлина, просили прохожих пожертвовать на помощь палестинским детям, старикам, женщинам. Несмотря на насмешки, а то и угрозы неонацистов, несмотря на равнодушные взгляды сытых, респектабельных буржуа, по пфеннигу сумели собрать сто двадцать марок... А весной 1985 года пионеров можно было видеть на демонстрации солидарности с народами Сальвадора, вместе со всеми демонстрантами они скандировали: «Нет — американскому империализму в Центральной Америке! Янки, вон из Сальвадора!»

Свою фестивальную эмблему Михаэль видит красной гвоздикой, среди лепестков которой крепко сжатые кулаки: белый, черный, желтый.

А Катарина Шмидке не только нарисовала свою эмблему, но и сделала по рисунку значок! Ребята, узнав об этом, всполошились: каждый захотел тоже себе сделать значок. И сделали! Когда вожатая Анна пришла посмотреть на эмблемы своих питомцев, удивилась: на стенах висели рисунки, а на груди у каждого приколот **свой** фестивальный значок...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Валерий АУШЕВ

Шел по городу отряд

Шел отряд
Барабанщиков.
Впереди —
Пара бантиков.
Вся в кудряшках
Голова —
Барабанщикам
глава!

Знак подаст
Кивком привычным —
В воздух
Палочки взлетят,
Стуком дробным
И ритмичным
Откликается отряд:

«Дружно,
дружно
Жить,
ребята,
нужно!»
Шел отряд
Барабанщиков,
Впереди —
Пара бантиков.
За отрядом тянулась
Детвора
С ближних улиц:
— Посмотрите,
Девчонка
С барабаном идет
И как звонко,
Как четко
В барабан она бьет!
«Дружно,
дружно
Жить,
ребята,
нужно.
В мире жить,
В мире жить —
Значит —
Миром всем дружить!»

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

Язык дружбы

Ко мне пришел в один из дней
Обиженный сосед:
— Мой старший брат собрал друзей
Из класса на совет.
Швырнули сумки на диван,
Сказали мне: «Замри!»
И обсуждать засели план
Под кодом «словари».

«На фестиваль из многих стран
Друзей мы в гости ждем.
Мы словари кладем в карман —
И с ними всех поймем.
Всем по душе значки найдем,
Дворец покажем свой,
Гостей по паркам проведем
Вечернею порой».

Спросил я брата: «Как узнать,
Гость из страны какой?
А то начнешь словарь листать
Совсем, совсем другой!
И не согнет ли вас дугой —
С утра и до зари
По улицам Москвы с собой
Таскать все словари?»

Коротким был неравный бой —
И вот вам результат:
В сердцах захлопнул дверь за мной
Мой сильный старший брат...

У дружбы солнечный язык,
Доходчивый, простой!
Как голубой в траве родник,
Он освежает в зной.
Язык улыбок, жестов, глаз,
Он радугой эфир
Расцветит миллионы раз
Непобедимым: «Мир!»
И я соседу говорю:
— Друзьям — Москва как дом!
Не обращаясь к словарю,
Друг друга мы поймем!

Звездный ветер

Над поляной,
Над палаткой
Звездный ветер пролетел,
Полог поднял он украдкой,
На мальчишек поглядел,
Посчитал их,
крепко спящих,—
Столько же и звезд блестящих
В темном небе он зажег,
Сам зевнул и лег под стог...

Сосен сонные верхушки
Первый луч позолотил
И в мгновенье превратил
Звезды в рыжие веснушки.
Словно капельки росы,
Уронил их на носы.
Просыпаются ребята,
Над поляной шум и смех:
«Рыжий, рыжий,
конопатый»,—
А веснушки-то у всех!

Как ожила речка Тихоня

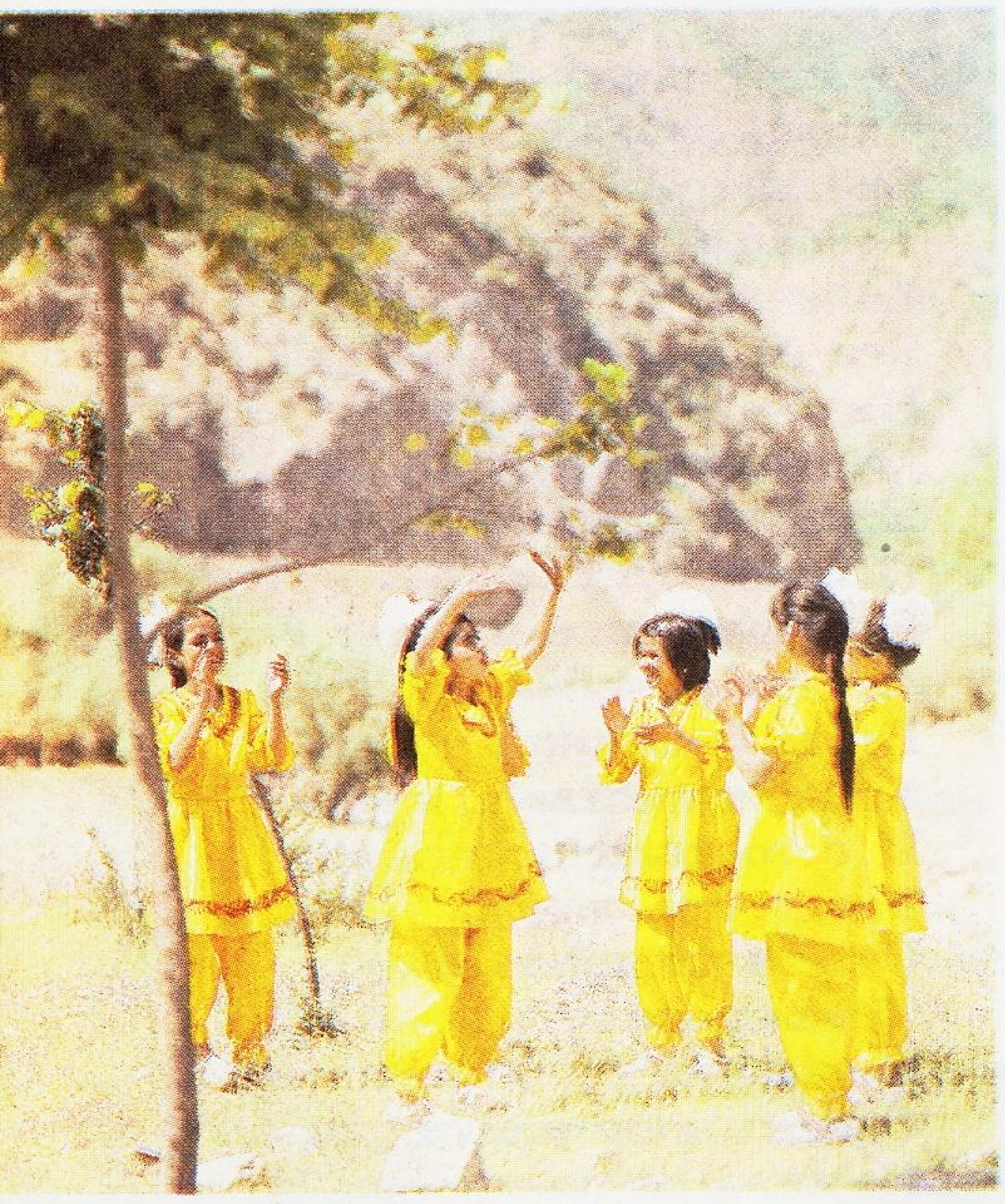
Речка Тихоня,
Тихая, рябая,
Среди трав зеленых—
Тропка голубая.
Камешки у речки
Все наперечет.
Не струится речка—
Медленно течет.
На пути завалы,
Островки песка.
Речки в речке мало—
На два ручейка.
Раки убежали,
Уплыла плотва.
И с тоски-печали
Речка чуть жива...
Отчего молчишь ты,
Тихая вода?
Глянь—
Спешат мальчишки
Из села сюда.
Вышел в путь-дорогу
Рано поутру
Речкам на подмогу
«Голубой патруль».
У ребят лопаты,
Ведра, черпаки.
— Здравствуйте,
ребята—
Рыбные мальки!
Мчитесь-ка,
не ссорясь,
Под быстринный душ
Из немых озерец,
Обмелевших луж!
Убраны коряги,
Скошена трава.
Радуются раки,
Плещется плотва...

Рисунок А. БОРИСОВА.

С. БОГАТЫРЕВА

«Машал» — значит «факел»

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.



Давно пора было уходить из аэропорта, а Катюша все медлила, очень уж ей там понравилось.

— Еще одну минуточку, самую коротенькую,— сказала сама себе Катюша.— Взгляну разок на самовар — и сразу домой.

Самовар был громадный — в десять Катюшиных ростов. Он возвышался в углу длинного прилавка, уставленного разными замечательными вещами: пирожными, конфетами, яблоками... Наверное, там было еще много интересного, но маленькой Катюше с полу плохо было видно, а о том, чтобы взобраться на такую верхотуру, и думать было нечего. Но вдруг...

— Смотри, Клава, какая куколка чу́дная! — услышала Катюша.

В тот же миг перед ней оказались две страшные вещи: метла и совок для мусора. Метла хищно зашевелила прутьями у самого Катюшиного носа, но крепкая рука подняла Катюшу и поставила ее на прилавок, неподалеку от замечательного самовара.

— Возьми ее, Клава, пусть украшает твою стойку,— сказала уборщица продавщице чая.— А то на полу, гляди, затопчут.

Возле самовара толпился народ, продавщице было не до Катюши. Катюша перестала притворяться куклой и потихоньку двинулась в путешествие вокруг самовара. Это оказалось очень весело: каждая грань его посылала Катюше ее отражение, да такое уморительное! То Катюша раздувалась, словно воздушный шарик, то вытягивалась, как огурец, то оказывалась без шеи, а то — с четырьмя руками. Она совсем забыла о решении идти домой через «одну самую коротенькую минуточку», а когда забываешь о разумных решениях, как известно, ничего хорошего не выходит. Катюша шла вокруг самовара, смотрелась в его сияющие серебряные бока и совсем не смотрела себе под ноги. Шагала-шагала, и, наконец, шагнула в пустоту.

— Ой, — сказала Катюша, оказавшись в воздухе.— Ой-ой-ой! — сказала она, перевернувшись на лету.— Разбилась вдребезги,—решила она, шлепнувшись на что-то мягкое. Впрочем, руки-ноги у нее шевелились, голова думала, и Катюша поняла, что с нею случилось что-то другое.

А случилось вот что: Катюша угодила в разинутую пасть большой дорожной сумки: та стояла на полу как раз под самоваром. Хозяйка сумки допила чай, застегнула «молнию» — Катюше стало темно и душно — подхватила сумку и вышла из здания аэропорта. Путь ей предстоял далекий: сначала на автобусе в другой аэропорт, потом по воздуху за 4000 километров, в столицу Таджикистана город Душанбе. Она возвращалась домой, думала о том, что скоро увидит своих дочек, и радовалась этому. Дочек у нее было пять. В Таджикистане такая семья считается небольшой.

Когда путешественница заглянула в сумку и обнаружила там Катюшу, она не особенно удивилась: решила, что кто-то из друзей положил ей сюрприз для дочек.

Зато дочки сразу узнали Катюшу. У них в Республиканском дворце пионеров вовсю готовились к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов и сделали для гостей не один десяток Катюшиных портретов. Сестры взяли Катюшу во Дворец, зашли вместе с нею в игротеку, где занимались юные художники. Там как раз лепили Катюшины изображения. Больше всех обрадовался Катюше Зиряк Шайхутдинов, семиклассник. Это он первый сделал из алебастра ее фигурку и теперь внимательно глядел на живую Катюшу, чтобы

проверить, похоже ли у него получилось. Все — и сама Катюша — нашли, что очень похоже.

Художники развели водой акварельные краски и, поглядывая на Катюшин наряд, принялись раскрашивать белые алебастровые фигурки. Когда краски подсохнут, их покроют сверху прозрачным лаком. Но этого Катюша не дождалась. Сестры, у которых она гостила, торопились: все они занимались в ансамбле «Машал», в его танцевальном коллективе. Сейчас там шли последние перед поездкой в Москву репетиции: ансамбль «Машал» завоевал право представлять на фестивале искусство своей республики.

Катюшу устроили на самом краю сцены, отсюда ей был хорошо виден весь зал.

В зале толпились девочки — их было очень много, разного возраста — от первоклашек до совсем больших, из 8-го или 9-го класса. Катюшу поразило великое разнообразие кос: у кого одна толстая коса змеится по спине, у кого две потоньше прыгают в такт движениям, а у многих — десятки тонюсеньких косичек взлетают по плечам, словно сами по себе пляшут под музыку. Удивительным показался Катюше и музыкальный инструмент: большой, круглый, он походил на бубен. Катюша услышала, что называли его «дойрой».

Весело заиграла дойра, мелкими шажками выбежали вперед танцовщицы, крыльями взлетели их руки, ритмично, в такт стали двигаться плечи, головы, шеи... Катюша попробовала так же поводить плечами, но у нее ничего не получилось. Вышло, что она просто мотает головой из стороны в сторону, как будто говорит «нет-нет-нет».

Музыка стала тише, спокойнее — опустились девочки на пол, стоят на коленках, одни руки танцуют под музыку, да пальцы в такт пощелкивают. Заспешила музыка — поднялись танцовщицы, встали в пары, закружились стремительно. Потом по очереди каждая пересекала зал в одиночку, быстро-быстро кружась на ходу. Смолкла музыка, девочки остановились и поклонились в Катюшину сторону. Катюша изо всех сил захлопала крошечными ладошками и спросила:

— Это какой был танец?

— Что ты,— засмеялись девочки.— Это был не танец, это была разминка!

Что такое танец «Машала», Катюша поняла очень скоро, когда досмотрела репетицию до конца. Она увидела, что все красивые и трудные движения под музыку, которым она удив-

лялась на разминке, в танце выстроились в стройный и разумный ряд, обрели смысл. Девочки танцевали не просто КРАСИВО. Они танцевали ПОНЯТНО, словно рассказывали о чем-то. Только без слов.

«Вот кого, должно быть, зрители любят»,— подумала Катюша после того, как перед нею пронеслись и бурный танец «Подруги», и нежный «Весенний вальс», и шуточный «Тюбетейки».

Она угадала. В Таджикистане все знают «Машал» и все любят — ни один праздник без него не обходится. Существует ансамбль давно, с 1962 года — это значит, что не одно поколение юных танцоров в нем выросло. Выпускники «Машала» танцуют сейчас в профессиональных коллективах, учатся в Институте искусств, работают балетмейстерами или руководят самодеятельными кружками. В 1974 году «Машал» стал лауреатом премии Ленинского комсомола республики. Знают его и за пределами Таджикистана: танцоры выступали на Всесоюзных ударных комсомольских стройках, ездили на гастроли в Москву, в Баку, в Ашхабад, в Ташкент, Киев. Побывали за рубежом: показывали свое искусство зрителям в Болгарии, ГДР, Чехословакии, Франции. Даже в Кремле они танцевали — на концерте, посвященном 50-летию Таджикской ССР.

За что такая честь «Машалу»? За красивые, стремительные танцы, живописные наряды, задорную музыку? Конечно, и за это. Но не только.

В «Машале», кроме танцевального, еще несколько коллективов: ансамбль дойристов, хоры. Все они заняты общим делом — помогают узнать и полюбить народное искусство.

Программы «Машала» рождаются не здесь, не в просторных залах Дворца пионеров. Так же, как и быстрые горные реки Таджикистана, танцы и песни «Машала» берут начало далеко от столицы, в горах и долинах. Туда, в уединенные кишлаки, добираются хореографы и хормейстеры ансамбля. Узнают, кто в старые времена славился искусством танца, кто хорошо пел. Записывают на магнитофон музыку, ритмы танцев. Просят показать движения, запоминают их, зарисовывают, снимают на кинопленку. А потом строят из них новые танцы.

В горах люди живут долго. Еще дольше живет людская память: хранит народные песни, бережет наряды, секреты ремесла, народных искусств. Танцы, которые сейчас еще можно увидеть в каком-нибудь кишлаке, почти не изменились за многие десятилетия. История народа оживает в них: по-своему — ритмом, движением — песня и танец рассказывают о труде, праздниках, обычаях.

Красота памирского танца (а в таджикском танце четко различается область его возникновения) родилась из трудовых движений. Памирцы — скотоводы, поэтому в их танцах мы видим, как косят траву, сгоняют скот, как женщины прядут шерсть или носят кувшины с молоком.

А в кулябских танцах сохранились движения ремесленников, поэтому там частенько в пляс пускаются предметы домашнего обихода — ложки, кувшины. Многое пошло и от труда таджичек: невидимая игла тянет невидимую нитку — это девушки вышивают сюзане. «Танец с наперстком» — рассказ о том, как шьют курпачу, толстое одеяло. Наперсток, без которого с этой работой не справиться, в танце превратился в музыкальный инструмент: пальцем в наперстке отбивают ритм по тарелочке, под него и танцуют.

К северным (теперь это Ленинабадская область) танцам восходит старинный обрядовый танец «Занг». Усложненный, украшенный новыми движениями, он пришел к нам из древних времен и обрел новую жизнь в программе «Машала». Ленинабад славится своим атласом, поэтому «Занг» исполняют в атласных платьях, в черных бархатных камзолах. В музыку дойры вплетается нежный звон «зангов» — браслетов, которые по традиции украшают наряд невесты. В каждом «занге» по двенадцать медных колокольчиков. В этом танце руки не отдыхают ни секунды — все время трепещут, чтобы не умолкли колокольчики.

А «Подруги» — танец, который рассказывает о забытых теперь запретах. В старину девочки-таджички воспитывались в уединении, им нельзя было показываться посторонним. Танец — его исполняют три девочки — на том и построен. Вот украдкой выбегает девочка из дому, оглядывается, зовет подруг. Робко поначалу, а потом все смелее, все быстрее танцуют они друг для друга, каждая в одиночку показывает свое умение и ловкость подругам. Потом на радостях, забыв запреты, весело пляшут, кружатся, играют втроем.

Национальный танец — не только искусство, но и наука, не только хореография, но и этнография. Поэтому в программах «Машала» строго соблюдается подлинность. Если танец памирский, то движения там очень четкие, техничные, а платья белые со стоячим воротничком. Если кулябский — то в руках должны быть ложки, кувшины или наперстки, а платье — вышито вручную: пестрые цветы на ярком красном или желтом фоне. В бухарском танце главное — движения рук, кисти. Танцуют же его в бархатном длинном платье, с длинным белым шарфом, в короне.

На концертах приходится мгновенно «переезжать» из одной области в другую, менять костюмы, настраиваться на новый лад.

А зритель видит веселое буйство красок, улыбки, слышит радостное разнообразие ритмов — все это так подходит к имени ансамбля, который назвали «Машал», что по-таджикски значит «факел».

«Машал» своим искусством воскрешает историю, но коллектив он самый что ни на есть современный. В пионерский лагерь инструкторами кто поедет? Ребята из «Машала». Кого послать руководителями танцевальных кружков? Их, конечно. Кто будет выступать перед ветеранами? «Машал». Кто отправится с концертами на полевые станы? «Машал». И всегда — легко, с охотой, без уговоров и отнекиваний.

Про них говорят: «У них душа пионерская». Их любят за то, что они не только артисты, они — труженики.

Маленькая Катюша всего этого не знала. Она просто любовалась яркими нарядами, легкими движениями, точным, изящным рисунком танца. И думала о том, как славно, что всю эту красоту увидят гости фестиваля, и как много узнают они нового: и о том, как хлопок собирают, и о том, как шьют знаменитые таджикские тюбетейки, и как вышивают сюзане...

Домой в Москву Катюша вернулась вместе с «Машалом» — ансамбль летел в столицу на фестиваль. Катюша устроилась в одной из больших коробок с костюмами танцоров. Когда коробки сдавали в багаж, стюардесса была недовольна:

— Пассажиры,— говорит,— такие маленькие, билеты у них детские, а багажа больше, чем у взрослых!

Но ей шепнули, что пассажиры — артисты из «Машала», что багаж — это их костюмы и инструменты, и стюардесса замолчала, смутившись.

В корзине рядом с Катюшей оказались «занги», веселые колокольчики. Всю дорогу они позвякивали потихоньку и напевали:

Динь-дон, дили-дон,
Попляши под перезвон!..

Сергей ИВАНОВ

ЕГО СРЕДИ НАС НЕТ...

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 6, 7.

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

О чем думают утонувшие

Алена Робертовна сидела совершенно одна в своей тускло освещенной октябрем квартире. Напротив молчал телефон.

В этот ранний час школьного утра она привыкла быть среди своего народа — витать в облаках объяснений, ссориться, дружить и многое-многое другое, чему названия она точного не знала. Но знала, однако, что оно существует — то, из-за чего она крепко-накрепко приросла к школе, и другой работы себе не мыслит, и всех «неучителей» считает лишь странными недотепами, коли они при совершенно свободном выборе сделались не педагогами, а какими-то там инженерами, балеринами или таксистами.

Но сегодня и сейчас она чувствовала себя плохо, так плохо и немодно, как тот чемпион мира по плаванию, который однажды вдруг обнаружил, что начисто разучился плавать... Этот случай, конечно же, уникальный.

Но то, что происходило сейчас с Аленой, происходит с людьми довольно часто: тебе лишь казалось, что ты чемпион мира по плаванию. На самом деле долгие бессмысленные годы ты барахтался на мелководье. И вдруг волею судеб лужа твоя стала морским заливом. Ты хочешь крикнуть: «За мной!» — а получается: «Буль-буль...»

Со спокойным отчаянием Алена стала прикидывать, чем она могла бы заняться в этой жизни... ну просто для пропитания. Со школой, она считала, покончено... Из дальней дали ей припомнилось, что когда-то, когда она сама была ученицей, то училась в школе с чертежным уклоном.

Алена подошла к шкафу, стала на колени, открыла нижний ящик, разгребла старые бумаги и достала со дна готовальню — огромную, совершенно профессиональную, длиною чуть не в полметра. Ее когда-то подарила Алене покойная мама.

Но сейчас она подумала не о маме своей. Ее поразило, как неожиданно легко нашла она эту стародавнюю, на веки веков позабытую вещь... Значит, память ее работала? Работала, а вовсе не была в обмороке или при смерти...

Она открыла готовальню. Каждая железочка покоилась тут в надлежащей бархатной лунке. И, глядя на этот не очень свойственный для нее порядок, Алена всею тоской своей почувствовала, насколько эта готовальня — чуждая ей вещь. И как далека ей и чужда чертежная профессия.

Алена была не из тех, кто часто плачет. Учительницы, я замечал, вообще плачут редко. И совсем не оттого, что жизнь им дается излишне легко, а оттого только, что им нет времени побыть маленькими!

Но взрослые ведь тоже не железные. И когда мы их «доводим» разными своими штуками, это только кажется, что они все забывают, что на следующий день они просыпаются и для них вчерашние неприятности как с гуся вода. Уверяю вас — нет.

Тут в высшей степени не надо судить по себе. У них это все слишком всерьез. И когда классное вече решает, например, сорвать урок какой-нибудь там вредной биологине, сперва стоит очень подумать, раз десять...

Алена сняла телефонную трубку и едва только набрала последнюю цифру, как на том конце провода сейчас же подняли трубку и сказали: «Школа».

— Людмила Ивановна! Я сейчас приду и все расскажу!

— Не надо, Алена! Лучше успокойся. Я даю тебе бюллетень на сегодня и на завтра!

А послезавтра, кстати, было воскресенье... Людмила Ивановна, видно, сама решила провести классный час.

Портфель Лиды Самсоновой

Забот шестому «А» хватало и без пропавшего журнала. Грозно надвигался конец первой четверти, словно конец света.

Вынырнув после второго урока из контрольной по алгебре, шестой «А» сейчас же попал под беглый — и, надо признаться, меткий — огонь фронтального опроса, который устроила историня... Передохнуть и заняться личными делами они смогли только перед шестым уроком, перед физкультурой.

По издревле заведенному правилу они сидели в классе, ожидая, когда за ними придет физкультурник Степан Семеныч. И невольно — как спохватились — начали говорить про журнал и про Алену.

Кто первый начал — шут его знает, само началось! Но точно, что не Таня Садовничья. Она как раз помалкивала: новых идей пока нету, так чего ж молотить пустую солому! Она любила наносить точные и решающие удары.

Но разговор начался, мелькнул слабой искоркой, и готово: уже весь класс в огне... Надо было принимать руководство. Таня тихо тронула Сережу за рукав:

— Следи внимательно, поддерживай меня с тыла.

Таня имела в виду: следи за моими действиями, чтобы вовремя прийти на помощь. А Сережа невольно стал следить за классом, за лицами ребят. И ему не понравились эти лица.

Чем?.. Пожалуй, он бы не смог сейчас точно ответить. Но какая-то в них была неприятная темная заинтересованность. Так бывает, когда кто-то дерется, а кругом стоит толпа зевак. Тебе лично это ничем не угрожает, и, значит, можно задарма посмотреть острое, так сказать, зрелище.

Но сейчас было даже не так, а хуже. Тридцать пять здоровых гавриков собирались пинать одного человека.

Только Танино лицо было иным: она ждала своего часа, чтобы сказать решающее слово и перехватить инициативу... То есть и это лицо «хорошим» трудно было назвать.

Вдруг Сережа заметил еще одно «непохожее» лицо. У Самсоновой Лиды.

Сережа видел ее в профиль. Видел нахмуренную бровь и видел кулак, в который она уперлась губами и носом. Такая странная для нее поза... какая-то неруководящая. А ведь обычно Лида очень хорошо помнила, что она староста в шестом «А», староста и первая красавица, по мнению ее клана.

Она как бы не слушала, о чем бушует класс. Но и

понятно было, что слушала... Она думала про что-то лично свое!

А шестой «А» шумел про два предложения. Первое: зачем ждать до завтра, пойдем к Людмиле и все ей скажем... Это воевали те, кого задело избиение на первом уроке.

Вторые же говорили: нет, дождемся до завтра. Пусть она придет, Алена, и при ней, чтоб она нам в глаза посмотрела! Это говорили те, кого «педагогическое дзюдо» заставляло буквально грызть парты.

А Таня сидела и прикидывала, какую ей группировку возглавить, а затем повести за собой к победе. Выигрышней было бы вторую: тут и судебный процесс получался эффектней... Но что-то в Танином сердце подсказывало ей, что надо торопиться, не то все может полететь «вверх тормашками».

Наконец она все-таки решила рискнуть: ладно, пусть завтра! А что, собственно, может случиться-то? Да ничего... Подумаешь — предчувствия, ерунда на постном масле!

И только она собралась открыть рот, чтобы веским голосом... как веский голос раздался из другого конца класса:

— Послушайте, что я вам скажу...

Это было сказано именно так, что все услышали и все замолкли... Самсонова — поняла и спохватилась Таня — была все-таки серьезным противником в борьбе за авторитет. Таким серьезным, что Таня не сумела вовремя вклиниться в эту чужими руками завоеванную тишину, чтобы сказать свое веское мнение. А тогда уж никакая Самсонова... Но Таня вот не нашлась!

— Делать надо завтра,— спокойно продолжала Лида.— Солиднее... понимаете или не понимаете?..

И дальше она повторила то же, что говорили сторонники второго пути. То есть ничего нового... Вроде бы... А считалось — отныне и во веки веков!— что это она придумала и она сказала. И класс пошел именно за ней!

А не за Серовой. А не за Садовничьей!

Кто-то уже чего-то начал с ней советоваться... Сережа, который, наверное, единственный сейчас «не участвовал», удивленно глядел на Самсонову. Странное опять было у нее лицо!

Нет, она, конечно, была довольна, что победила, понесла Серову и Садовничью, как говорится, по кочкам... А все равно у нее настоящего победного веселья не было в глазах. По-прежнему были в глазах только холодный расчет и тоска.

Дальше уж ему не дали времени заниматься этим психоанализом. Только засела в душе заноза непонятности: на будущие времена — разбираться... Дальше на него обрушилась Таня: что, почему он ее не поддержал, когда требовалось? Да ведь не во мне дело, хотел он ответить, кончай ты зло срывать. Но Таня и сама, видно, поняла. Остановилась:

— Сегодня будь дома. Возможно, ты мне понадобишься.

Сережа промолчал... Хотя у них давно уж были иные отношения! Куда более равноправные. Но Таня, когда сердилась, всегда вспоминала, кто у них командир, а кто Ватсон...

Смута и беспокойство клубились у Сережи в душе. И когда внизу, у раздевалки перед физкультурным залом, к нему обратилась сама Самсонова, он сперва даже не понял, чего ему надо сделать, растерялся.

— У меня голова болит, понимаешь?.. Я иду домой. Принеси мне сверху портфель!

Дошло наконец...

Такую просьбу готовы были бы выполнить очень многие — это уж вы поверьте. Но попросили Крамского, усекаете! Ничуть не запыхавшись, он вбежал на третий этаж, вошел в класс. Вынул самсоновский портфель...

Портфель Лиды Самсоновой — это была для шестого «А», что там ни толкуй, реликвия. Хорошо, что никто не видел Сережино слишком сосредоточенное и, честно говоря, отчасти торжественное лицо...

Да нет, увидел кое-кто, представляете! Ее звали... Как же ее звали-то?.. А! Бахтина Аля, из подшефного второго класса. У них все уроки кончились, вот она и бродит по школе — заглядывает...

— Здравствуй, Сережа Крамской!

— Здравствуй-здравствуй, Лиса-Алиса!— И сам удивился, какой взрослый голос он состроил.— А в продленной группе тебя случайно не ждут?

Алька сразу погасила любопытные круглые глаза, пожала плечами: мол, я хоть и маленькая, но отлично понимаю, когда люди ведут себя скучно... И ушла. А Сережа, мгновенно забыв эту сценку, бросился на физкультуру.

Народ к тому времени уже выходил строиться.

— Ты чего же так долго?— строго и как-то слишком громко спросила Лида.

Кое-кто даже оглянулся.

— Я н-недолго,— ответил Сережа и покраснел.

— А чего ты пыхтишь?

— Ничего я не пыхчу.— Сережа не мог понять, к чему она клонит.

— Странно!— Лида взяла свой портфель и ушла. Тут же и народ рассосался. Из физкультурного зала уже дважды прилетал судейский свисток — пора на построение...

Преступник спасает Алену

Надо заметить, Елизавета Петровна понимала, что многие изменения в Сережином характере в основном пошли ему на пользу. А все равно бабушке было страшно: ведь когда человек так меняется, это уже, по существу, не тот человек. Может, и лучше, но не тот!

Вот о чем она думала, поджидая Сережу из школы. И знала наперед: ее опасения никто всерьез не примет.

Мы ведь обычно как рассуждаем? Старая стала — значит, все, до свидания. У человека, можно сказать, самая мудрость просыпается, а его на пенсию — и на работе, и в семье. Да во всей жизни! Мол, утро вечера мудренее. И не надо вечеру соваться в наши умные утренние дела!

Елизавета Петровна отлично знала об этой творящейся в мире несправедливости. Причем неисправимой несправедливости, как считала она. И поэтому бабушка давно решила сама с собой, что надо маскироваться под «старую и рассеянную», под «бабушку для магазинов». Чтобы проще было жить...

Сейчас, когда внук пришел из школы, она ни о чем его не расспрашивала, а лишь наблюдала за тем, как Сережа ест приготовленный ею обед...

По лицу этому — причем неслышимые самому Сереже — бродили, словно тени от облаков, разные мысли и чувства. Про эту маленькую Бахтину — как она недоуменно и презрительно пожала на Сережу плечами — и про Таню с ее внимательным взглядом.

И про Самсонову бродили тени по его лицу — какие-то смутные, какие-то неизвестно почему неприятные, полные хитрых намекательных взглядов... Сережа нахмурился и отодвинул пустую тарелку. Бабушка, тоже молча, поднялась, чтобы положить второе.

И здесь раздался звонок. Какой-то особенно резкий, словно очередь из вражеского автомата.

Так у Сережи и соединилось в памяти: неприятные мысли и этот звонок...

— Привет,— сказала Таня.— Необходима срочная встреча.

Сережа глотнул воздуха, соображая, что он должен ответить на ее такой холодный руководящий тон.

— Я внизу. Около твоего подъезда.

Никогда она к нему не заходила. Почему — аллах его знает. Но факт, что никогда.

Он сорвал с вешалки пальто, кепку. Бабушка смотрела, как за внуком захлопнулась дверь. Взрослые — и особенно старые,— они тоже бывают растеряны, а потом утирают платком глаза и думают: «Старалась-старалась, готовила-готовила, а он даже...»

Таня сидела на малышовской площадке под грибком — нога на ногу, свободно откинувшись назад. Но именно в этой как бы свободности и было заметное напряжение.

И еще понял Сережа, что она спешила. Из-под пальто проступал коричневый уголок школьной формы. А Таня не любила этого платья. Дома сразу старалась переодеться. Да и, надо заметить, родители ее снабжали разными красивыми свитерочками и штанами.

Все эти мысли промелькнули в Сережиной голове совершенно автоматически, неуловимо. А ведь они значили, между прочим, что бывший стажер Крамской сам уже стал неплохим детективом... Но Таня так ничего этого и не узнала, не погордилась своими воспитательскими талантами.

— Садись,— сказала она с чуть заметной усмешкой. И протянула ему конверт, на котором разноцветно сообщалось, что первое июня — Международный день защиты детей.

За эти два месяца Сережа усвоил, что в общении с Таней лишние вопросы — это лишние неприятности. Раз дали тебе конверт, значит, соображай. Медленно Сережа осмотрел его, что называется, «с ног до головы».

— Да внутрь-то загляни!

Он вынул какие-то обрезки бумаги... зеленоватые квадратики. Ровно разрезанные... наверное, ножницами...

Что-то было написано. И Сережа почти узнал этот аккуратный почерк: «Самсонова, Серова, Суркина, Тренин» — фамилии были написаны в столбик... Да ведь это!..

Таня смотрела на него с любопытством и с насмешкой: мол, когда же ты догадаешься?

Сережа нервными пальцами потеребил еще несколько квадратов:

— Это же страница из нашего журнала?!

— Думала, ты только к вечеру догадаешься.

Эх, Таня, Таня, к чему твое ехидство! Он догадался как раз. Но больно уж открытие невероятное!

— Это нашла Миронова Варя. У себя в кошельке... На месте семи рублей! После физкультуры!.. Ну что ж ты не спрашиваешь ничего? Почему после физкультуры? Потому что на переменке ходила в буфет. И у нее оставалось в кошельке семь с мелочью. Мелочь на месте, а семи нету. Миронова сразу, естественно, позвонила мне...

Она еще что-то продолжала говорить... А у Сережи в голове буксовало немыслимое мелькание. Так иной раз бывает в телевизоре: то работал все нормально, а тут вдруг как замелькает. И ручки вертеть бесполезно, хоть совсем открути. Остается одно средство — грохнуть его кулаком по крышке.

Вот и Сережа точно так же: сидел-сидел с мучительной миной на лице да вдруг как закричит:

— Подожди ты!

Таня замолкла. Потому что глубоко в душе была все-таки лишь девчонка и пугалась, когда на нее неожиданно так гавкали...

Еще благородный гнев не успел проступить на ее нормально растерянном лице, когда Сережа сказал самое главное, что сейчас следовало сказать... как он считал:

— А выходит, Алена-то не виновата!

Они обменялись взглядами. И в Таниных глазах слишком ясно проступил вопрос: «Ну и почему я должна прыгать от радости?»

— Она же не виновата, Тань!

— Да... к сожалению.

— Как это... «к сожалению»?! Как это ты говоришь?!

— Ну так... Неважно.

— Честный человек оправдался, а ты не рада?

— А подлец ушел!

— Да не в этом дело. Мы честного человека чуть на каторгу не отправили... Представляешь, какими бы мы были тогда сволочами!

— Ну... себя называй, как понравится, а других... не надо!.. Ты перестань, перестань хлопать в ладоши! И послушай, что тебе говорят: вор от нас ушел!

— Да мы же его, во-первых, найдем, Тань. А потом... он уж не такой уж и вор.

— Он украл.

— Так он же украл-то... Разве ты не понимаешь?.. Чтобы Алену оправдать. Это еще не вор!

— А кто?

Сережа Крамской не знал, как сказать. А в голове его крутились какие-то странные слова, что воров, может быть, совсем не существует... не существовало бы, если б находились люди, готовые им вовремя помочь.

Но сейчас главное было в другом.

— Тань, надо к Алене бежать!

Таня посмотрела на него долгим прищуренным взглядом. Не презрительным, а скорей изучающим. Хотя чего уж там было его изучать.

— И зачем же ты пойдешь?

— Ну как зачем, Тань?..

— Слушай внимательно, что я тебе скажу. Обвинение с нее снято. Чего тебе дальше надо?

— Да, Тань...

Он хотел сказать, что боится, как бы Алена... ну, мало ли, чего-нибудь там с собой не сделала.

И не сказал. Потому что на самом деле он в это не верил. А врать о таких вещах не хотелось.

На самом деле ему было стыдно... ну или как-то ему было не по себе, что они так вот крутили-вертели Аленой, словно подопытной лягушкой. А теперь: «обвинение снято», и привет...

Отец как-то ему рассказывал, что теперь и подопытных лягушек не терзают: делают обезболивающие уколы или усыпляют... Даже лягушек!

— Я пойду к Алене, Тань... Как хочешь!

Она чуть не крикнула: «Я тебе не разрешаю!» Но именно не крикнула. Вдруг поняла, что это ей ничуть не поможет. А только она испытает унижение.

Долго Таня и Сережа... Нет, Садовничья и Крамской смотрели друг другу в глаза. Странное это

было занятие, никогда раньше они так не смотрели... Что-то надо было произнести.

Не произносилось!

Сережа никак не мог разобрать, что она хотела ему сказать глазами. Слышал в Танином молчании, что она, быть может, не остановится и перед применением силы... Но что же там было у нее в самой глубине глаз? Какие-то тени... Черные огни испуга...

И наконец Сережа понял! И сам испугался.

В ходе следствия они применяли незаконные способы ведения дела... Вот оно что!

Погоди. Но разве это возможно: раскрывать преступление и вдруг... незаконно?

Оказывается, возможно. Ведь человек не дикий зверь, его нельзя травить собаками, выгонять из укрытия разной отравляющей химией. Пытать, наконец!

Даже с преступником нельзя бороться преступными методами. Иначе из расследователя ты сам превратишься в преступника — понятно? Поэтому мерзости пишут в разных там заграничных детективчиках, когда сыщик, чтоб изобличить вора, забирается ночью в чужой дом или приставляет к виску пистолет, чтоб вырвать необходимый факт.

А ведь Алена даже преступницей не была. Только подозреваемой!

Теперь Сережа все это уразумел. Конечно, без тех четких формулировок, которые я здесь постарался изобразить. Он понял одними чувствами. Но получилось ничуть не хуже. Может быть, даже еще и крепче. Хотя словами он бы вряд ли что-нибудь сумел сказать.

Словами он сказал другое:

— Не бойся. Я все беру на себя.

— Я не боюсь, Сережа. Но ты запомни эти слова.

— Запомню.

И тут ему стало страшно... ну, страшновато.

Быть того не может, но и Тане стало сейчас... страшновато. Она поняла: в этот момент Садовничья и Крамской рвут навсегда. Во веки веков. У них разные дороги.

Никогда Таня не жалела о таких вещах — первая рвала. И вот вдруг настал случай пожалеть.

Но ни словом, ни взглядом она не выдала себя.

— Вечером позвони...

Еще хотела добавить слово: «Доложись»... Нет, не добавила. Теперь это было уже ни к чему. Просто ушла.

Конверт с клочками остался лежать на лавке.

В тайге при блеске звезд

Весь этот разговор — такой важный! — продолжался чуть больше десяти минут. Второе, укрытое крышкой и кухонным полотенцем поверх крышки, даже не успело простыть.

Он быстро съел котлету и картошку...

Бабушка, стараясь оставаться равнодушной и незамеченной, неотрывно следила за ним. Если б она была другим человеком, она бы предложила Сереже еще полкотлеточки: быстро съел, значит, против добавки возражать не должен.

Но бабушка была именно «тем» человеком. И видела, как сейчас далек Сережа от этой котлеты и от нее самой — шестидесятишестилетней Елизаветы Петровны Крамской.

Я не нужна ему в советчики, она подумала. И подумала это с горечью. Но без обиды. Не могла она обижаться на Сережу: слишком любила его. И если обижалась на кого, так только на человеческую природу: что она устроила некоторые вещи, совсем их не обдумав.

Вырос из бабушки, как из прошлогоднего костюмчика... Ну что поделаешь, думала она.

А снова до бабушки еще не дорос. И не понимает. А когда поймет — как бы уж поздно не было...

Ей теперь оставалось только одно: тайно следить за ним и стараться понять, по хорошей он дороге идет или по плохой. И если по плохой, то защитить, броситься вперед старой, но еще сильной тигрицей... Хотя по складу своему она вовсе не была тигрицей.

Однако знала: если понадобится, если за Сережу, то сил у нее достанет быть и решительной, и сильной, и даже злой!

А если по хорошей он шел дороге, то ей оставалось только молчать, готовить ему обед, неусыпно следить и ждать, когда и ей перепадут крохи интересных разговоров и новостей из его полной событиями жизни...

Внук ее в этот момент думал о Тане.

Вернее, это неправильное слово — «думал», потому что никаких стройных мыслей у Сережи не было. В его сердце громоздились разные бурные и часто противоположные чувства, а в голове мелькали обрывки разговоров, которые он сам сейчас придумывал и сам сейчас же отбрасывал — в пустоту, в забвение и вечную смерть.

Пожалуй, если бы Сережа Крамской был повзрослее, можно было б сказать, что он мучается. Он и в самом деле мучился, только не понимал этого. Он спорил с Таней и поминутно ее побеждал, вернее, убеждал. Но ведь Таня была не настоящая, а, так сказать, мысленная, выдуманная. Оттого и победы его были подобны победам над кораблями из игрального автомата.

А ведь они даже не поссорились... Да, никаких ругательных или просто громких слов произнесено не было. И будь на месте Сережи взрослый человек, он непременно воспользовался бы этим обстоятельством.

У многих взрослых это, между прочим, считается очень важным: были произнесены «смертельные слова» или нет.

Хотя, по существу, это полная ерунда. Сама ругань мало чего стоит. Даже часто бывает наоборот: кричат люди одно, а чувствуют другое.

Например, мать и сын: иной раз чего только от матери не наслушаешься... Да разве в том дело?

А тетка из соседней квартиры, может, никогда на тебя и голоса не повысила, но опять же разве в этом дело?..

Сережа знал душой, что между ним и Таней случилось что-то куда важнее и хуже обычной громкой ссоры.

Если перевести на взрослый язык, то, наверное, надо было бы употребить слово «разрыв». Или, пожалуй, точнее: «раскол»,— потому что «разрыв» — это когда люди любили-любили друг друга, а потом... разрыв.

Раскол — дело посерьезней, позначительней. Раскол — когда расходятся во взглядах. Вот как раз такое и получилось у Тани и Сережи...

И если даже этот раскол попробовать склеить через какое-то время, все равно трещины останутся. Сколько бы ты ни прожил, хоть двадцать, хоть семьдесят лет, эти трещины не срастутся. Они навсегда.

Было Сереже Крамскому в эту минуту тоскливо и

страшно. С особой отчетливостью он вдруг подумал: теперь и незачем сидеть за одной партой.

Это была как бы не его мысль. Это Таня подумала у него в голове...

Тут же он почувствовал, как сила оставляет его. Он ведь был сильный — с самого первого сентября. Но ведь он был Таней сильный... Неужели только Таней?

А теперь опять станет допотопная «Корма»?

Страшно ему это было. Падать вообще страшно... Особенно тем, кто полетал.

Но и четверти мысли не возникло у Сережи — пойти к Тане... прощение там... ну, или что-то в этом роде.

Он был уверен, что Таня его простит. И ошибался. Таня уже решила: Крамской — точка! То, что она жалела или не жалела, страдала или не страдала, роли теперь играть не могло. Такой уж она была человек.

К счастью, Сережа недодумался ей позвонить. Нет, не из-за гордыни, честное слово! Ему просто мысли такой не пришло: пойти просить ради собственной выгоды. И в то же время предать свою правоту... по-серьезному говоря: свои убеждения.

Так уж он был воспитан. Кем? Семьей. А если говорить точнее — бабкой своей.

Сережа Крамской этого нимало не знал, он этого даже в голове не держал — про какое-то там бабушкино воспитание... А понял он, откуда проистекает такой его характер, такая его душа, уже лет через пятнадцать, уже далеко за пределами этой книги.

Он сидел, бородатый геолог, в тайге, поздно вечером у костра, сентябрьской морозной ночью при блеске звезд. За спиной, в палатке, спали двое его товарищей. Можно было никуда не спешить, не думать о том, что не выспишься, потому что завтра за ними прилетал вертолет.

И так он сидел у костра, Сергей Петрович Крамской, молодой, но уважаемый человек. Сидел он и думал, и вспоминал, и многое-многое до него доходило.

Но бабушки уже не было в живых...

При помощи лупы

Сережа сунул тарелку в раковину.
— Спасибо.
— На здоровье. Вкусно было?
— Угу.

И пошел в свою комнату, где на столе его ждал конверт с картинкой про Международный день защиты детей. Медленно, с какой-то неохотой, с какой-то даже неприязнью Сережа взялся за него, вытряхнул на стол зеленоватые квадраты. Посидел минуту, перебирая и рассматривая их без всякой системы, без всякого, можно сказать, смысла.

Но вот в нем потихоньку зашевелилось любопытство. Сережа захотел найти квадрат со своей фамилией и со своими отметками... И не нашел. Почему?..

Тогда он стал складывать эти куски бумаги в том порядке, в каком они жили на журнальной странице... До вмешательства ножниц.

То была непростая работа! Но Сережа, которому за лето много пришлось решить всяких задач на внимание, головоломок и прочей... в сущности говоря, белиберды, имел тренированное упорство, тренированное умение не злиться, когда, как говорят, «не идет шайба в ворота».

И вот все квадраты расплылись на свои места, словно ученые льдины. С удивлением и с некоторым трепетом смотрел Сережа на то, что получилось. Странно было думать, но всего несколько часов назад это держал сам преступник...

То, что лежало перед ним, не было целой страницей. Скорее, это была половинка. Ну, может быть, чуть больше. Первой стояла фамилия Самсоновой и потом до конца списка, до Яковлевой Ольги,— весь шестой «А». Потому-то себя Сережа и не обнаружил, своей — Крамской — фамилии, которая осталась жить нетронутой на верхней половине журнального листа.

И почерк показался ему знакомым... Вынул дневник, перелистнул страницу. Вот! «Бездельничал на уроке биологии». И подпись Татьяны Николаевны... Две недели назад, когда была сделана эта надпись, Сережа, признаться, расстроился. Теперь же... Значит, это была «биологическая» страница журнала... И почему-то сразу он подумал: случайно или не случайно?.. Хм... Когда ноженками так все аккуратно разрезано... Нет, это не случайно.

Тогда зачем?

Еще раз он прошелся взглядом по журнальному полулисту. Невольно застрял на Самсоновой. Почему на Самсоновой? Ну потому уж, что Сережа Крамской никогда, как мы знаем, не был к ней абсолютно равнодушен. Хотя начиная с пятого класса она была заметно выше... «Кормы».

Ну ладно. Итак, Самсонова — две пятерки, четверка и снова пятерка... Отметочки! Хоть отправляй на Выставку достижений народного хозяйства!

Следующей в списке шла Серова Ленка. К ней Сережа тоже никогда не относился равнодушно. Но именно потому, что она была враг номер один Самсоновой Лиды.

Отметки... куда уж ей до Самсоновой: тройка, четверочка, причем эта последняя получилась у Татьяны Николаевны какая-то неуверенная, дрожащая, словно бы занимала чье-то чужое место...

Место законной тройки — вот в чем, наверное, дело... Или уж я это слишком ударился в гадания, подумал Сережа.

И тут как сильная рука подхватывает падающего с крыши котенка, так его подхватила неожиданная мысль: почему же тогда в конце сентября Алена дала золотую медаль Серовой — с ее такими подозрительными оценочками?..

Мы-то с вами знаем, почему классная руководительница шестого «А» выдала медаль Серовой Лене: чтобы развернуть «здоровую конкуренцию и дух соревновательства». А Сережа этого не знал и с удивлением вспоминал сцену вручения медали, происшедшую уже почти месяц назад. Счастливое лицо Серовой и растерянное, обиженное лицо Самсоновой.

Так, а что дальше? Сережа чувствовал: это еще не конец, у этой тропинки есть продолжение... Но мысль бестолково топталась на месте, как троечник у доски.

Ладно, пока отложим. Что еще можно сказать про данные клочки?.. А то, что они не клочки. Они аккуратные квадратики. ...Девчачья работа!

Для пущей важности он сбегал к маминому туалетному столику — был у нее такой один жутко заграничный пузырек от духов с огромной пробкой в виде увеличительного стекла...

Сережа аккуратно выкрутил из флакона увеличительную пробку, отчего по комнате сейчас же распространился горьковатый и чистый аромат.

А Шерлок Холмс, надо заметить, был не такой уж глупый человек, когда пользовался лупами!

Теперь Сережа отлично мог рассмотреть краешки этих квадратов. Да, несомненно: страницу разрезали ножницами. Причем не простыми ножницами, но маленькими, ноженками для ногтей.

Почему вы так считаете, коллега?

Да потому что линия получалась не прямая, а такими как бы полудугами, ведь эти ножницы, как известно, делаются не прямые, а с загнутыми носами.

Сережа опять сбегал к маминому туалетнику. Вот они, точно такие и лежат... Или примерно такие...

Взял лист бумаги, стал его резать... Хм! Если постараться... вернее, если не спешить, то можно прорезать совершенно нормальную прямую линию. А это значит, преступник... нет, преступница... торопилась!

Эх, Таня! Зря ты не захотела вести следствие! Сережа вскочил, чтобы позвонить ей. И вдруг странная мысль поразила его. Эта мысль все связывала воедино, объясняла все факты... Все, какими он располагал на сегодняшний день.

Доказательств, конечно, мало. Но интуиция буквально кричала Сереже, что он прав.

Странная мысль! И даже, можно сказать, страшная... Самому себе он и то не решался ее произнести. Ему даже казалось, что он видел эти ножницы с загнутыми носами в руках у... одного человека. На самом деле он их, наверное, не видел, а казалось, что видел.

Потому что Сережа слишком хорошо знал, у кого они могут быть... У кого они сейчас лежат в портфеле!

И чтобы прекратить это, чтобы не проговориться... самому себе, Сережа начал быстро и даже суетливо собираться.

И еще и еще подгонял себя: мне же надо к Алене Робертовне, она же там мучается, одна сидит...

Лишь бы не проговориться!

Опять надел школьную форму, хотя к Алене вовсе не обязательно было идти в форме, и он об этом знал.

Еще час назад, когда он сказал Тане, что все берет на себя, ему страшно было идти признаваться. Теперь он почти бежал... Как говорится, из двух зол выбирают меньшее.

Стоп! А вдруг ее нету?.. Заскочил в телефонную будку. Уже после второго гудка услышал Аленин голос.

— Здравствуйте! Говорит Крамской!— Это проговорил он как-то отрывисто и некрасиво.— Я должен к вам сейчас зайти.

И с этого момента началась совсем иная жизнь для него.

Демон!

Сереже казалось, что его голос абсолютно ровен. Лишь где требуется, он говорит потише или погромче.

На самом деле его голос вовсе не был ровен. Он весь извивался и дергался, словно был под пыткой. Да ведь он и был под пыткой — волнением...

А ровных голосов, кстати, вообще не бывает — на то мы с вами и люди. Вот памятники, те, наверное, разговаривают совершенно спокойно. И слушают друг друга совершенно спокойно...

Сережин голос «извивался и дрожал» в полной тишине, потому что Алена, если б и хотела, не смогла бы выдавить из себя ни звука... Гнев и ужас владели ею!

Но, к счастью, молодая учительница не умела по-настоящему злиться и мстить. Она была, что называется, поэтическая натура. А у поэтов главная жизнь вся проходит в мечтах, в разных мыслях да фантазиях. Нет, такие люди не умеют злиться или мстить. Они доверчивы, и с ними в общем-то хорошо иметь дело.

Наверное, Сережа потому и пошел к своей классной руководительнице, что в глубине души все-таки знал: Алена ему зла не сделает. Боялся, конечно, а все-таки и... не очень боялся.

Пожалуй, можно было сказать, что сейчас Алена куда больше страшилась ученика Крамского, чем он ее... Вспомнилось сегодняшнее утро. Географичка Лидия Павловна красивым своим голосом спрашивает: «Ну, Алена? Что ваши дети?..» Какие там, к богу в рай, дети?!

Ведь за ней шла настоящая охота, ей ставили безжалостные и хитроумные западни. И, главное, кто? Человек, которому она воспитывала душу более двух лет!

Помнится, у него еще бабушка... с таким приятным разговором...

Называется: мальчик из хорошей семьи!

В то же время она еще раз и во всей «красе» могла видеть свою так называемую рассеянность.

Рассеянность, говорила она себе, да нет, это уж по-другому называется. Это называется невнимательность. А еще более по-другому — эгоизм... То есть когда думаешь только о себе, витаешь в своих собственных фантазиях, а про других...

Но и никак она не могла отделаться от ужаса: какие же только эксперименты не ставил над нею этот мальчик, чтобы уличить!

Тут, кстати, неожиданно произошла довольно странная вещь. Дав слово, Сережа мертво молчал про участие в этом деле Садовничьей... Стоп. А как быть с остальными? Имеет ли Сережа право упоминать про те слежки и судебные разбирательства, которые вел весь шестой «А»? Тоже вряд ли! Кто его об этом просил?..

И тогда Сереже ничего не оставалось, как только все брать на себя одного!

Но когда усилия чуть ли не целого класса приписываются одному человеку, этот человек поневоле становится фигурой необыкновенной. Каким-то прямо богатырем!

Между прочим, не так ли возникли и все известные нам Гераклы, Антеи, Добрыни Никитичи?.. Врага разметал целый отряд или даже целое войско, а победу приписали одному человеку... Но это я между прочим...

Сережа, правда, получался фигурой не такой симпатичной, как богатыри. Но фигурой все-таки выдающейся. Алена даже, пожалуй... Бывают, знаете ли, такие особые злодеи, на которых хочешь не хочешь, а приходится взирать с потаенным восхищением. Про них иной раз даже книги пишут. Пример тому — знаменитая поэма Лермонтова «Демон».

Так думал Сережа, разглядывая свое отражение в Алениных расширившихся зрачках... И ему, надо сказать, не особенно нравилось его положение. Он никогда не был сильно охоч до славы (кстати, черта, которая всегда отличала истинно благородные души), тем более до славы чужой.

— А скажи, пожалуйста, Крамской...— начала Алена довольно робко,— как ты все-таки догадался, что я...— Она хотела усмехнуться, но усмешка не получилась, она лишь смогла пожать плечами.— Что я... не виновата?

И тут Сережа извлек уже хорошо знакомый нам конверт, а из конверта половинку журнальной страницы, которая тщательнейшим образом была восстановлена при помощи клея и тонких полос прозрачной полиэтиленовой пленки, которые, в свою очередь, были вырезаны из мешочка от заграничной курицы.

Я не берусь передать чувства, с которыми Алена Робертовна взяла зеленоватый листок. Скажу лишь, что руки ее крупно дрожали, и казалось, будто листочек тот ожил и собирается улететь в жаркие страны...

Уже через несколько мгновений Алена узнала страницу из своего журнала и почерк Татьяны Николаевны. Но не стала ее рассматривать, как это в свое время делал Сережа. На Алену вдруг нахлынули видения. Ей показалось, что она видит и весь журнал, лежащий в каком-то письменном столе. И если она еще напряжется, то сумеет рассмотреть и лицо девочки, которая сидит за этим письменным столом и что-то напряженно читает...

Однако хватит! Ведь все эти странные картины из области почти никем не признанной науки парапсихологии!

Так сказала себе Алена, которая твердо решила начать новую жизнь — более строгую и четкую, более похожую на жизнь завуча Людмилы Ивановны.

— А скажи, пожалуйста, как это к тебе попало?

Сережа готов был к такому вопросу. Без видимых запинок он воспроизвел Танин рассказ, везде заменив имя Садовничьей на свое... И только про семь рублей ни слова. Почему? Да потому, что он верил: эти деньги украдены, чтобы просто стали заметны клочки журнала. То есть он верил, что это не настоящая кража... И в то же время не очень верил... Он сперва сам хотел разобраться, сам — не впутывая в эти сомнительные дела взрослых.

Ведь это часто бывает. Взрослые говорят: «Детям этого знать не надо!» А ребята думают в каком-то важном деле: «Только бы взрослые не узнали!»

Эх, побольше б мы доверяли друг другу, попроще было бы и жить!

Итак, Сережа взялся излагать свою честную полуправду. А семь рублей сумел замаскировать.

Но совсем неожиданно он выговорил такое, в чем и себе не хотел признаваться:

— Тогда она вынула у Мироновой кошелек и положила туда...— и замолчал.

— Кто это «она»!

— Это... преступник...

— А почему ты сказал «она»?

— Честное слово, не знаю!— Сережа посмотрел на свою учительницу совсем не демоническим взором.— А зря... неохота подозревать!

За мгновение целый рой промчался в Алениной голове. На что же решиться? Что приказать ему раз и навсегда...

Но почему все-таки Крамской сказал ОНА?..

И снова мелькнула фигура девочки за письменным столом. Лицо ее было уже почти различимо.

«А зря не хочу подозревать!»

Правильно! Он сам подсказал ей, что надо сделать.

— Вот что. Послушай меня!— Аленин голос стал неожиданно строг.— Я хочу. И я требую, чтобы ты все прекратил! Чтобы все было забыто!

Хм... Если бы это зависело только от Сережи.

Но ведь Алена-то думала, что только от Сережи!

А теперь еще на нем висели, как пиявки, эти семь рублей... Конечно, на нем, раз он Алене ничего не сказал!

— Ты можешь мне обещать?

Сережа молчал.

— Или не можешь?

А он ведь ей не мог этого обещать... Эх, как было бы хорошо — раз-два: обещано! И конец.

Но не лучше ли будет именно найти того человека? Вернее, ту... ну не важно, пусть «того человека»! Найти, тряхнуть его-ее: «Ты что делаешь, дубина?! Тебе жить надоело?!»

— Пойми, Крамской. Мне сейчас далеко не до шуток. Ты затеял плохую игру. И я требую, чтобы...

«Да знаю я, что ты требуешь...»

— Я не слышу твоего ответа, подтвержденного честным пионерским словом! Крамской!

Сережа молчал... Да и что же он мог сейчас делать другое? Уже хотя бы потому, что класс, разгоряченный следствием и погоней, остановить будет очень нелегко. Классу подавай убийцу!

Но, говоря честно, Сережа и на себя теперь... не сильно надеялся. Ему все больше казалось, что он должен довести расследование до конца.

Алена словно схватила его мысли за шиворот:

— Недаром, понимаешь ли ты, недаром судить разрешается лишь юристам. То есть людям не только со специальным образованием, но и со специальной совестью!

— Я обещаю вам, Алена Робертовна, я постараюсь... это прекратить.

Сейчас Сережа решил, что лично для себя он оставляет этот вопрос открытым, а что касается класса... Ну, он попробует уговорить класс больше расследованием не заниматься... Потому он и сказал: постараюсь.

А для Алены сие прозвучало полной дикостью. И чтобы не раздражаться, с одной стороны, а с другой — чтобы не впасть в мягкий «уговаривательный» тон, отвергнутый ею навсегда, а с третьей стороны, чтобы сохранить свой новый тон — строгого величия, Алена решилась на довольно сомнительные, с точки зрения настоящей педагогики, слова. Она сказала:

— Теперь ступай, Крамской, и подумай!

Так обычно делают не очень толковые учительницы, когда им надо оборвать разговор по той причине, что ничего более умного они сказать не имеют.

Тогда и Сережа поступил, как не очень толковый ученик. Он сказал:

— Спасибо! До свидания!

Ибо ничто не дается нам так дешево и не ценится так дорого... ну и тэ дэ!

Однако, уходя, он взял листок, положил его в конверт с Международным детским днем. И Алена поняла, что ей еще оттачивать и оттачивать свою новоиспеченную педагогическую строгость.

Значит, прощай!

По-осеннему быстро и густо смеркалось, когда Сережа вышел на улицу.

Пора и Тане звонить, решил он, уже вечер настал, а она сказала: «Позвони вечером».

Странно: вроде разошлись они как в море корабли, а вроде и... странно!

И еще Сережа напрочь забыл, что хотя бы немного может быть собою горд: ведь он не испугался, и совершил подвиг, и спас Алену от многих мучений.

Кстати, и Алене Робертовне тоже, я думаю, не мешало это понять: некто, жертвуя собой, избавил вас от многих горьких минут! Но в Алене, увы, сработала нормальная взрослая психология: «ребенок» был виноват, он пришел и признался в своей вине — это естественно, учитель его простил — вот и награда!

Нас часто не понимают — уж так вообще жизнь устроена. И чтобы не обижаться на эти непонимания, давайте постараемся помнить, что очень часто и мы сами не понимаем других... Впрочем, нередки случаи, когда мы не понимаем даже самих себя!

Таня словно специально томила его: телефон продудел уже четыре гудка, она все не снимала трубку. А ведь дома! А ведь знает, что звонит именно Сережа!.. Да и пускай — если уж ей так нравится!

Она действительно и была дома, и знала, что это звонит Крамской. Одной рукой она выключила в душе воду, другой схватила полотенце и, шлепая босыми мокрыми ногами по полу, побежала к телефону.

Дело в том, что Таня — человек строгий не только с другими — считала себя недостаточно стройной. И поэтому делала по возможности ежедневно специальную тайную гимнастику, которую мать ей прислала из женского йоговского журнала! ...Ну, а после гимнастики без душа не проживешь.

Она сдержала дыхание, поймала за крыло взволнованный голос, сказала спокойно:

— У телефона!

Однако Сережа услышал и бегущее дыхание, и особый голос. Только понял их неправильно.

— Тань! — Он закричал, и так свободно закричал, настолько безо всяких задних мыслей, что сразу ему стало легко.— Привет, Тань!

И единым духом, за пять минут все рассказал и про «Демона», и про Аленину вдруг прорезавшуюся строгость, и про Аленин приказ все забыть, и про свое полусогласие. А полунесогласие! И про тайну... в семь рублей... Эх, словно и не было предчувствия надвигающейся смертельной ссоры!

За время Сережиного рассказа Таня окончательно успела прийти в себя. Запахнула махровый халат и, поджав ноги, уселась в кресло, а голову обмотала полотенцем.

— Ну что же, Алена Робертовна права. Некоторые преступления лучше не замечать. Тогда и жить будет легче...

— Ладно, Тань... Ты же ведь не согласна!

— Согласна или не согласна — неважно. Я в этом деле больше не участвую!

— Ну правильно, Тань. Я тоже теперь против. Но все-таки узнать-то надо!

А как же! Ведь надо же трясануть того человека: «Гляди, подруга! Первый раз прощается, второй — запрещается...»

Он хотел это все сказать Тане. Она заговорила сама — спокойно, насмешливо:

— Лично мне узнавать ничего не надо. Я и так знаю. Какая-нибудь детская месть Алене... Для меня это слишком мелкая рыбешка!

— Что за мелкая рыбешка?— тихо спросил Сережа.— Про кого это ты говоришь?

— Да не про кого конкретно. Просто — мелкая... рыбешка!

— Что-то не понимаю тебя!— Досада прижигала его изнутри, словно кусок сухого льда.— Мелкая... Тебе что, наесться надо?

Сказал и понял: такие слова даром не проходят...

— Нет, наесться мне не надо. Я хотела поймать ее и препарировать.

— Чего-чего?!

— Препарировать — это значит разрезать и узнать, что внутри. А мелкую рыбешку мне препарировать неинтересно!

— А ты не слыхала, Тань...— Сухой лед внутри жег и морозил его уже почти нестерпимо.— Ты не слыхала случайно, что люди не жуки и не лягушки, чтобы их... препарировать!

— Ну... во-первых, и жуки, и лягушки, и люди внутри устроены примерно одинаково — вот ты, видно, об этом не слыхал! Однако мы завели...— она холодно замолкла на секунду,— слишком длинный разговор!

И затем Сережа услышал короткие гудки...

Хотел грохнуть трубкой обо что-нибудь потвер-

же, но вспомнил давний рассказ бабушки про какого-то там султана, который специально держал пленников, чтобы можно было их казнить, когда зло берет или зуб разболится.

На самом деле такого султана в природе не существовало. Бабушка его придумала в воспитательных целях...

Сережа, который с раннего детства не хотел быть похожим на того султана-болвана, аккуратно повесил трубку на железные телефонные рога, вышел из будки.

Кто кого!

На следующий день литература была у них четвертым уроком. И вот в класс вошла Алена. Походка ее была пружиниста, взгляд горел, и голос, которым она сказала «Тихо, ребята!», заставил всех замолкнуть.

— Как вам известно, у нас пропал классный журнал. Вчера эта история стала мне до конца ясна... Мне — понимаете? И это мое дело — вашей учительницы, вашего классного руководителя!

«Ого»,— невольно подумал шестой «А»... Словно Аленина истинная душа, до того скрывавшаяся, вдруг вырвалась из засады!

— Я никого не хочу посвящать в эту историю! Я ее прекращаю, вы слышите?! И если кто-то вздумает продолжать ее, пусть не надеется на хорошую жизнь. Этой истории не было в нашем классе!

— Но ведь она была!— тихо сказала Таня Садовничья.

Ее мог услышать только Сережа. Алена бы прежде обратила внимание на этот голос не больше, чем на полет мухи под потолком.

— Садовничья! Ты, кажется, что-то сказала?

Ничего подобного Таня не ожидала. Да и никто не ожидал.

— Садовничья?! Так кто там тебе жить не дает?— эта фраза была давно когда-то вычитана в одной книжке. Теперь она очень оказалась кстати для «новой Алены».

Таня поднялась:

— Извините. Я... я нет...

— Ну и отлично. Всем все понятно пока?.. Остальное я вам объясню после!

Эту фразу Алена уже нигде не вычитывала. Эта фраза выскочила из нее сама. Знать, давно сидела там и теперь хвать — как черт из рукомойника...

Окинула замерший класс уверенным учительским взглядом:

— Хм... Ну, а что ж ты стоишь, Садовничья? Иди уж отвечать!

И с разных сторон раздался смешок — такой угодливый смешок испуганного класса.

Его услышала Алена Робертовна, и что-то сжалось у нее в сердце... А что там сжаться могло? Да, наверное, какой-нибудь важный сосуд. По нему кровь шла-шла, и вдруг он сжался, у него словно б дыхание перехватило. Кровь остановилась, Алена почувствовала горечь, боль и подумала: «Да, господи! Что же это я делаю такое!»

Но лицом не позволила себе измениться и на полветерка: страшно было снова впасть в ту кисельную расхлябанность. И она удержала себя, спокойно села на стул, задала Садовничьей вопрос.

Угодливый тон и трусливый смех услышал и Сережа Крамской. К тому же он ведь не мог знать, что делалось в Аленином сердце.

Он никогда особенно не любил Алену. А теперь понял, что все-таки он любил ее, но только ту, прежнюю. И назло «новой Алене» подумал: «Нет уж, не испугаюсь я твоей «хорошей жизни», продолжу следствие!»

На перемене он подошел к Серовой:

— Лена, мне для ведения дела очень нужен на десять минут твой дневник.

Серова подняла на него большие... серые глаза (да, так уж совпало в жизни). А на груди сверкнула золотая медаль... раздора, врученная Аленой.

— А при чем здесь?..— И она скосила глаза свои на сидящую рядом Варьку Миронову.

Тьфу ты, господи! Человеку надо проверить некоторые очень важные наблюдения над листком из журнала, а здесь на тебе — Миронова с семью рублями... До чего ж все переплелось и перепуталось.

Сегодня ранним утром Сережа позвонил Мироновой и сказал, что она получит свои деньги. После уроков. И при этом взял строгое слово не разглашать... А Серова уже знает!

Но, с другой стороны, и семь рублей тоже не шутка — для человека, который ни зарплаты, ни стипендии, ни тем более пенсии не получает.

— Спокойно!— сказал Сережа нервным голосом.— Спокойно! Я же обещал, что разберусь!.. И Миронова мне тоже кое-что обещала... А пока, Серова Лена, дай-ка дневник.

— А что Таня считает?— спросила Серова голосом приближенного к начальству человека.

— Что Таня, я не знаю,— ответил он сердито,— а я разберусь!

И, поймав на себе мироновский взгляд, он постарался успокаивающе улыбнуться.

Он решил просто-напросто собрать с народа по двадцать копеек. Их тридцать пять человек, как раз получится семь рублей. Таким образом Миронова успокоена, побочное злодеяние устранено... А с тобой, дорогая преступница, мы еще потолкуем!

И Сережа начал действовать.

У них в классном шкафу давным-давно стоял разломанный глобус. Он разломался как раз по экватору, и две половинки получились словно две чашки-пиалы.

Сережа взял одну из них (ту, у которой дном была Антарктида), поставил ее на шкаф. А на доске крупно написал: «Миронова потеряла 7 рублей. Просьба положить в Земной шар (на шкафу) 20 коп. У кого есть... совесть!»

Довольный собою, он поставил восклицательный знак в конце. А вокруг него уже собирался народ, конечно. И многие опять и опять удивлялись втайне, как изменился этот Сережка Крамской... Вот тебе, дядя, и «Корма»...

А пока Сережа был занят своим писанием, своими восклицательными знаками и своей гордостью, он, к сожалению, не заметил некоторых важных вещей. Того, например, как Самсонова глядит на его писание. Зрачки Лидины были так расширены, словно надеялись стать величиною с те буквы, которые вырастают на доске...

А Варька Миронова... она ничем не была знаменита, а только тем, что сверхпредана своей Серовой, эта Варька сидела сжавшись и не знала, то ли ей плакать, то ли ей радоваться.

Сережа оглянулся. Он искал Таню. И тотчас нашел! Тане тоже очень хотелось встретиться с ним глазами... И стало Сереже после такого веселого и победительного настроения сильно не по себе.

Он вдруг осознал, что Таня ему теперь не союзник. Противник!..

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Алексей Стаханов.

Бригада Михаила Путина.

Прасковья Малинина.

Макар Мазай с М. И. Калининым.

Е. ВЕЛТИСТОВ,
лауреат Государственной премии СССР

СТАХАНОВЦЫ

Юрий Гагарин.

СТАХАНОВ

В ту памятную осень на землю падали с веток созревшие яблоки.

В ту осень, пятьдесят лет назад, в донецкую шахту «Центральная-Ирмино» спустилась бригада забойщиков Алексея Стаханова.

Раньше забойщик крушил уголь тяжеленным молотом — кайлом. Парторг шахты Костя Пет-

ров решил, что новую технику — отбойный молоток — лучше всех освоит Стаханов. Парень он широкоплечий, авторитетный.

Идти на рекорд решили в ночь на 31 августа 1935 года — отметить Международный юношеский день. Договор скрепили рукопожатием.

В угольный пласт по кличке «Никанор» врезался Стаханов. Он работал в ту ночь иначе, чем другие: резал и резал уголек и не ставил, как прежде, крепления — за ним ползли крепильщики пласта.

Утренней смене Петров объявил:

— Четырнадцать норм вырубил Стаханов!

Костю окружили забойщики:

— И нас возьми на заметку, парторг! Будем соревноваться со Стахановым.

Вслед за шахтерами новые методы труда стали искать сталевары, токари, железнодорожники. Соревнование стало всесоюзным. Вскоре в Кремле прошло совещание стахановцев всей страны.

Так родилось новое слово в истории — «стахановцы».

Стахановцы ставили мировые рекорды, учили других, как досрочно выполнить планы первых пятилеток, их называли гигантами труда.

ПУТИН

А начиналось все так.

Михаил Путин, бригадир ленинградского завода «Красный выборжец», прочитал в январе 1929 года в газете «Правда» статью Владимира Ильича Ленина «Как организовать соревнование».

Ленин глубоко верил, что сознательный труд рабочих и крестьян на свое государство сотворит немалые чудеса, будет важнее золота...

Первый коммунистический субботник 12 апреля 1919 года, когда отремонтировали паровозы, Ленин назвал «великим почином». Соревнование, как предвидел Ленин, самая великая сила, которая позволит выполнить грандиозные планы, построить социализм.

Бригада Путина обсудила статью Ленина и решила вызвать на соревнование другие бригады.

И вдруг бригадир предлагает:

— Ребята, давайте закрепим решение документом.

— Зачем это?.. Не к чему стараться... Бумагу только тратить...

— Вот поймите,— убеждал бригадир,— мы поговорили и забыли. А как проверить?

Согласилась с бригадиром бригада. Написали: «Договор по социалистическому соревнованию...» И далее подписи всех членов бригады. Всех бригад «Красного выборжца».

Всколыхнулся завод. Работали четко: раз дал рабочее слово — держись, выполни! Подобные рабочие документы появились и на других заводах и фабриках.

...Договоры о социалистическом соревновании сегодня — на каждом предприятии страны.

Такие люди, как Путин, доказали, что новый человек нового государства уважает свой труд, уважает труд товарищей, с которыми соревнуется.

МАЗАЙ

Сталевара Макара Мазая попросили к телефону.

— Говорит Орджоникидзе. Как плавка сегодня, товарищ Мазай? Как соревнование?

Мазай растерялся. Он вызвал соревноваться всех сталеваров страны... Его письмо в газете «Правда» заканчивалось так: «С нетерпением ждем, дорогие товарищи сталевары, вашего ответа по адресу: Мариуполь[1], завод имени Ильича. Сталевару Мазаю и его товарищам». И именно с ним говорит из Москвы сам нарком товарищ Серго!..

Макар называет наркому тех, кто принял вызов: Макеевка, Ногинск, Москва, Магнитка, Кузнецк. И прежде всего его товарищи по заводу.

Стране нужны сталь, чугун, металл. Договорились, что сталевар будет докладывать наркому о ходе соревнования ежедневно.

В то осеннее утро 1936 года после очередной плавки Макар чувствовал себя особенно радостным. Он шел по городу, вдыхал запах степей, моря, кипящей стали.

...После войны страна узнала последние слова знаменитого сталевара.

Осенью сорок первого года фашисты захватили Мариуполь. Макар Мазай варил сталь для фронта, не успел уйти. Мастер стоял перед ухмыляющимися гестаповцами. Тот самый сталевар, который заявил с трибуны съезда Советов: «Если фашисты нападут на нашу страну, металлурги зальют им глотки кипящей сталью».

Они предлагали ему жизнь, работу, солидную должность в фирме Круппа, лишь бы он только начал свою мастерскую плавку. Так нужна была им азовская сталь!

Он ответил по-рабочему, честно:

— Зальем вам глотки.

Ни одной тонны металла не получили враги на заводе, где работали Мазай и его товарищи.

А после изгнания фашистов вновь закипели огнем мариупольские печи.

МАЛИНИНА

У Прасковьи Малининой, в селе Саметь Костромской области, на каждом перекрестке бросался в глаза один и тот же плакат: «У нас несчастливый — только ленивый!»

Сама Малинина начинала трудовую жизнь босоногой корзинщицей. А стала Прасковья Андреевна председателем колхоза «12-й Октябрь», трижды Героем Социалистического Труда, известной на весь мир колхозницей.

---

[1] Ныне город Жданов.

Колхоз этот вывел знаменитую костромскую породу коров. И случилось это в самое трудное для страны время — в годы войны.

Жили трудно. Работали день и ночь. Женщины и пахали и сеяли на быках. Малинина вместе со всеми доила коров, ухаживала за телятами, строила фермы.

Приехала государственная комиссия во главе с академиком. Комиссию вышли встречать всей деревней, на коров надели колокольчики с уздечками.

— Есть порода, есть! — признала комиссия. — Можете радоваться!

А радовалась не только одна деревня — вся страна!

Колхозы страны равнялись на фермы Самети, на мастерство их хозяев, на Малинину.

...Партия объявила Нечерноземье Всесоюзной ударной стройкой. На этой стройке появились свои правофланговые социалистического соревнования. Среди них земляки Малининой — костромские школьники, решившие работать после десятилетки на селе. Почин этот, как известно, подхватила сельская молодежь. А бывшая десятиклассница, бригадир комсомольско-молодежной фермы Галина Ивановская была избрана делегатом XXVI съезда партии.

ГАГАРИН

Юрий Гагарин 12 апреля 1961 года крикнул из кабины корабля «Восток» удивившее планету первое «космическое» слово: «Поехали!»

Так мог крикнуть только счастливый человек, не готовивший себя заранее в герои. Он первым из людей увидел с космической высоты Землю и не удержался: «Красота-то какая!»

После Гагарина в космос летали десятки космонавтов и специалистов. Они выходили в открытый космос, фотографировали Землю, изучали Солнце и далекие галактики, проводили научные и медицинские исследования.

А на планете каждый космический шаг отзывался трудовым эхом. Имя Юрия Гагарина присвоено передовым коллективам: донецкой шахте и венгерской теплоэлектростанции, Высшей инженерной школе в Польше и лучшей смене болгарского металлургического завода, бригаде «Красного пролетария» и океанскому судну.

Космос работал на Землю, космонавты выполняли рабочие задания пятилеток. Земля осуществляла их полеты, использовала информацию из космоса для практических дел.

Началось самое необычное трудовое соревнование в истории человечества.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Отряд говорит

ОБМЕНИВАЕМСЯ ОПЫТОМ

В 4-м номере «Пионера» мы открыли новую рубрику «Обмениваемся опытом». Попросили ребят рассказывать о самых интересных делах отрядов и звеньев, о своих размышлениях в походе по маршрутам Всесоюзного Марша юных ленинцев.

Писем пришло немало. И особенно нас порадовало, что мальчики стали гораздо активнее. Именно мальчики (пусть девочки не обижаются!) высказали очень толковые и дельные соображения и предложения.

Вот что пишет Юра МИЩЕНКО из города Тростинец Сумской области: «Часто можно услышать такой вопрос: «Почему мальчики не участвуют?» Ответ очень простой: неинтересно. Нас ведь никто не спрашивает, что нам ХОЧЕТСЯ делать. За нас, случается, решают девочки и учителя. А если человеку не нравится, если он не захочет, он все равно делать этого не будет, никто его не заставит. Мальчики любят спортивные игры, соревнования. Не главное — кто победит. Важна сама игра. В игре все объединяются, сдруживаются. И каждый имеет возможность проявить себя. А мальчикам приятно показать себя сильными, умелыми. Когда интересно, то все получается. И все начинают в тебя верить. А как только в тебя поверили, ты в лепешку расшибешься — еще что-то сделаешь для друзей. И все, что попросят, сделаешь, потому что чувствуешь, что к тебе относятся как к человеку, считаются с твоим мнением и желаниями».

Правда, интересное письмо? Пожалуй, и психологи ничего не сумели бы выразить против наблюдений и размышлений Юры. Молодец!

А теперь, КАК ОБЕЩАЛИ, даем адрес ЮРЫ МИЩЕНКО, чтобы те, кто захочет с ним ПОСОВЕТОВАТЬСЯ, ему написали: СУМСКАЯ обл., г. ТРОСТИНЕЦ, ул. ОРДЖОНИКИДЗЕ, 25.

ПРОСЬБА: писать ТОЛЬКО интересные письма, в которых вы расскажете о себе, о своих заботах и размышлениях. ПЕРЕПИСЫВАТЬСЯ есть смысл тогда, когда есть чем поделиться. ПУСТЫХ ПИСЕМ НИКТО НЕ ЛЮБИТ. На них нечего отвечать.

А У НАС ВО ДВОРЕ...

Среди нашей почты в новую рубрику «Обмениваемся опытом» оказалось немало писем о жизни двора, о ребячьих дворовых командах и разновозрастных пионерских отрядах.

ОТРЯД «БРИГАНТИНА», Кировская область, город Нолинск, улица Карла Маркса. «Бригантина». Может, слишком романтично? Наш город вовсе не у моря. И в наше существование никто не верит. А мы существуем и хотим делать людям добро. НО куда нам обращаться? Как узнать, КОМУ НУЖНА НАША ПОМОЩЬ? Если бы мы получили задание, то распределили бы всем поручения. А так мы не знаем, чем лучше заняться, и пока выпускаем газету «Тигренок». Но писать в ней не о чем, так как пока мы ничего особенного не делаем. Помогите нам.

РЕБЯТА ИЗ ДОМА 52-а по улице Комсомольской города Днепропетровска. Мы живем в обычном доме, таком, как многие в нашем городе. Но только у нас во дворе неуютно и совсем невесело. Была когда-то детская площадка, но началась стройка, и ее не стало. Стоят столбы для сушки белья и выбивания пыли из ковров, и малыши на них качаются. Одна девочка уже сломала руку. МЫ ХОТИМ ОРГАНИЗОВАТЬ ДВОРОВЫЙ КЛУБ. Хотим сами интересно проводить время и для всех других сделать приятным наш двор. У нас во дворе живут пионеры-инструкторы, которые могут вести кружки не только для нашего двора, но и для других домов. И помещение для этого есть. Но сколько мы ни ходили в ЖКУ, нам говорят — придите позже. Мы потеряли всякую надежду и не знаем, что делать.

УЧЕНИКИ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ №9 города Речица Гомельской области. Нас 14 человек. Из пятых и шестых классов. Мы живем на улице Доватора, в доме 45. Один раз собрались и решили построить спортивную площадку. Принесли из лесу сухие поленья. Принялись за работу. И тут пришли мальчишки-старшеклассники, стали насмехаться, мешать. Мы не обращали внимания, строили, что задумали. А наутро пришли: скамейки и стол, что сделали накануне, сломаны, материал для спортивных сооружений исчез. Как тут создашь дворовую команду?

ГРУСТНЫЕ ПИСЬМА. И, получив их, мы очень расстроились. Хорошие ребята. Хотят интересно жить, приносить пользу, помогать тем, кто нуждается в их помощи. Но НЕ УМЕЮТ. Не знают, как взяться за дело.

КАК ЖЕ ТАК? И пионеры-инструкторы среди них. И вроде не белоручки они. И желание есть работать. А ЖДУТ подсказки, задания, защиты, помощи. ПОМОГАТЬ, СОВЕТОВАТЬ, ПОДСКАЗЫВАТЬ мы не отказываемся, но только после того, как вы САМИ ПРОЯВИТЕ инициативу, волю к действию.

ПОЙДИТЕ в райком или горком комсомола, совет пионерской организации, попросите вожатого.

ОГЛЯНИТЕСЬ ВОКРУГ: в вашем доме, дворе наверняка живет немало интересных людей с жизненным опытом, позовите их, заинтересуйте своими заботами.

СПРОСИТЕ в райисполкоме или горисполкоме, военкомате, какая помощь ребят пригодится вашему району, городу. Без сомнения, с радостью примут вашу

помощь детские сады, ясли, почта. Спасибо скажут вам старые люди, ветераны войны, труда, если вы облегчите их труд по дому, принесете продукты из магазина, лекарство из аптеки. А как рады вам будут в молодых семьях, если вы предложите вечером посидеть с малышом. РАЗВЕ ТАК ТРУДНО НАЙТИ ДОБРОЕ ДЕЛО? Вы просто плохо его искали. Ждали подсказки.

А вот в городе МИНСКЕ, в ЖЭС № 13, пять лет назад ребята начали с того, что под руководством Валентина Леонидовича Костенко организовали радиотехнический кружок. Стало жить интереснее. Однажды пришел в кружок старичок и попросил отремонтировать приемник очень старой конструкции — не хотелось старому человеку расставаться со своим приемничком. Так родилось БЮРО ДОБРЫХ УСЛУГ. Сначала с просьбами обращались жители одного двора, потом улицы, потом микрорайона. Везут радиоприемники, телевизоры, электроприборы, торшеры — ребята все чинят и самым прекрасным образом. И все уезжают и уходят от ребят с благодарностью. А жизнь самих ребят наполнилась глубоким смыслом и содержанием. И профессию свою многие определили в этом хорошем начинании: Игорь Гречко и Виктор Магер заканчивают радиотехнический институт, Андрей Полищук служит в армии, в войсках связи. НО ГЛАВНОЕ: все научились быть полезными другим людям, научились откликаться на просьбу.

В ВОЛОЖИНЕ Минской области пионерские разновозрастные отряды взяли под свое шефство сады в хозяйствах Воложинского района. 167 гектаров садов. И прошлым летом сдали государству 217 тонн плодов. В этом году скоро тоже подсчитают результаты труда пионерских отрядов. Появилась возможность на базе колхоза имени Ленина пустить в строй цех плодов и овощей на пять миллионов банок в год.

В ГОРОДЕ КАУШАНЫ пионерский отряд, который сложился летом из ребят средней школы № 4, помогал консервному заводу, сооружая ящики для банок и большая польза вышла и для ребят, и для завода. Да еще успевали ребята мастерить для детского сада стульчики и лопатки и все другое, что попросят.

В СЕЛЕ ЧУМАЙ Тараклийского района, Молдавской ССР пионерский сводный отряд работал по заданию аптеки. Каждое третье лекарство в стране производится из растительного сырья, используется 230 видов лекарственных растений. Работники аптеки научили ребят, какие растения собирать, как их сортировать, сушить, беречь от сырости, чтобы не теряли они свои ценные целебные свойства.

ИТАК, ДВОРОВАЯ КОМАНДА, РАЗНОВОЗРАСТНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД. Какими им быть? Чем заняться? Кто поможет? Как решаются проблемы, трудные на первый взгляд? ЖДЕМ ПИСЕМ! МАЛЬЧИКИ, ВАШЕ МНЕНИЕ?!

НАМ ЖИТЬ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ!

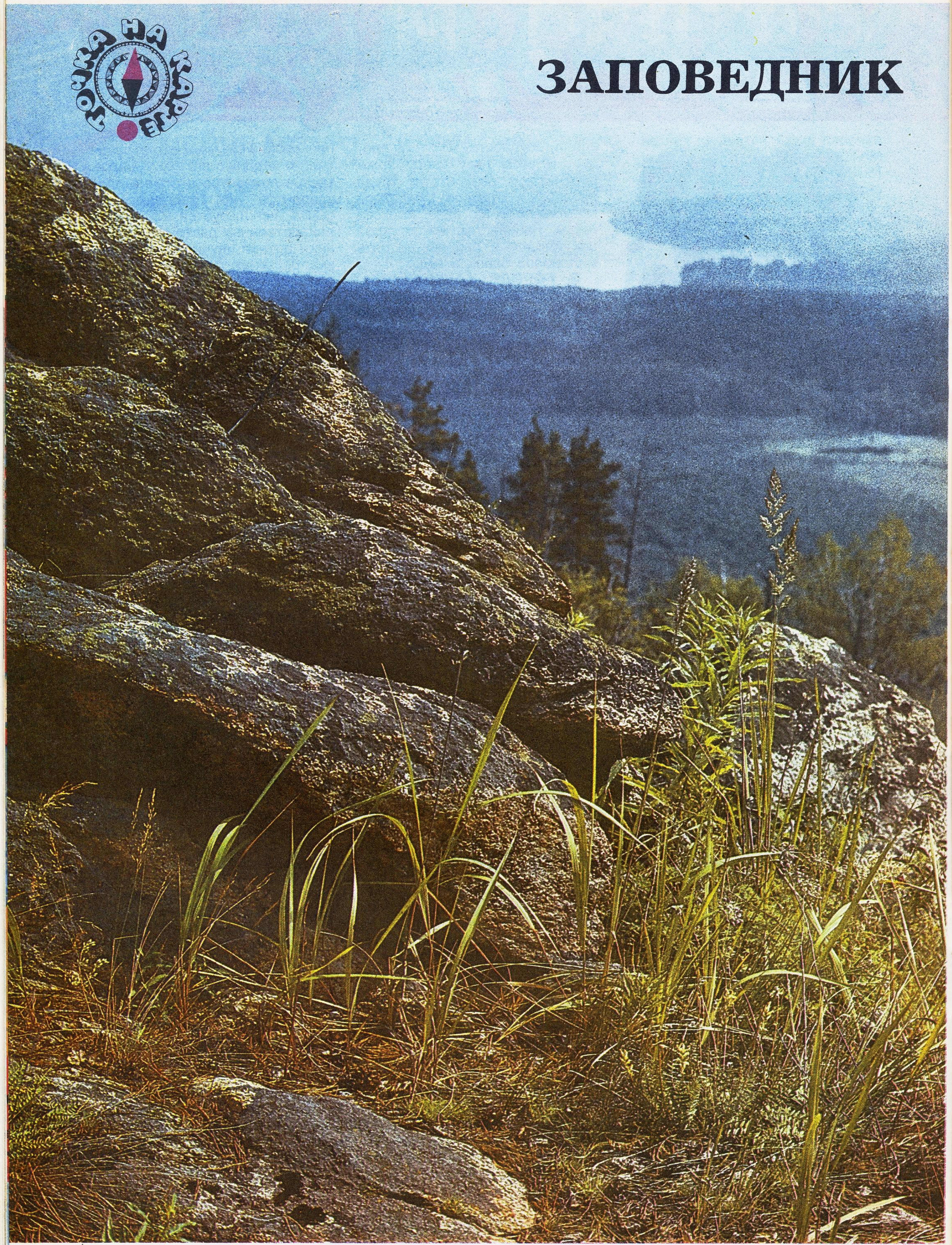
Вот какое тревожное письмо мы получили от **Светы К.** *(полностью она почему-то не захотела назвать свою фамилию) из* **города Беслана, СО АССР:** «Выпускники нашей школы посадили в школьном саду саженцы. Как приятно было смотреть на покрытые реденькой листвой деревца. И как больно было видеть, что из всех осталось только семь. Остальные саженцы были поломаны и вытоптаны. Веточки повисли беспомощно, стволы пригнулись к земле. Какое варварство, какая жестокость! Хочется сказать всем ребятам, которые поднимают руку на живую природу: «Остановитесь! Ведь нам жить на этой земле!»

Мы присоединяемся и к гневу, и к предостережению, и к призыву СВЕТЫ из города БЕСЛАНА.

РЕБЯТА! Берегите родную природу. Защищайте все живое на земле. Рассказывайте нам, как вы охраняете деревья, растения, животных. Что советуете всем пионерам в этой работе?

ТОЧКА НА КАРТЕ

ЗАПОВЕДНИК



ДЛЯ... КАМНЕЙ

С древних времен люди ищут и находят в каменных кладовых Урала разные минералы. Не счесть сказок и легенд об их удивительной красоте и чудесных свойствах.

Много горных хребтов составляют большой пояс Уральских гор («Урал» и означает «пояс»). На восточных склонах Южного Урала находятся Ильменские горы. Очень красивы они своими лесами и чистыми, голубыми озерами. Ильменские горы известны во всем мире. Здесь столько разных видов минералов, сколько ни в одном другом месте не сыщешь! Более 260 минералов открыто здесь, многие из них — впервые. И названия им даны по месту открытия: ильменит, ильменорутил, миаскит (город Миасс рядом) и другие, всех не перечесть.

Ну, а раз место это такое редкое и удивительное, то, значит, и охранять, и изучать его надо особо. Думали ученые об этом давно, еще с XIX века, а вот сделать это стало возможно лишь после Октябрьской революции. В трудном 1920 году, когда шла еще гражданская война, В. И. Ленин подписал специальный декрет о создании Ильменского минералогического заповедника. Единственного в мире заповедника, где охраняются и изучаются камни-минералы.

Каждый год в этом уникальном месте открывают новые минералы. Помогают ученым это делать члены школьных геологических кружков. Практика у них не легкая, но интересная. Чтобы найти минерал, надо сначала копь заложить, а это значит лопатой землю до камня срыть. Затем киркой каменную породу долбить да еще ее вымыть тряпочкой с водой, вот тогда, если повезет, и минерал увидишь. Но вот редкий он или нет, новый ли — это только ученые скажут, когда в лабораториях заповедника находки изучат.

Изучают камни не ради интереса и красоты. По находкам можно узнать, где и как образуются различные полезные ископаемые. Затем предсказать, в каких местах нашей огромной страны их еще искать надо: без многих минералов сейчас не обходится ни электроника, ни космические ракеты, ни другие создания современной техники.

В заповеднике не только новые минералы открывают, но и делают большие научные открытия, позволяющие понять, как и где лучше минералы использовать.

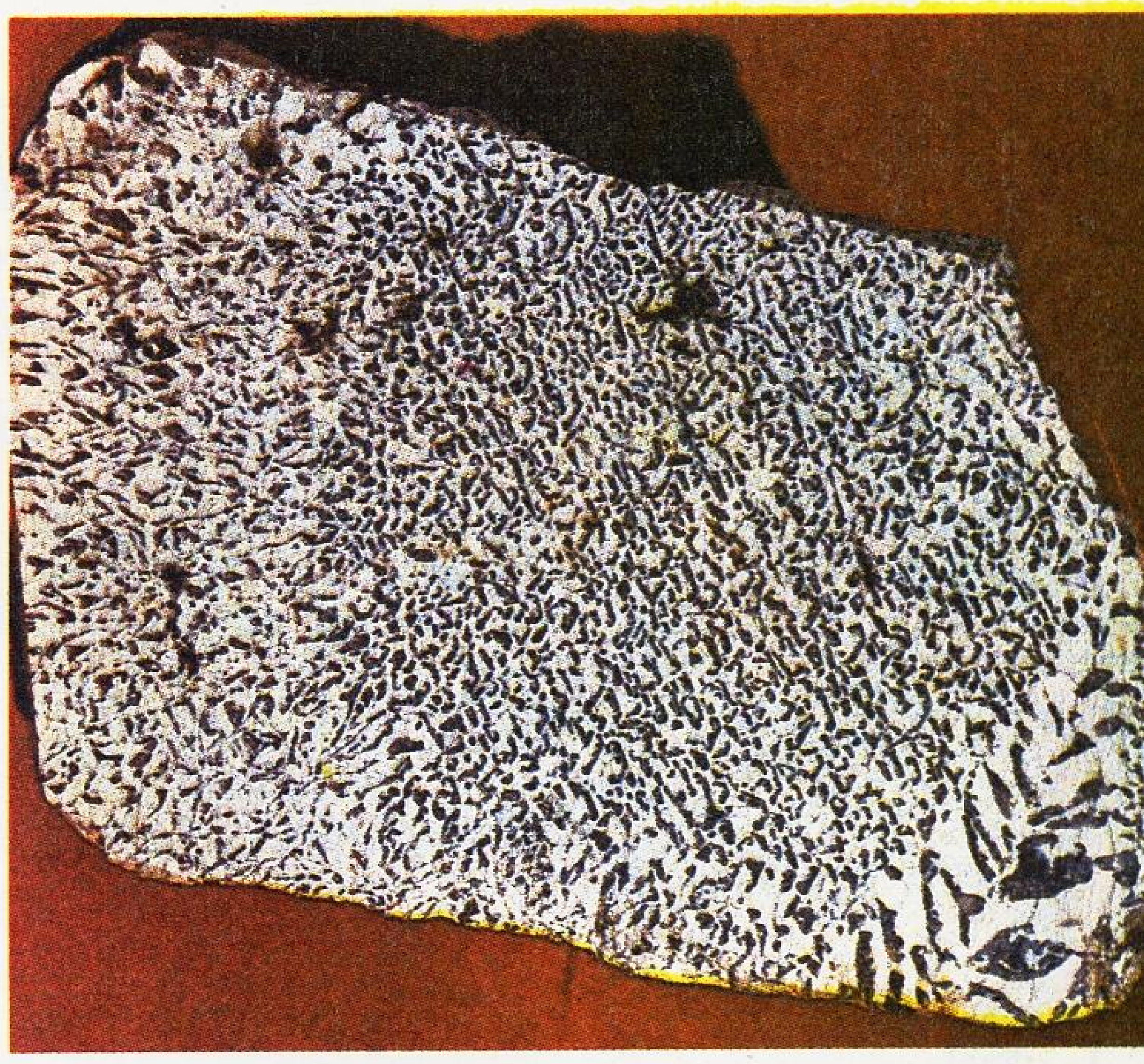
Хотя больше всего внимания в заповеднике уделяют камню, но не забывают и весь природный комплекс этих мест: изучают растения и животных, озера и леса. Живая природа здесь необычна и интересна: сошлись в одном месте растения сибирские, восточноевропейские, северные и горных степей.

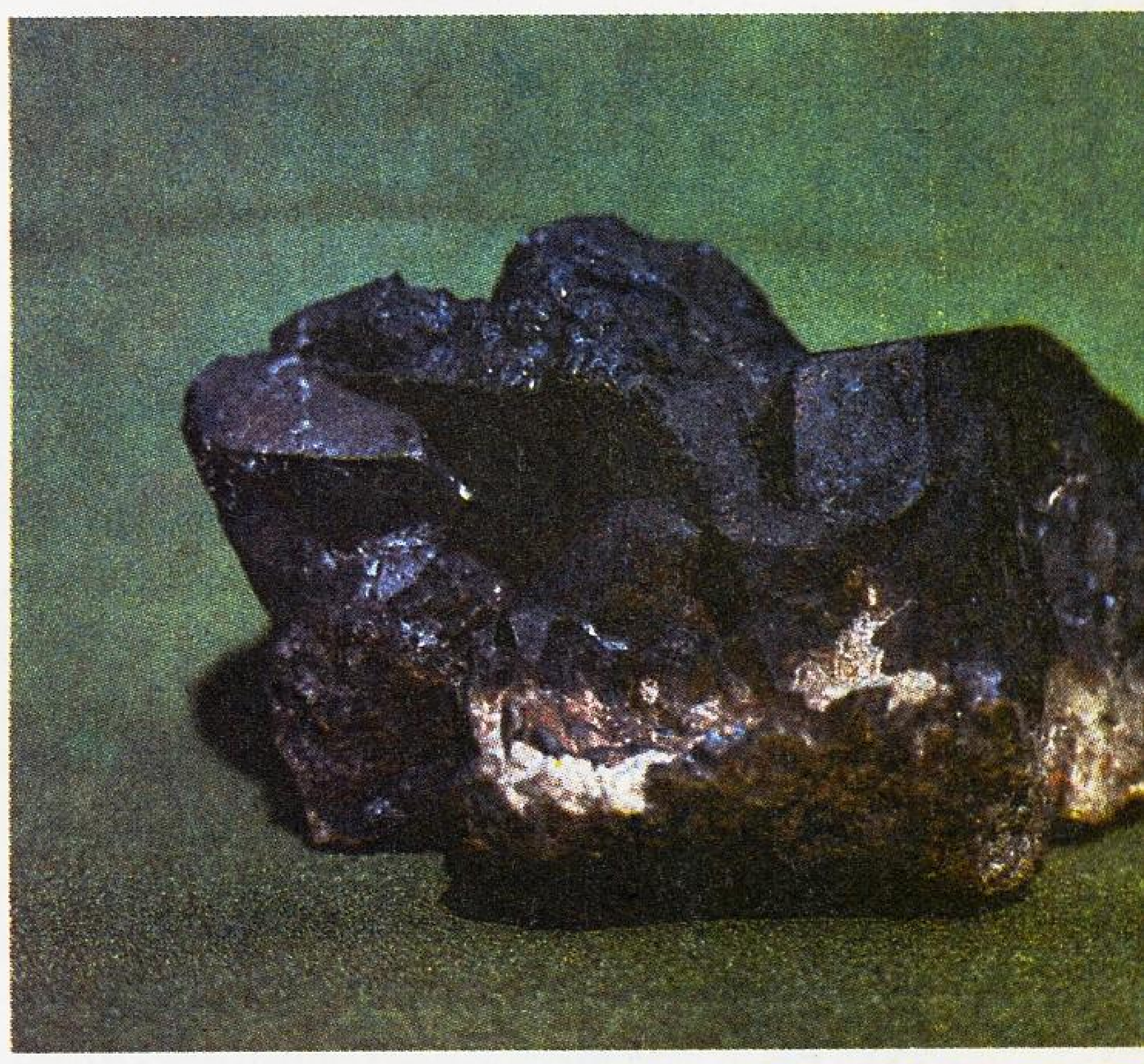
Много разных вопросов предстоит решить ученым заповедника, потому и преобразован он в комплексный.

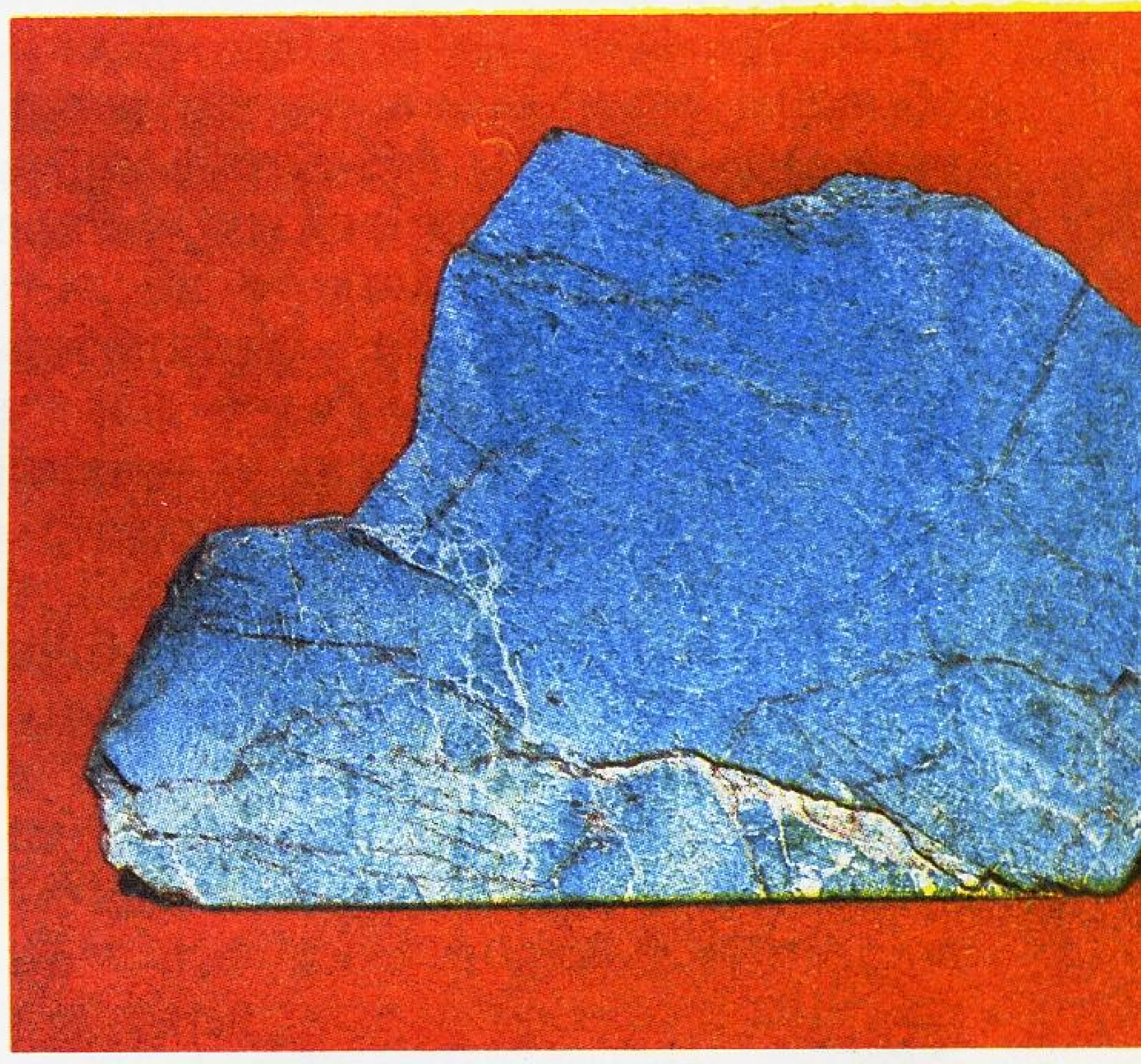
Жаль только, что находятся еще люди, которым не дорога природа, которые не уважают законы заповедника и труд его сотрудников. Бывает, появляются здесь браконьеры — охотники до красивых камней — и губят минералы, оставленные в копи для изучения. Потому и трудится лесная охрана заповедника, оберегая богатейшую кладовую Урала — кладовую минералов, кладовую научных открытий.

В. КОРАБЕЛЬНИКОВ

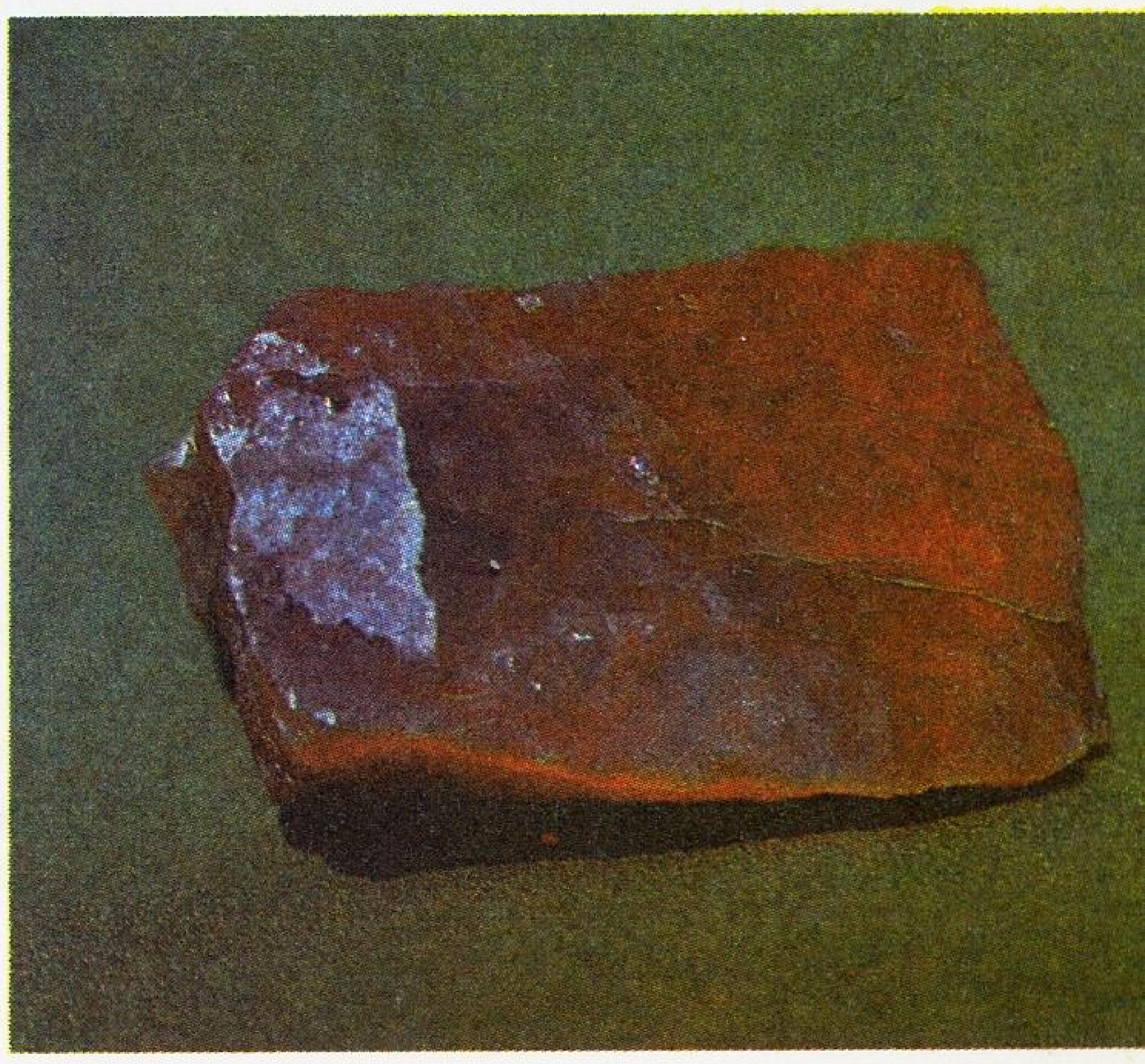
Фотографии автора.







Письменный гранит.
Ильменит.
Амазонит.
Нефелин.

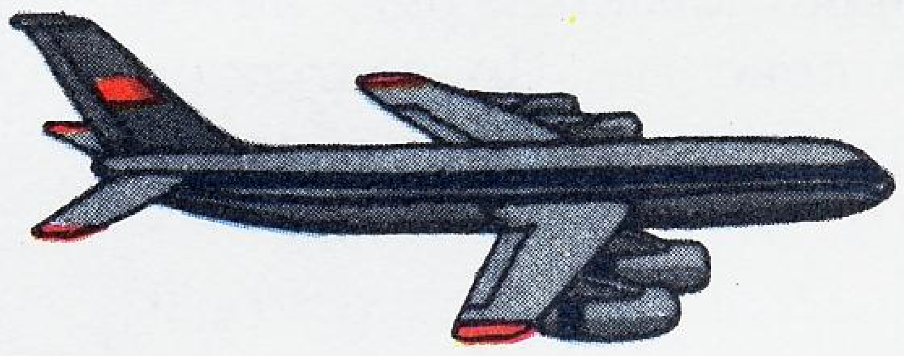


Анатолий МАРКУША

ГОЛУБАЯ РАПСОДИЯ

ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Окончание. Начало в №№6, 7



Рисунки Н. ЕРМОЛАЕВА.

Привычное и непривычное

Однажды мне случилось прочесть в «Комсомольской правде»: «Я и сам не заметил, как, каким образом детское мое восхищение человеком, который мог сказать: «Я летал на самолете»,— сменилось нынешним взрослым удивлением при словах: «Я никогда на самолете не летал». Это написал Ярослав Голованов, литератор моего поколения,— до войны мы были мальчишками...

Авиация нынче всюду, авиация сделалась будничной, даже обидно как-то... «Летающий кран легко отрывает многотонный блок от земли и, набирая высоту, уносится в обход города к отрогам Ильменского хребта... Скользнув по уловителям, семитонная конструкция, как влитая, встала на свои фланцы — без предварительной подгонки.

Работа в горных условиях на высоте около восьмисот метров — операция уникальная, до сих пор аналогов в отечественной практике не имеющая». (Из газеты «Известия».)

«Группа красноярских конструкторов-испытателей выехала в тайгу для проведения необычного эксперимента: сбора кедровых орехов с помощью воздушного шара. Объем аэростата — 200 кубометров, грузоподъемность — 110 килограммов... Конструкторы уверены, что новый способ сбора ускорит и облегчит добычу». (Из газеты «Комсомольская правда».)

«АН-30» — аэрофотосъемщик. На нем производят исследования сотрудники Государственного научно-исследовательского производственного центра «Природа»... Предположим, где-то в тайге объявился вредитель леса. Чтобы эффективнее бороться с ним, лесоводам надо быстро выявить пораженные квадраты леса. Раньше что делали? Объезжали их на лошадях, в лучшем случае на вездеходах. На это уходили дни, месяцы... Сейчас в таких случаях выручает аэрофотосъемка. Снимки здоровых массивов по цвету легко отличить от пораженных». (Из газеты «Советская Россия».)

«Это случилось не так давно с сотрудниками геофизической экспедиции Дальневосточного геологоуправления... На месте, где их высадил вертолет, они стали расчищать от снега площадку, чтобы установить приборы. И вдруг из-под земли послышалось рычание...

Как оказалось, винтокрылая машина нечаянно села на медвежью берлогу. Разбуженный шумом «хозяин» тайги двинулся на людей. Это заметил с высоты пилот... Командир вертолета резко бросил машину вниз. Приблизившись к земле на минимально возможное расстояние, пилот стал отгонять огромного зверя воздушным потоком, идущим от винтов. Пятясь, медведь запутался, упал, снова подхватился и побежал прочь...» (Из газеты «Труд».)

Вот такая она нынче прозаическая, привычная, всепроникающая и вездесущая наша авиация.

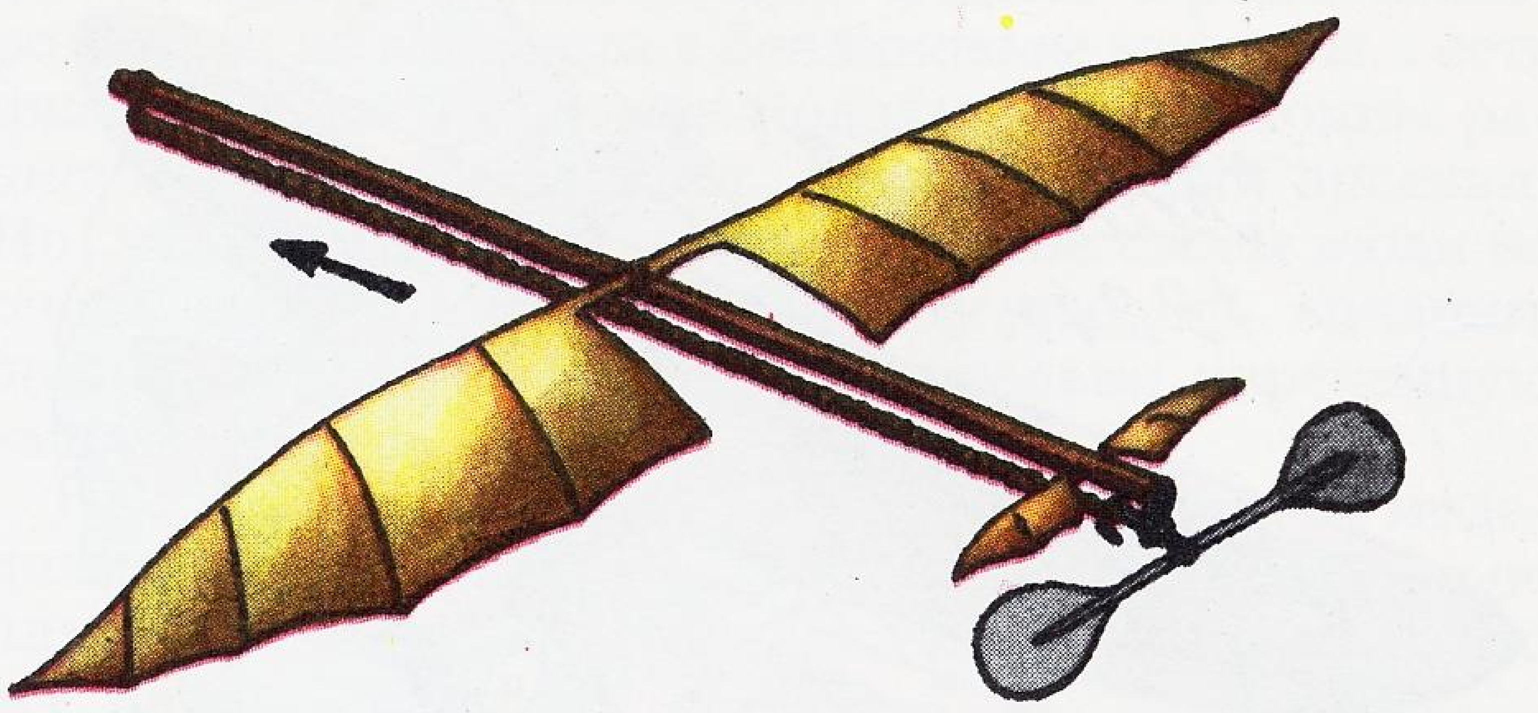
Как непривычное становится привычным и перестает занимать нас, весьма убедительно показал мой рано умерший друг, летчик-испытатель Д. В. Зюзин в своей книге «Испытание скоростью».

«На аэродроме меня ждут инженер, механик и радист. Они уже завершили свое дело — осмотрели, проверили, опробовали машину и теперь поглядывают на самолет совершенно спокойными глазами. Они уже привыкли к нему. К сожалению, я еще не могу сказать того же о себе. Трудно в эти минуты смотреть на мир спокойными глазами.

Не буду рассказывать о самолете — сегодня в этом нет уже никакого смысла: реактивная техника стала обыденной, она известна достаточно широко, постараюсь только передать свои ощущения».

Книга Д. В. Зюзина вышла в 1958 году, спустя десять лет после его первого полета на реактивном самолете. И он нашел нужным говорить об **ощущениях.** Случайно ли? Он считал глубоко заблуждающимися тех, кто полагает, будто лучше всего техника выражается в чертежах, аскетических схемах, математических формулах. Он всегда доказывал: коль скоро машина функционирует в содружестве с человеком, наши ощущения слу-

жат техническими показателями первостепенной важности!



Планоформ Пено 1871 г.

«Начинаю взлет и, не слыша привычного шума мотора в этот момент, я, конечно, не думаю об отличной звукоизоляции кабины, а невольно начинаю сомневаться в исправности двигателя: не остановился ли? Пока проверяю обороты по счетчику, подходит пора убирать шасси. Но за это время скорость возрастает выше нормальной. Устанавливаю скорость, но тут выясняется, что заданную высоту я перебрал вдвое. Уменьшая обороты двигателя, начинаю снижение, но скорость растет и выходит за пределы нормы. Все описанное происходит в течение сорока секунд. Небольшой срок, но к концу его я чувствую себя так, будто изрядно попарился березовым веником в бане. Постепенно «строптивая» машина перестает «заносить» и начинает меня слушаться».

Дальше Д. В. Зюзин не без юмора рассказывает, как его пугали «реактивным зверем», как расписывал ужасы пилотирования на новых самолетах его приятель майор Кочетков, успевший уже приобщиться к реактивной технике, и снова возвращает читателя к ощущениям полета. «Я пилотировал в утреннем прохладном небе на своей первой реактивной машине, и впечатление о новой технике складывалось у меня куда более оптимистическое, чем у майора Кочеткова. Мне казалось, что летать на реактивном истребителе не так уж трудно, хотя поначалу, конечно, непривычно: все приходится делать быстрее. В полете совершенно новый ритм, возросшие скорости машины требуют увеличения скорости реакции летчика...»

Пожалуй, из всех переходов непривычного в привычное появление реактивной авиации было наиболее значительным за все пятьдесят лет существования летательных аппаратов на крыльях.

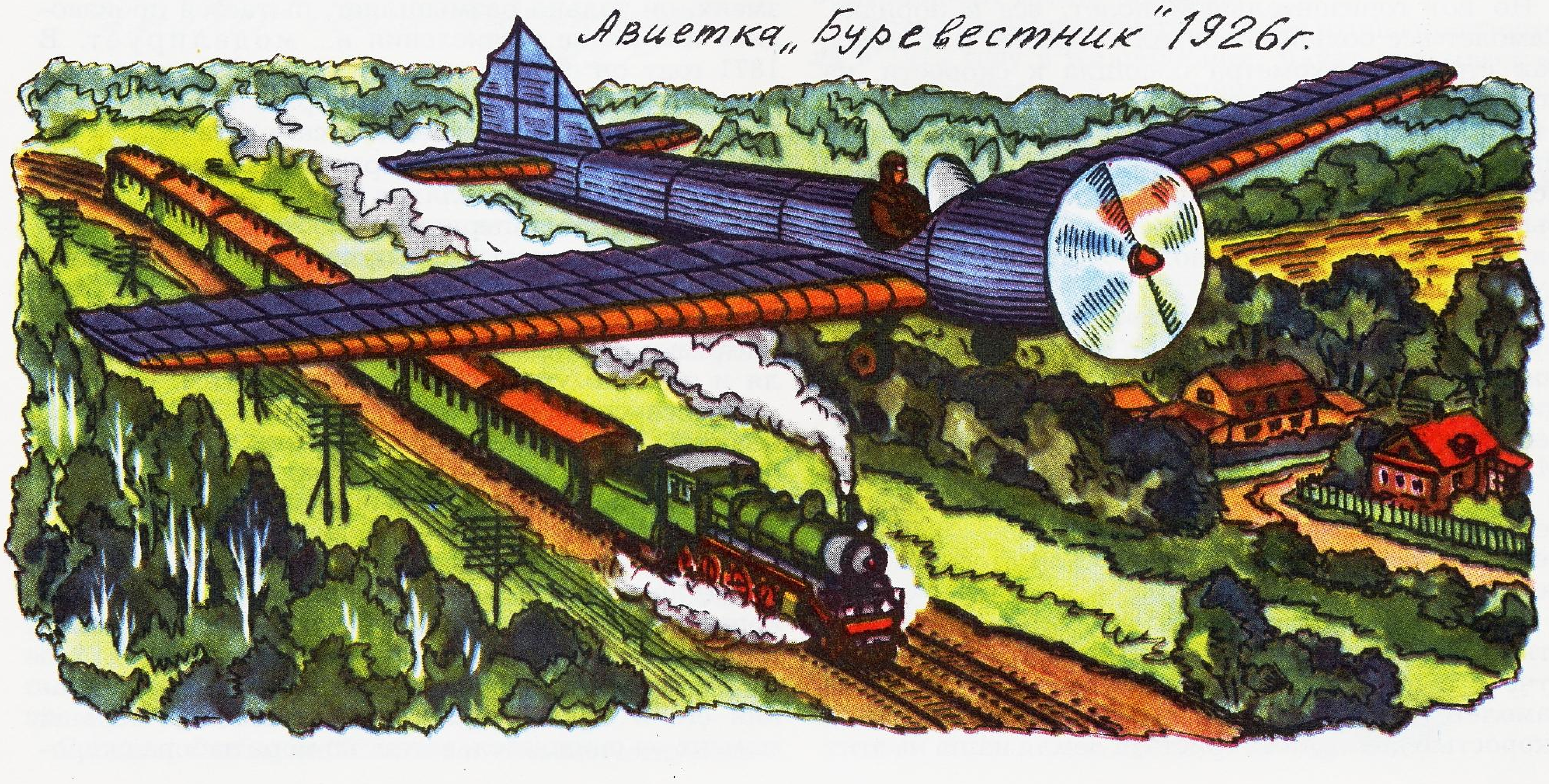
А начинался этот переход исподволь. Мало кто даже из самых памятливых старожилов авиации ответит сегодня на вопрос: что за машина такая «Спартак» или «С»? Расскажу коротко.

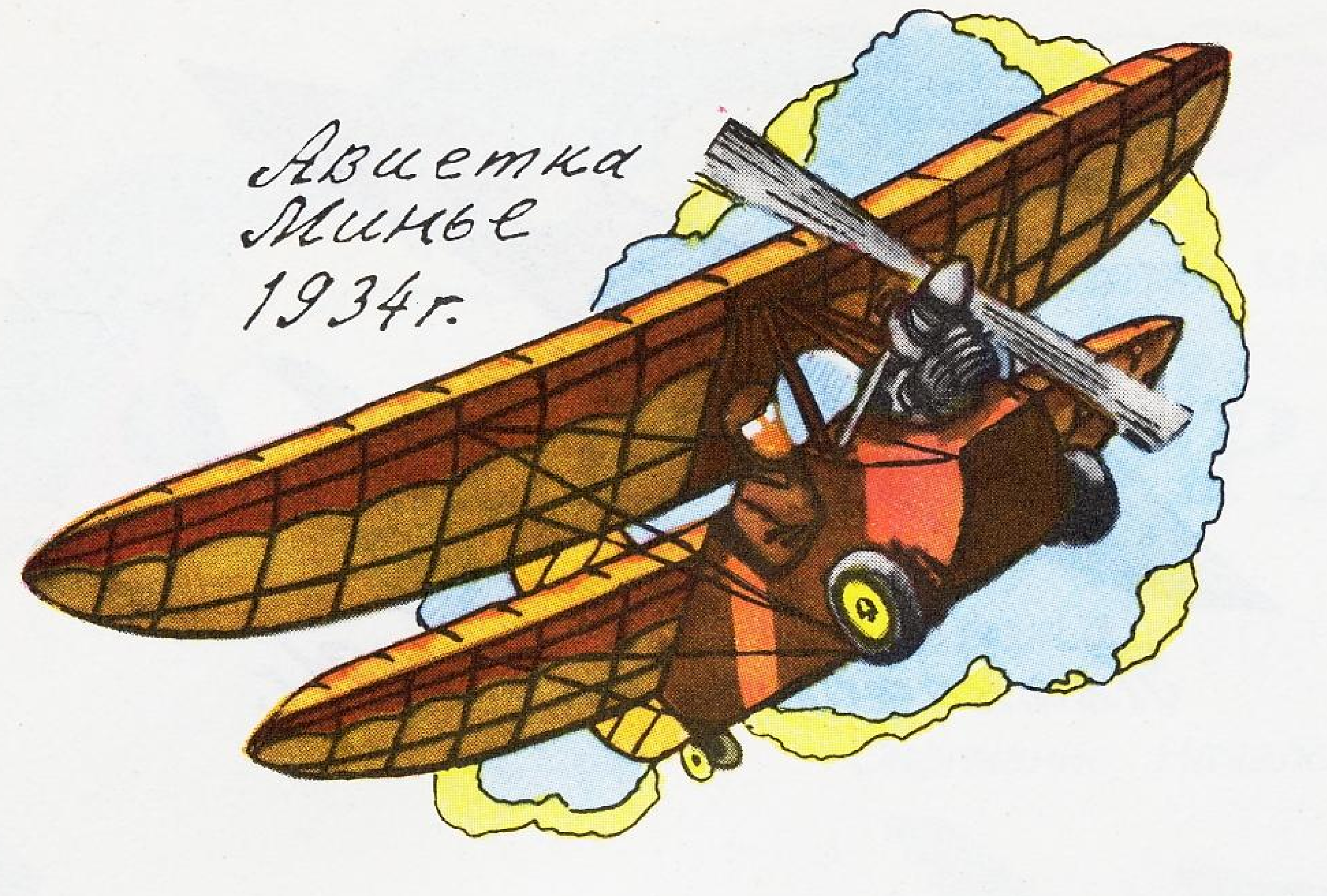
Проектирование этого скоростного ближнего бомбардировщика началось под руководством В. Ф. Болоховитинова в 1936 году. Два его двигателя были установлены в фюзеляже один за другим — тандемом. Самолет получил два винта, вращавшихся в разные стороны. Летать эта странная на вид машина начала летом 1939 года. Пилотировал длинноносое чудище Б. Н. Кудрин, потом включился в испытания А. И. Кабанов. Самолет испытаний не выдержал и должного эффекта не дал. Но почему вообще понадобилось создавать такую машину? Все ухищрения с двигателями и винтами делались не от хорошей жизни. Поршневые моторы постепенно исчерпывали себя. И в предвоенные годы стало очевидным: ну, еще одна, может быть, две модификации двигателей можно ожидать, а дальше... стоп!

А. С. Яковлев вспоминает: «Уже в 30-е годы стало ясно, что обычный самолет с поршневым двигателем и воздушным винтом исчерпывает себя... в Англии, Германии, Италии, а несколько позже в США шла напряженная научно-исследовательская работа по созданию реактивных двигателей...

Первый реактивный полет в СССР был осуществлен в феврале 1940 года на ракетоплане СК-9 конструкции С. П. Королева, — пишет А. С. Яковлев. — В начале 1942 года летчик-испытатель капи-

Авиетка „Буревестник" 1926 г.





тан Григорий Бахчиванджи на одном из аэродромов готовился к летным испытаниям самолета конструкции В. Ф. Болоховитинова... 15 мая 1942 года Бахчиванджи совершил на нем первый полет...»

Я начал с необычного длинноносого самолета «Спартак» — он был последней попыткой удержаться в старой схеме, а закончил упоминанием совсем другой машины Болоховитинова — самолета реактивного. Этим путем прошла вся авиация. Поршневые самолеты довоевали вторую мировую войну, и несколько брошенных немцами в бой «Ме-262» и «Ме-163», равно как и английский «Метеор», ничего изменить не сумели. Однако заявка на принципиально новый самолет была подкреплена вполне реальными конструкциями. И годы, последовавшие за окончанием второй мировой войны, справедливо считать теперь первыми годами «реактивного века авиации».

Фрагмент из книги Ф. К. Эвереста «Человек, который летал быстрее всех» наглядно подтверждает, каким стремительным оказался этот новый век. «Я держал ручку управления обеими руками, продолжая отдавать ее от себя. Чувства мои были обострены до крайности, мозг работал лихорадочно. Я ждал приближения неизвестного. В руках я держал поводья 80 000 лошадей.

Но вот горизонтальный полет, все в порядке. Самолет все больше набирал скорость, и я видел, как стрелка махометра подошла к скорости, на которой никогда еще не летал человек. Я заметил, что о стекло фонаря стали ударяться какие-то мелкие кусочки. Меня охватило беспокойство, но я вспомнил, что самолет окрашен и что это, должно быть, отлетает краска. Х-2 проходил тепловой барьер. Волнение прошло, и я перестал об этом думать.

...Самолет прекрасно слушался рулей. Находясь в горизонтальном положении, он продолжал стремиться вверх под действием огромной силы инерции. Скорость достигла 3000 км/час. Я почувствовал себя первооткрывателем, подобно Колумбу или Магеллану, и испытывал смешанное чувство страха и гордости...» Событию, о котором так выразительно повествует летчик-испытатель Ф. К. Эверест, теперь уже четверть века. Как стремительно летит время!

И, пожалуй, будет разумно поставить рядом с этим событием несколько строк из репортерского отчета о полете на сверхзвуковом пассажирском самолете Ту-144: «Мы летели на запад с путевой скоростью две тысячи триста, а Земля наша на этих широтах крутилась навстречу нам со своими постоянными 940 километрами в час. Через несколько минут солнце «закатилось» к хвосту сверхзвукового. Вскоре его лучи только сзади могли дотянуться до иллюминаторов салона, а ослепительный диск светила все ниже и ниже опускался на восток. Туда, откуда мы стартовали вместе».

Справедливо простить репортеру и панибратство с солнцем, и стилистические огрехи — ему все надо простить за... энтузиазм! Как-никак человек оказался в числе первых пассажиров, летавших наперегонки с солнцем, естественно, он очень торопился поведать об этом людям...

Осторожно рискуя

Альфонс Пено был сыном французского адмирала. По давней национальной традиции его ожидала отцовская судьба — море. Но не позволило здоровье. И девятнадцатилетний Пено принимается за изучение модного, еще туманного дела — воздухоплавания. Он не летает на воздушных шарах или змеях, он только размышляет, пытается производить кое-какие вычисления и... моделирует. В 1871 году он строит занятную игрушку, получившую тогда название «планоформ». По-современному — схематическая модель самолета.

Планоформ Пено имел крыло размахом 45 сантиметров, рейку-фюзеляж в 50 сантиметров длиной и был оснащен — впервые! — хвостовым оперением. Воздушный винт модели приводился в движение резиномотором совершенно новой конструкции: Пено использовал заплетавшиеся в жгут тонюсенькие резиновые нити, что резко снизило вес двигателя и заметно увеличило его мощность.

Об искусстве Пено-моделиста можно судить по весовой характеристике его игрушки — планоформ весил за все про все 16 граммов. И 5 из этих ничтожных граммов приходились на долю резиномотора!

Год спустя, проделав множество опытов с надежно летавшей моделью, построив не один десяток копий своего планоформа, Пено писал в журнале «Аэронавт»: «После того, как винт закручен на 240 оборотов, надо выпустить аэроплан из рук, сохраняя его в горизонтальном положении. В первый момент он снижается, затем по мере набора скоро-

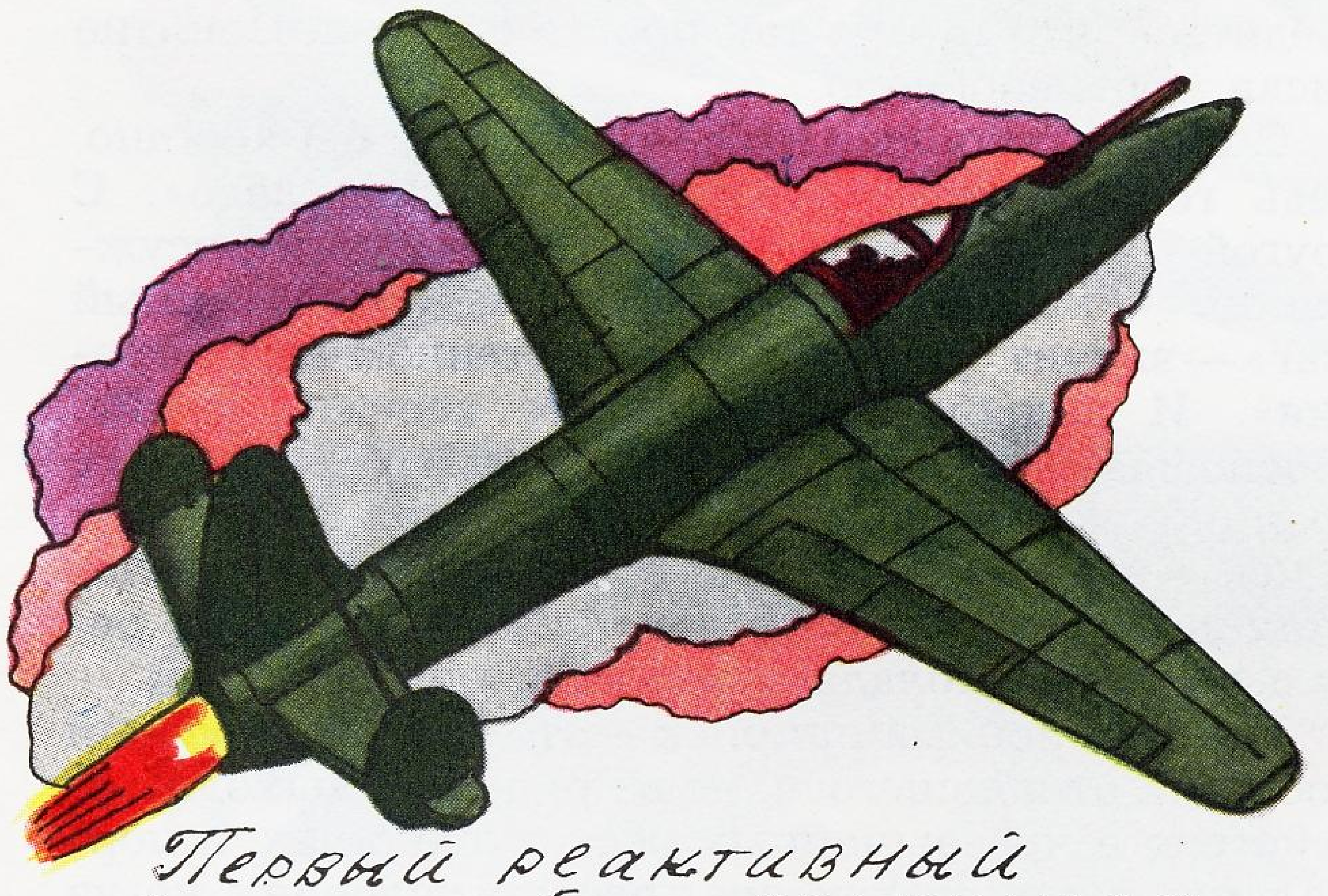
сти приподнимается и равномерно движется, покрывая расстояние до 40 метров за 11 секунд. За все это время руль, предназначенный для изменения наклона полета, действовал совершенно уверенно».

Известный ученый, профессор Ленги писал тогда: «Игрушечный аппарат Пено, несмотря на свою простоту, является отцом будущей летающей машины».

«Хвост Пено» — эти слова стали термином. И на заре авиации термин этот был весьма ходовым. Позже в авиационной литературе все чаще и чаще стала упоминаться «кривая Пено» — имелся в виду график, показывающий зависимость между потребной и располагаемой тягой самолета. И кривая Пено — термин, не исчезнувший и ныне из действующих авиационных словарей и справочников.

Но Альфонс Пено проектировал не только модели.

18 февраля 1876 года он получил французский патент 111574 на самолет. В этом удивительном проекте предусматривались такие великолепные подробности, как поперечное крыло, весовая компенсация рулей, остекление закрытой кабины, фюзеляж-лодка (по типу будущих амфибий); проектом были предусмотрены не только приборы, указывающие высоту и скорость полета, но и... автопилот!



Первый реактивный самолет Болоховитинова 1942 г.

Проект Пено реализован не был. В нем, как показывают более поздние тщательные исследования, рядом с блистательными озарениями и предвидениями высшего порядка соседствовали грубейшие просчеты. Особенно в выборе двигателя и расчете его мощности.

В тридцать лет, измученный болезнью, разочарованный Альфонс Пено покончил с собой. Один из биографов грустно заметил: «Так в силу неудачно сложившихся обстоятельств не состоялась еще одна талантливая жизнь...» — и пытался объяснить, почему же так случилось. Но позвольте! Справедливо ли столь безоговорочно утверждать, что жизнь не состоялась? Минуло уже сто лет, а имя Пено в авиации живо, его трудами и успехами начат столь пышно расцветший ныне авиамоделизм, так ли уж это мало?

Сегодняшний моделизм знает схематическую модель планера ...самолетную модель с резиномотором, модель самолета с бензиновым мотором... есть фюзеляжные, кордовые модели, модели-копии, радиоуправляемые модели... Это же целый арсенал! Но, что греха таить, в большинстве своем люди не очень серьезно взирают на эту отрасль авиации, давно и несколько пренебрежительно нареченную «малой».

Как обычно рассуждают непричастные к моделизму люди: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». Дескать, занятие, может, и полезное, но все равно — игра.

Но так ли это?

Несколько строк из газетного сообщения: «Английская фирма изготовила управляемый по радио геликоптер, выгоды применения которого сразу обратили на себя внимание многих специалистов в различных областях промышленности и сельского хозяйства. Портативная радио- и телевизионная аппаратура, установленная на борту малогабаритного летательного аппарата, позволяет вести наблюдение за объектами, расположенными на большом удалении либо в труднодоступных районах».

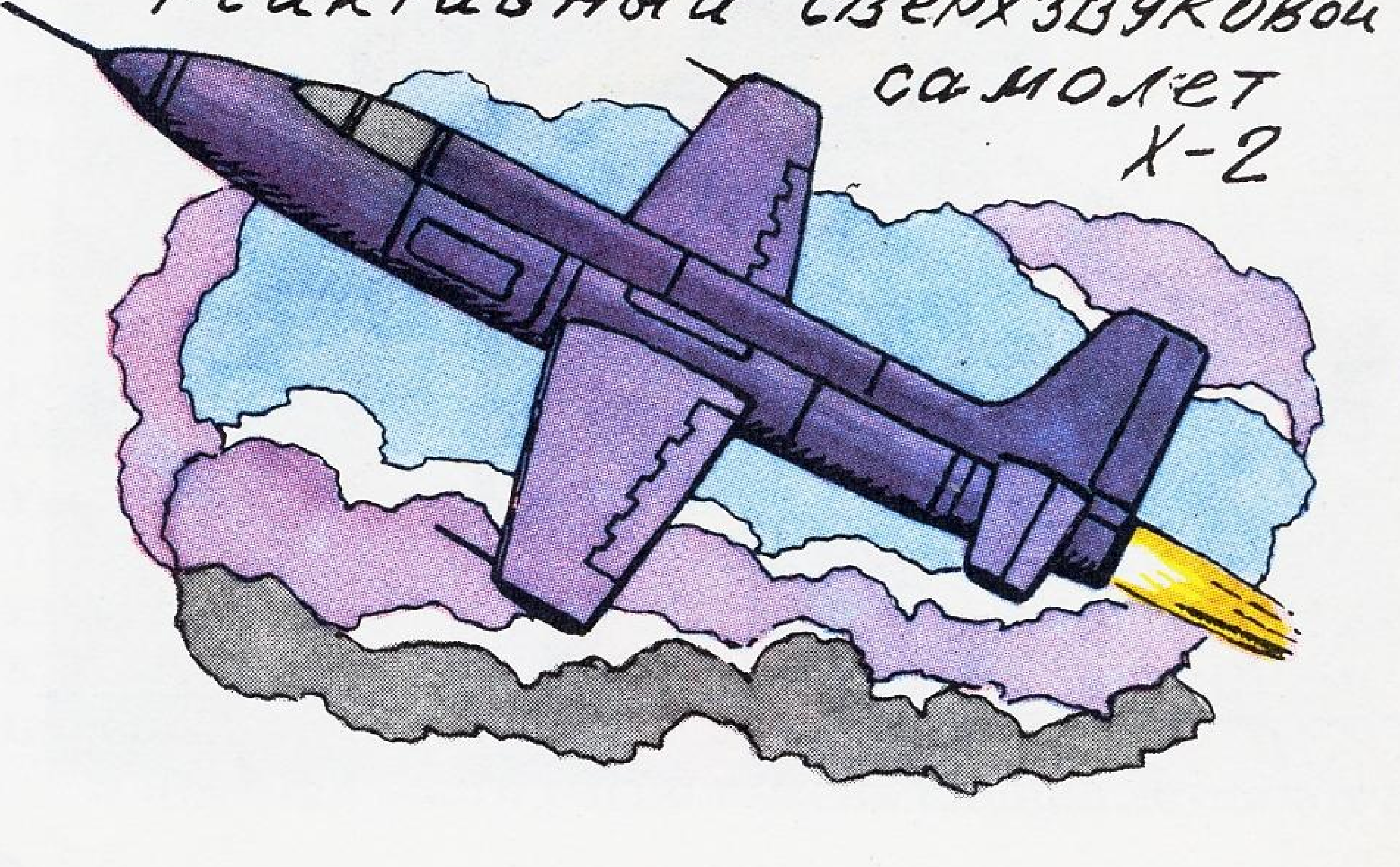
Игрушечный вертолетик превратился, так сказать, в выносной глаз оператора — и это уже вовсе не забава! Малая авиация нацеливается на весьма большие и серьезные задачи. Всюду и очень активно нацеливается. Вот пример из нашей отечественной практики: науке понадобилось решить такую задачу — покрыть поле наилегчайшими капсулами с трихограммами (смертельными врагами многих полевых вредителей). Разбросать капсулы надо было быстро, равномерно и точно... Делать это вручную — неэффективно, приспосабливать трактор — смешно возить на здоровенной машине каких-нибудь полкилограмма груза! А если использовать летающую модель?

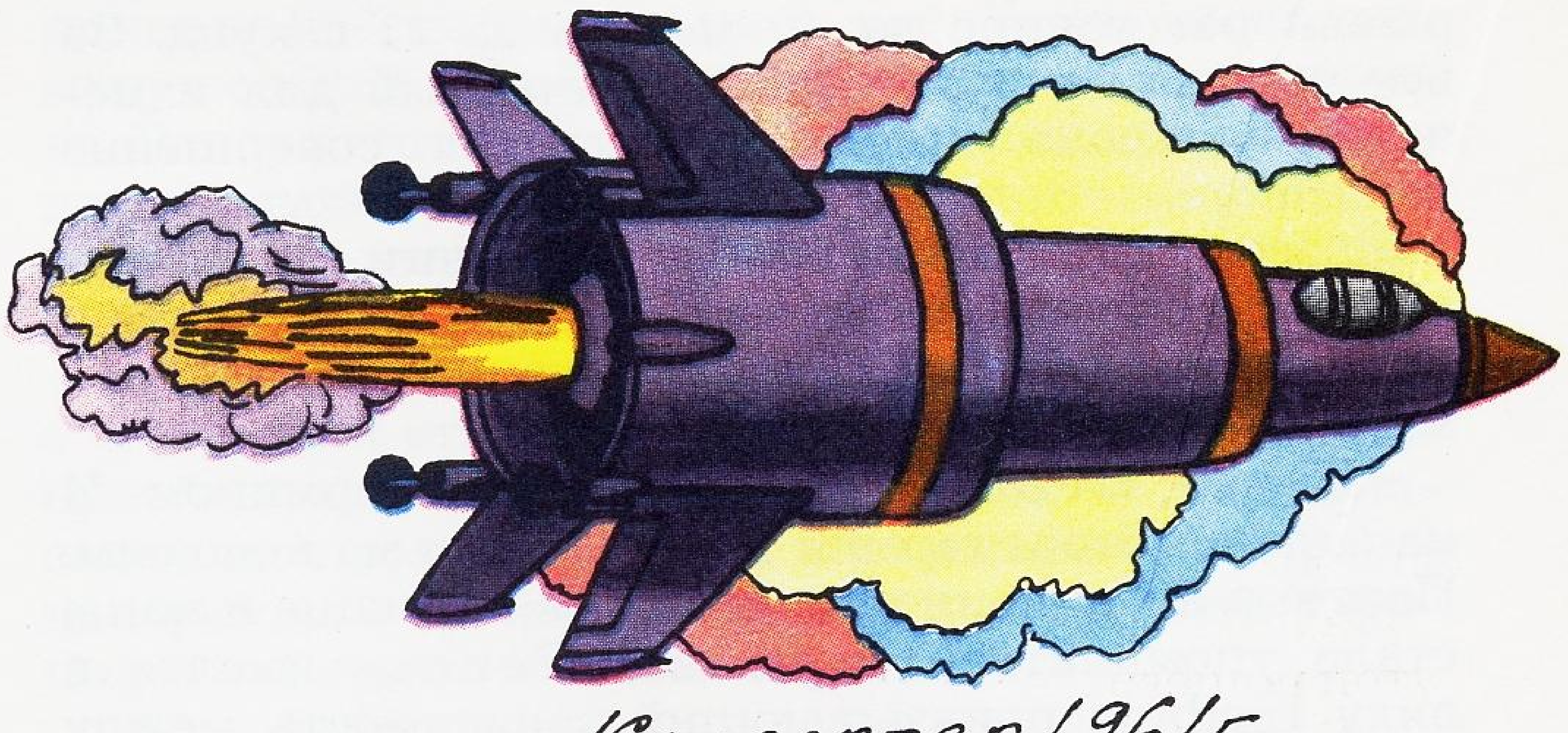
Так был сконструирован самолетик весом 2,5 килограмма, способный летать со скоростью 60—100 километров в час, автоматически повторяя все неровности земли, как бы огибая рельеф, и точнейшим образом рассыпать полкилограмма капсул на площади в десять гектаров. Получилось именно то, что было нужно ученым, работающим в интересах сельского хозяйства.

И вот еще один любопытный факт совсем из другой, правда, области, но тоже показывающий возможности малой авиации.

Первая авиакатастрофа по вине птицы произошла в 1912 году в Калифорнии. Чайка ударилась о плоскость самолета, заклинила рулевое управление... С тех пор несчастий такого рода не счесть сколько произошло. И вот читаю: «...над полем Ванкуверского международного аэропорта (Кана-

Реактивный сверхзвуковой самолет Х-2





Колеоптер 1961 г.

да) кружит радиоуправляемая авиамодель, формой крыльев и расцветкой напоминающая сокола. Ее назначение отпугивать птиц, столкновение которых с самолетами часто приводит к катастрофам. Первые опыты оказались удачными, но сотрудников аэропорта волнует вопрос, не привыкнут ли птицы через некоторое время к страшному на вид, но безопасному пугалу».

Несколько лет назад в США построили телеуправляемый самолет «Аквила». Это весьма любопытная машина, с ней стоит познакомиться хоть чуточку подробнее.

«Аквила» имеет размах крыла 3,6 метра, длину 1,8 метра и вес 54 килограмма. Аппарат развивает скорость до 180 километров в час на высотах до 3600 метров. В зависимости от назначения самолет можно снабдить фото- и телекамерой или лазерным целеуказателем. Управление полетом ведут два оператора с помощью оборудования, смонтированного на автомобиле. Беспилотный мини-самолет способен летать и по заданной программе и по командам бортового автопилота. Чем не разведчик?

И вот уж совсем неожиданное продолжение идеи «Аквила»: «...самолет, оснащенный мотором мощностью всего в 15 лошадиных сил и выведенный на орбиту Марса вместе с космическим кораблем, отделится от своего носителя и начнет автономный полет в непосредственной близости от поверхности «красной» планеты... Телекамера с большой разрешающей способностью, установленная на его борту, будет способна с высоты в несколько сотен метров фотографировать объекты величиной с мяч».

Слов нет, любой из приведенных примеров свидетельствует о достижениях авиамоделизма — играли-играли в авиацию и вдруг догадались: а ведь и сам моделизм — авиация! Не зря, видно, еще Готфрид Лейбниц сказал в свое время: «Настоящее всегда чревато будущим».

Едва ли Альфонс Пено, человек незаурядного ума, мог предвидеть, во что выльются его опыты с планофором. А ведь выросли! И как замечательно развились!

Сделаем же закономерный вывод: значит, и в сегодняшних, порой незаметных, порой смелых, но всегда непривычных проектах надо искать наше завтра, пусть не в полном его объеме, а в важнейших чертах, в определяющих подробностях; искать, не пренебрегать малым, потому что все восемьдесят с лишним лет практического летания свидетельствуют: мелочи, подробности — великая сила! В летном деле никак нельзя отмахиваться от «пустяков».

А теперь позвольте несколько отвлечься.

Доктор военно-морских наук, капитан первого ранга В. Абчук написал статью под таким интригующим названием: «Теория мудрой отваги».

Начиналась статья довольно неожиданно: «Попробуйте объяснить, что такое риск. Вы вскоре убедитесь, что это не так просто сделать. Понятие риска противоречиво.

С одной стороны, риск — это вроде бы хорошо. Ведь говорят же: «Риск — благородное дело». С другой — тот, кто рискует, часто подвергается осуждению. «Рискованный поступок», «рискованный шаг» — звучит уже с явным оттенком неодобрения». И дальше, разбирая все аспекты риска, обосновывая и показывая его суть графически, с позиций математика, автор приходит к выводу: «Риск — это вынужденный образ действий в условиях неопределенности, ведущий в конечном результате к преобладанию успеха над неудачей.

В таком понимании риск — это не безрассудный поступок отчаявшегося, не из ряда вон выходящее действие в чрезвычайных обстоятельствах, а нормальная линия поведения в особых условиях, когда обстановка неопределенна...

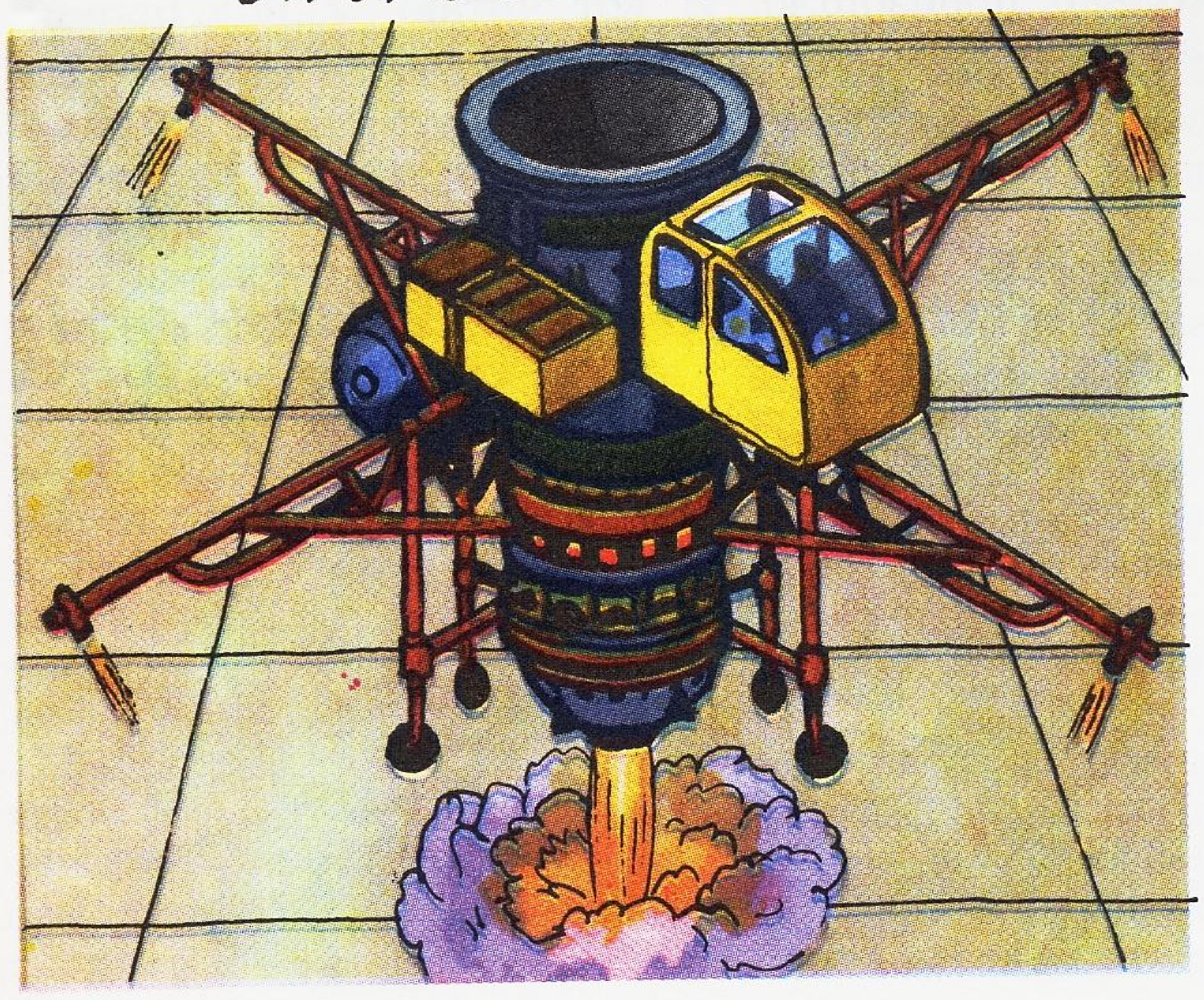
Всякое отклонение от расчетливого риска приводит либо к авантюризму, либо к перестраховке, если мы боимся рисковать. И то и другое сулит в конечном счете проигрыш. Поэтому быть смелым, уметь правильно рисковать — значит оказаться сильнее, чем ты есть».

Это отступление я сделал не случайно. Прежде чем познакомить читателя с несколькими фрагментами из истории авиации, необходима, если угодно, была маленькая психологическая подготовка.

Фрагменты, что вы сейчас прочитаете, имеют цель показать — все новое дается с трудом, каждая удача подготавливается исподволь, редкое начинание обходится без риска, желательно — оправданного, чаще всего — вынужденного и, насколько возможно,— осторожного!

«В 1944 году в Германии был построен истребитель-перехватчик одноразового действия — Бахем «Наттер», снабженный жидкостно-ракетным двигателем Вальтер и стартовыми ускорителями. (Вдумайтесь, пожалуйста,— самолет одноразового действия! — **А. М.**) Самолет перед взлетом устанавливается в вертикальном положении (на специаль-

Турболет 1959 г.



ной стартовой ферме. — **А. М.**), разгоняется до скорости 100—150 километров в час, на которой он уже может управляться аэродинамическими рулями. После выполнения боевого задания летчик должен был покидать самолет и приземляться на парашюте».

Слов нет, подобный летательный аппарат от хорошей жизни не построишь. И сейчас даже трудно сказать, о чем напоминает эта идея: о «божественном ветре с востока», породившем японских летчиков-самоубийц — камикадзе, или о той самой соломинке, к которой неудержимо влечет утопающего...

Бахем «Наттер» не помог фашистской Германии «удержаться на плаву», как не могли уже помочь никакие ухищрения.

Однако свой след в истории эта машина оставила — Бахем «Наттер» взлетал с места, взлетал **вертикально**. И это важно!

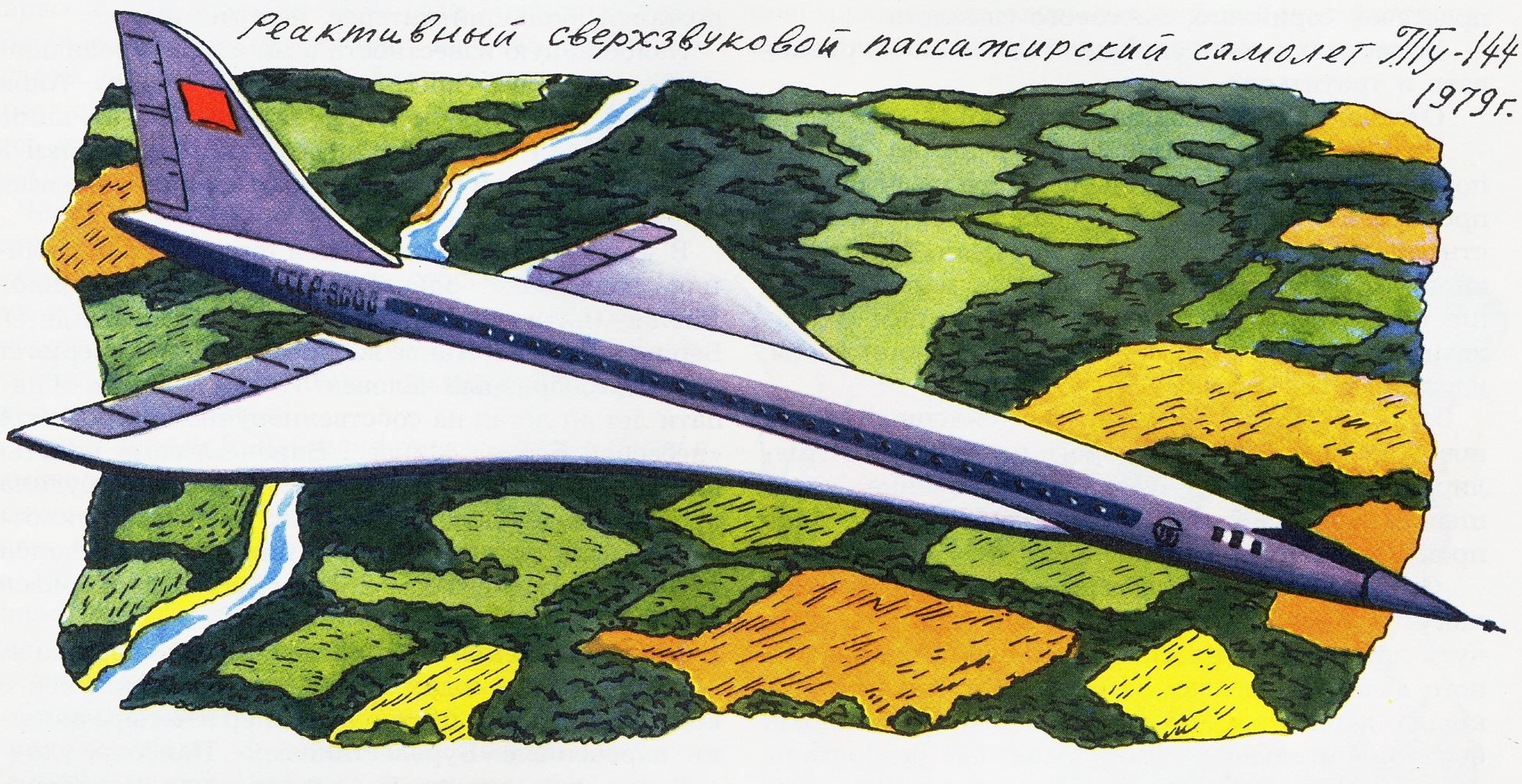
Большие исследовательские работы на специ-

На этом турболете много и успешно летал известный летчик-испытатель Ю. А. Гарнаев.

«Вскоре Гарнаев освоил созданную им же методику пилотирования турболета так, что выделывал на нем эволюции, напоминавшие не столько полет нормального летательного аппарата,— свидетельствует коллега Ю. А. Гарнаева, летчик-испытатель М. Л. Галлай,— сколько танцы, причем танцы не бальные, а скорее так называемые эксцентрические».

В конце пятидесятых годов появилось много сообщений о новом типе вертикально взлетавших самолетов. Этот тип назвали колеоптером. В дословном переводе с французского «колеоптер» означает «жесткокрылый».

Колеоптер отличался от обычного самолета кольцевым крылом, которое можно использовать не только как несущую поверхность, создавая подъемную силу в горизонтальном полете, но и как корпус прямоточного двигателя.



альных летающих стендах велись практически во всех развитых странах. В СССР такой летательный аппарат получил название турболета. Аппарат представлял собой металлическую ферму, на ней стоял вертикально расположенный двигатель. Рядом с двигателем помещались закрытая кабина летчика и топливные баки. Шасси было четырехколесное, с небольшими колесиками.

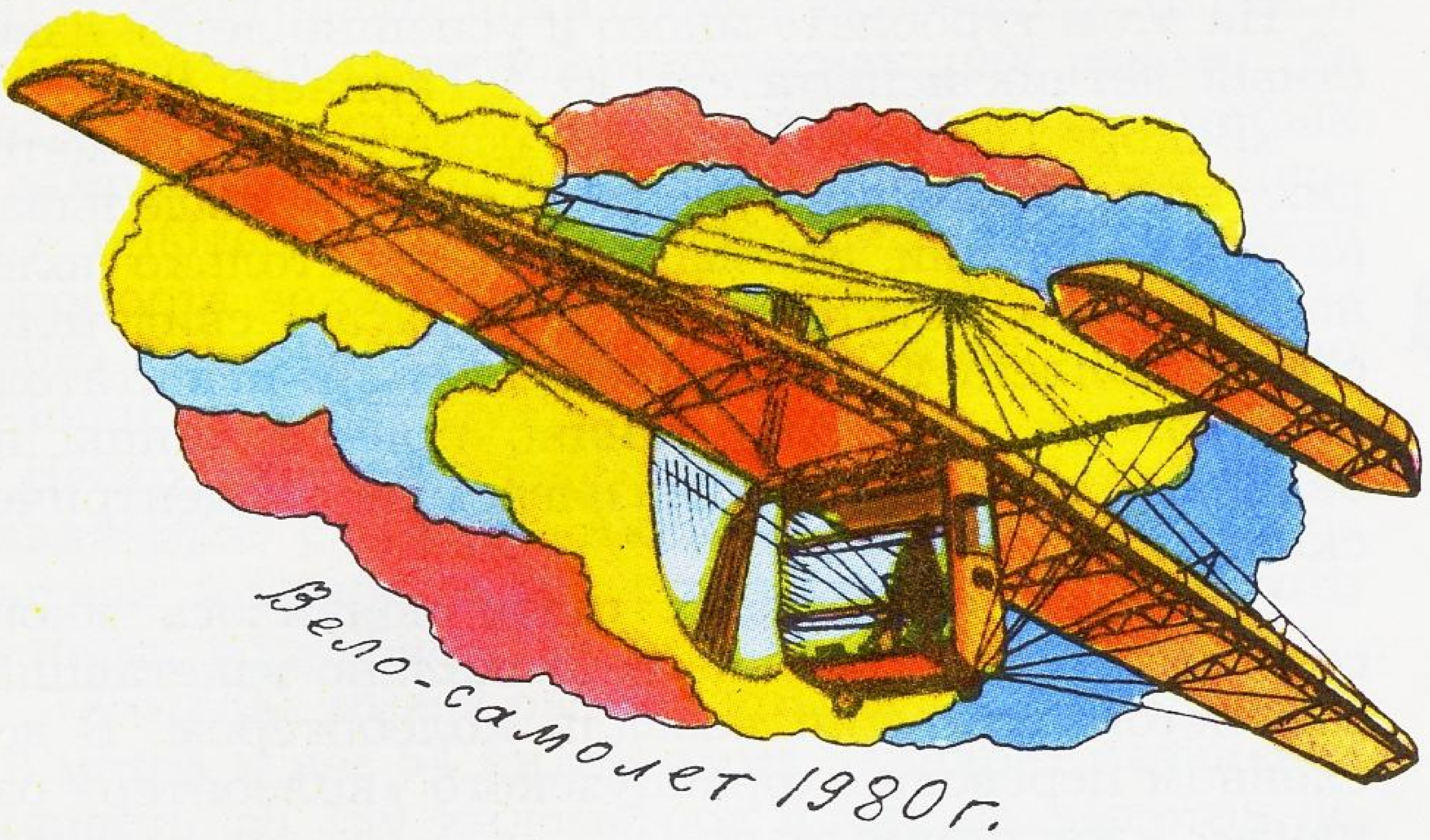
Для управления этим диковато выглядевшим летательным аппаратом в выходном сопле турбореактивного двигателя были установлены два газовых руля. Отклоняясь в разные стороны, они обеспечивали продольное и поперечное управление турболетом. Кроме того, аппарат имел еще струйные рули, вынесенные на четырех длинных фермах, которыми осуществлялось путевое управление.

При необходимости струйные рули могли действовать и вместо газовых продольно-поперечных рулей.

Колеоптер взлетает и садится, используя тягу турбореактивного двигателя, а выйдя на режим больших скоростей, переключается на тягу более экономичного прямоточного двигателя. Идея колеоптера предусматривала вертикальный взлет, максимальную скорость порядка 2500 километров в час, набор 20000 метров высоты за три минуты и приземление на площадке предельно ограниченных размеров.

«Во Франции для исследования кольцевого крыла, как несущей поверхности на разных режимах, построен экспериментальный вертикально взлетающий самолет ЕСМА С-450 «Колеоптер», снабженный турбореактивным двигателем тягой 3700 кг, установленным в фюзеляже. Взлетный вес самолета составляет 3250 кг. Кольцевое крыло самолета, имеющее диаметр 4,5 м и хорду 3,8, прикреплено к фюзеляжу четырьмя профилированными распорками.

В носовой части расположена кабина летчиков с



большим фонарем. Сиденье летчика может поворачиваться».

Все экспериментальные летательные аппараты, о которых рассказано, с большим или меньшим успехом летали. Но ни один не стал прототипом, предтечей серийного, массового самолета.

Возможно, кто-то спросит: так стоило ли рисковать и тратиться?

Отвечаю без колебаний — стоило!

Эти странные, непривычные, ни на что не похожие, штучные машины подобны разведчикам, пробирающимся сквозь враждебную неизвестность, разыскивающим путь к цели, расставляющим предупредительные знаки в местах повышенной опасности, радостно сигналящим о счастливых открытиях, облегчающих дорогу всем, идущим вслед.

И тут любопытно заметить: усиленный поиск новой, не хоженной еще дороги непременно стимулирует — это закон! — усовершенствование, улучшение, казалось бы, давно изведанного и до конца пройденного пути.

Стоило науке заняться вертикальным взлетом, как мгновенно оживились все, кто был хоть чуть-чуть причастен к классическим схемам укороченного взлета и посадки. И оказалось: механизация крыла, давно уже используемая в авиации, может быть значительно развита; ракетные ускорители, резко сокращающие разбег, далеко еще не изжили себя; и тормозные посадочные парашюты — тоже не вчерашний день; и есть еще возможность, управляя пограничным слоем крыла, добиться лучших характеристик взлета и посадки; остается актуальной самолетная схема с изменяющейся геометрией крыла — прямого на малых скоростях и стреловидного — на больших...

И наряду с понятием «самолет вертикального взлета и посадки» законно и другое — «самолет укороченного взлета и посадки» — детище компромисса; но и вся авиация, с первого дня ее существования и по сию пору, держится исключительно на разумных компромиссах. Пока что самолеты, взлетающие с укороченных площадок, встречаются чаще тех, что способны уходить в зенит с места.

Почему? «И в риске есть своя мудрость и даже осторожность,— как заметил Клаузевиц,— только измеряются они особым масштабом — целесообразностью».

Как бы там ни было, борьба начата, и авиация, осторожно рискуя, продвигается к избавлению от аэродромной зависимости. Есть основания полагать, что путь этот будет не близким и не простым, но мы уже в дороге.

Карлики и великаны

Наверное, крайности облегчают восприятие мира: почему бы иначе все познавательные журналы десятилетиями печатали сообщения о самых больших и самых маленьких сооружениях, ракушках, представителях мира пернатых или млекопитающих, машинах, приборах...

Самый... самый-самый... «наисамейший» — тема неисчерпаемая и не утрачивающая привлекательности для миллионов читателей. Авиация не исключение: людей всегда занимали самые громадные и самые миниатюрные летательные аппараты. В известном смысле маленькие самолеты вызывали, пожалуй, больший интерес, чем гиганты.

Наибольшую известность в мире приобрели знаменитые в свое время «небесные блохи» Анри Минье — одного из пионеров европейской авиации. Минье начал строить свои крошки-самолетики в двадцатые годы и остался предан им в течение всей своей жизни.

В конце семидесятых годов французская полиция задержала одного из единомышленников Минье — пятидесятитрехлетнего отца десяти детей Бернара Домона. Какое же преступление совершил этот благообразный человек? На протяжении тридцати лет он летал на собственноручно построенной «небесной блохе» Минье... Впрочем, сами полеты никто ему в вину не вменял, полиция возбудила против Домона дело потому, что он не имел пилотского свидетельства, нигде и никогда не обучался летному делу, а его самоделка-самолетик оказался незарегистрированным...

Однако вернемся во времена более либеральные. В 1922—1929 годах В. П. Невдачин — инженер и военный летчик — построил планер и четыре авиетки, нареченные «Буревестниками». Наиболее удачной оказалась авиетка С-4 с двигателем «Блекборн-Томит» в 18 лошадиных сил. Имея размах крыльев 9, длину фюзеляжа чуть меньше 6 метров, авиетка весила всего 130 килограммов. 29 июля 1927 года А. И. Жуков, старейший летчик-испытатель и, между прочим, инструктор В. П. Чкалова, установил на этой машине рекорд высоты. Жуков поднялся на 5500 метров!

Авиетка была спроектирована с расчетом на авиалюбителей, иными словами, на людей, к воздуху еще только приобщающихся и потому в технике пилотирования неискушенных. Она была исключительно проста в управлении, что, впрочем, не мешало ей замыкать глубокий вираж в четырнадцать секунд и легко выполнять все фигуры высшего пилотажа. Для разбега на взлете и пробега при посадке этому миниатюрному самолетику хватало каких-нибудь 30 метров.

При всей своей неприхотливости и простоте С-4 развивал скорость в 140 километров в час! Между прочим, показатель не хуже, чем у широко в те

годы распространенного и со страшной силой прославленного У-2 (По-2), имевшего не 18, а 100-сильный мотор! На «Буревестнике» был совершен выдающийся перелет: Москва — Одесса!.. Скорость 105 километров в час. Показатели вполне приличные, а если прибавить к ним высокую степень надежности, то можно говорить о выдающемся достижении.

Маленьких самолетов было построено много.

Были удачные, были неудачные машины. Авиационное прошлое хранит, увы, и трагические воспоминания, связанные с этими самолетами. Вот одно из них: «Шофер автобазы городка Кривой Рог Г. И. Прокопенко, страстно желая летать на самолете, построил его своими силами. На самолетном «кладбище» местной летной школы он выбрал относительно исправный фюзеляж, верхнее крыло и оперение «Анрио-14», собрал из частей двигатель «Рон» в 80 лошадиных сил, крыло поставил на самодельных подкосах над фюзеляжем, с контрподкосами и стойками. Получился моноплан-парасоль. 24 февраля 1930 года Прокопенко сел впервые в жизни в самолет, дал газ, взлетел и, сделав круг над полем, благополучно произвел посадку. На втором полете сломался узел крепления одного из подкосов, крыло разрушилось, и Г. И. Прокопенко погиб».

Человек смертен, бессмертна и необорима его мечта.

Самодельный, маленький, собственный самолетик строили, строят и будут строить, пренебрегая запретами, препятствиями, неудачами и даже катастрофами, а все потому, что человеку позарез нужны **свои** крылья!

Еще в 1924-м К. Вейгелин писал: «Во Франции с самого начала авиацию практически двинули вперед спортсмены: Сантос-Дюмон, Арш Дакон, Делагранж, Фарман и другие. Эти люди воздуха в погоне за крыльями для себя, для своей души, напрягали все силы, чтобы оживить, одухотворить мертвые крылатые машины и, оторвав их от земли, пустить бродить по воздуху».

Создание авиеток перед второй мировой войной пошло на убыль. А потом вроде и вовсе заглохло. Но вот в августе 1954 года впервые отрывается от земли самолет финского конструктора Юхана Хейнонена — ХК-1.

Несколько позже с успехом летал ХАИ-19, мини-самолет, построенный студентами Харьковского авиационного института. Вес этой машины 200 килограммов. Скорость при тридцатисильном моторе достигала 140 километров в час.

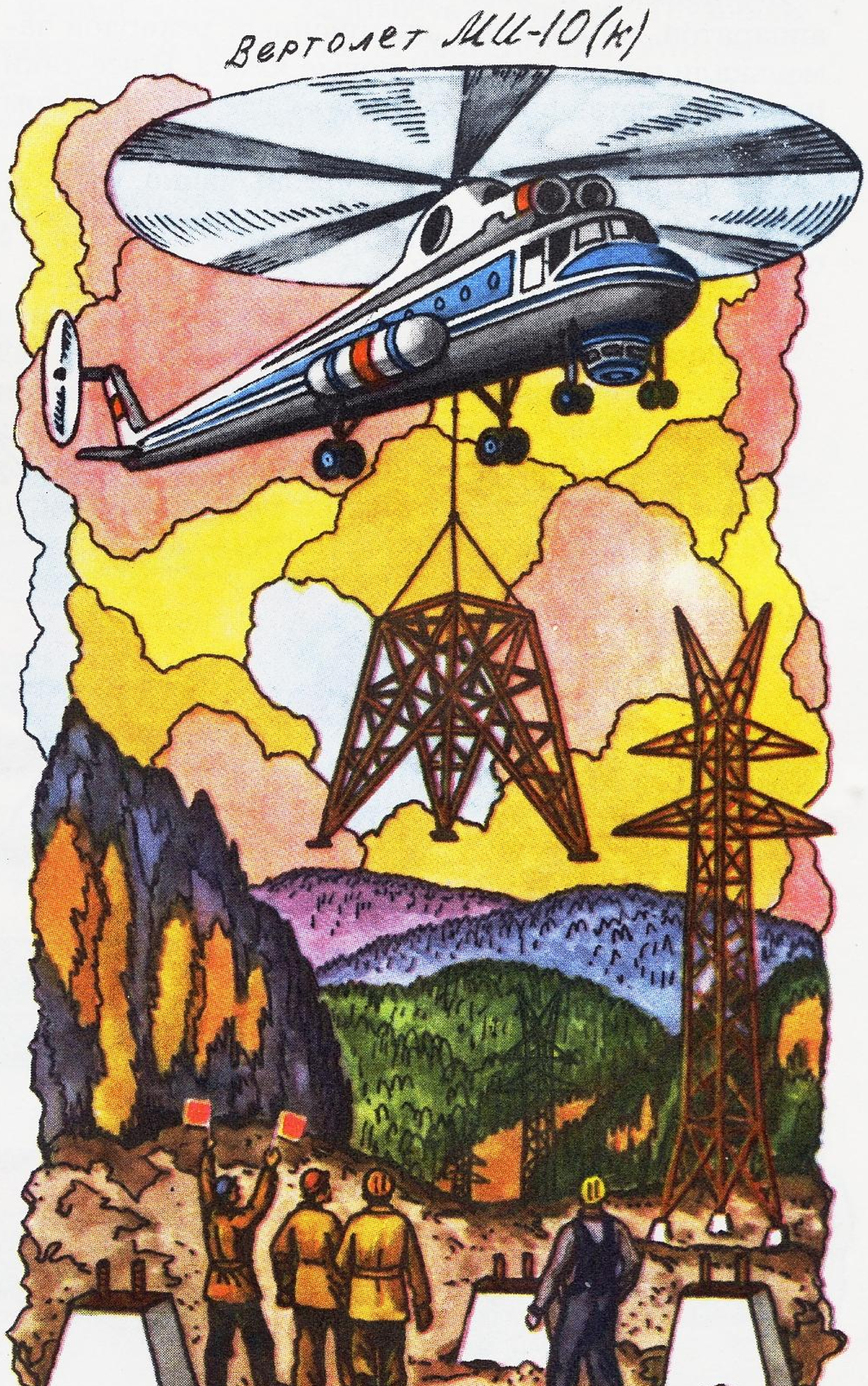
Строить самолеты самодеятельно нелегко, но возможно! И вот тому подтверждение: в Советском Союзе в 1945—1959 годах было создано 12 любительских конструкций, в 1960—1969 годах — 46 самолетов и 28 иных летательных аппаратов, а с 1970 по 1977 год энтузиасты-конструкторы построили 93 самолета и 39 автожиров и вертолетов...

Усилия в области малой авиации не прекращаются, поиск идет широким фронтом. Газеты сообщили: «Построенное по проекту профессора Калифорнийского университета Моллера летающее «блюдце» имеет восемь утопленных в корпусе винтов. Воздушный поток, который они создают, поднимает необычный аппарат и удерживает его над землей. Правда, на сравнительно небольшой высоте — всего несколько метров. Но зато маневренностью «блюдце» обладает исключительной: оно может передвигаться в любую сторону.

Американский конструктор совершил около 30 пробных вылетов. Все они закончились удачно».

Сколь необходимо человеку летать на собственноручно изготовленных крыльях, свидетельствует такой феномен: Леонардо да Винчи, упрямый человек, невзирая на все неудачи, пролитую в изобилии кровь, добивается полета с помощью собственных мускулов, и только совсем недавно были, наконец, достигнуты кое-какие успехи в этой области.

Лет семь-восемь назад несколько газет почти одновременно опубликовали маленькие заметки под разухабистыми заголовками: «Крути педали», «Велосипед полетел», «Педали и крылья»... Было что-то зазывно-аттракционное в этих газетных сообщениях, а смысл сводился к тому, что «в Японии группа инженеров-любителей разработала конструкцию самолета-велосипеда, винт которого приводится в движение обычными педалями.



Фюзеляж и крылья этого необыкновенного гибрида были сделаны из легкого дерева и полиэтиленовой пленки. Длина аппарата — 9 метров, размах его крыльев — 21 метр, а вес, при столь внушительных размерах, всего 36 килограммов. При опытных полетах машина пролетала пятьсот метров за семьдесят секунд».

Самым впечатляющим в этом сенсационном сообщении был, разумеется, ничтожный вес машины. Судите сами: прекрасный планер конструкции О. К. Антонова — А-10, вполне соизмеримый по величине с японским летающим велосипедом, весит 360 килограммов — в десять раз больше! Первые коротенькие информации стали обрастать подробностями: «...студент Като, усевшись в седло, раскрутил с помощью педалей и цепной передачи деревянный пропеллер диаметром 2,5 метра до 210 оборотов в минуту и разогнал педалелет до 31 километра в час. В этот момент он оторвался от земли и на трехметровой высоте пролетел 2094 метра».

Сразу после полета студент Като заявил: «Я прекратил полет не потому, что не мог лететь дальше, а потому, что достиг конца взлетной полосы...»

И — пошло! В небе прибавилось летательных аппаратов, в таблицах авиационных рекордов замелькали новые цифры и новые имена. И все-таки повесть о летающих «карликах» все еще в самом начале.

Нет сомнения, это будет чрезвычайно увлекательная, во многом неожиданная и, хочется верить, оптимистическая повесть.

А что великаны?

Зарубежные ученые, занимающиеся будущим, пишут, что к 2000 году ожидают появления самолета на тысячу пассажиров, который будет летать со скоростью, в 10 раз превышающей скорость звука (более 12 000 километров в час)...

Тысячеместный самолет? Двенадцать тысяч километров в час скорость?

А не много ли? Не увлеклись ли ученые, не хватанули лишку?

Но если вспомнить: паровоз человечество осваивало тридцать четыре года, автомобиль — двадцать семь, самолет — семнадцать... а до двухтысячного года какой у нас остается «запас»?..— то, может, и правы предсказатели будущего? Поживем — увидим.

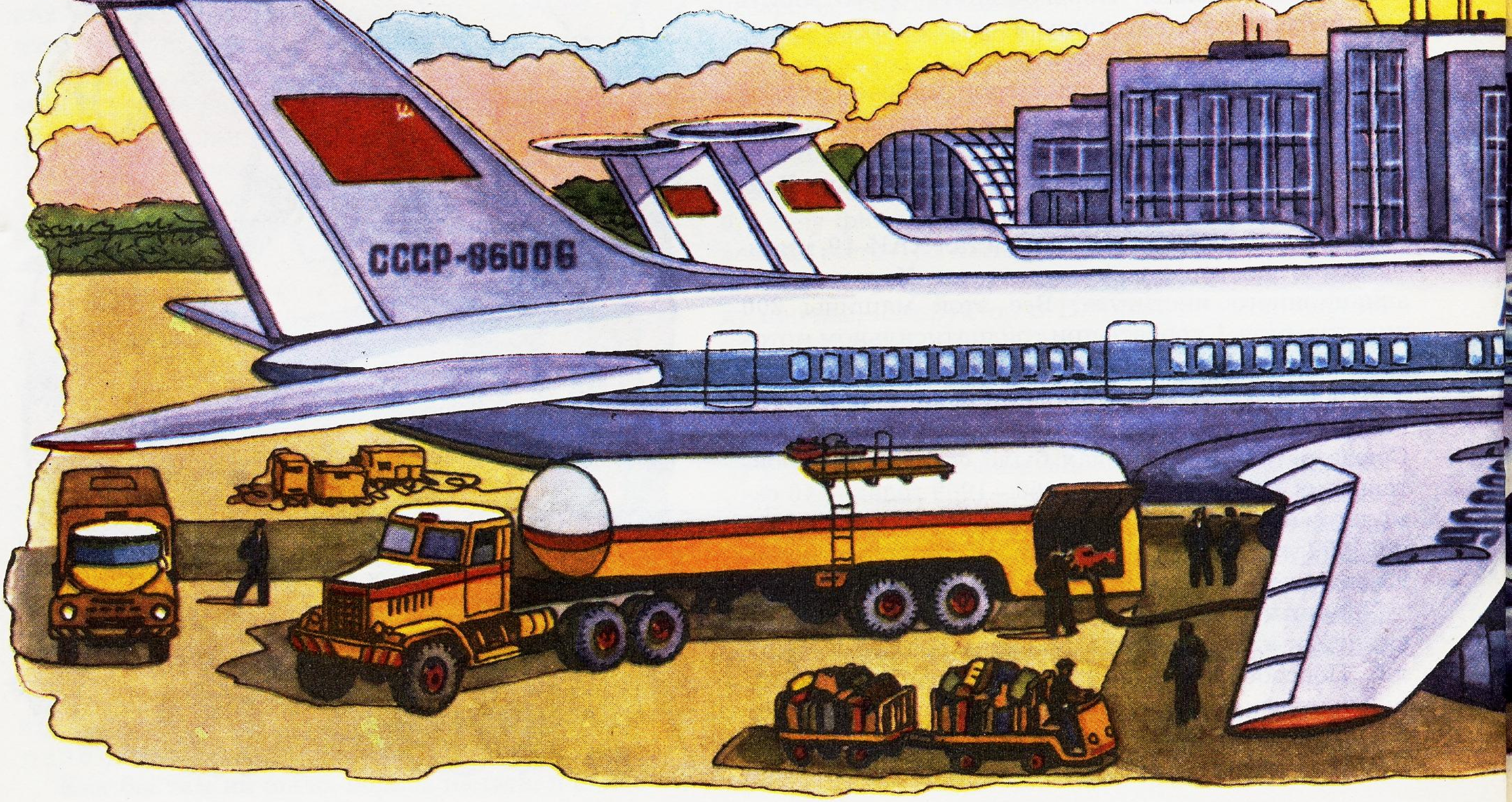
А так ли нужен тысячеместный самолет? И не скрыта ли в этой идее давняя людская болезнь — гигантомания? Дом — так сто этажей! Башня — обязательно до облаков! И даже головку сыра для сельскохозяйственной выставки норовим изготовить многотонную...

Нет, стремление к большим и сверхбольшим самолетам, увы, необходимость. Иначе не разгрузить до предела уже загруженные воздушные порты, не сделать авиационный транспорт рентабельным, иначе не обеспечить всевозрастающие грузопотоки своевременной доставкой.

Да, сверхбольшие самолеты — необходимость. И потом, а что значит сверхбольшой?

В 1930 году была издана книга «Основы воздушных сообщений». Автор этого редкого теперь труда тщательно анализировал преимущества и недостат-

Самолет Ил-86 (Аэробус) 1985 г.



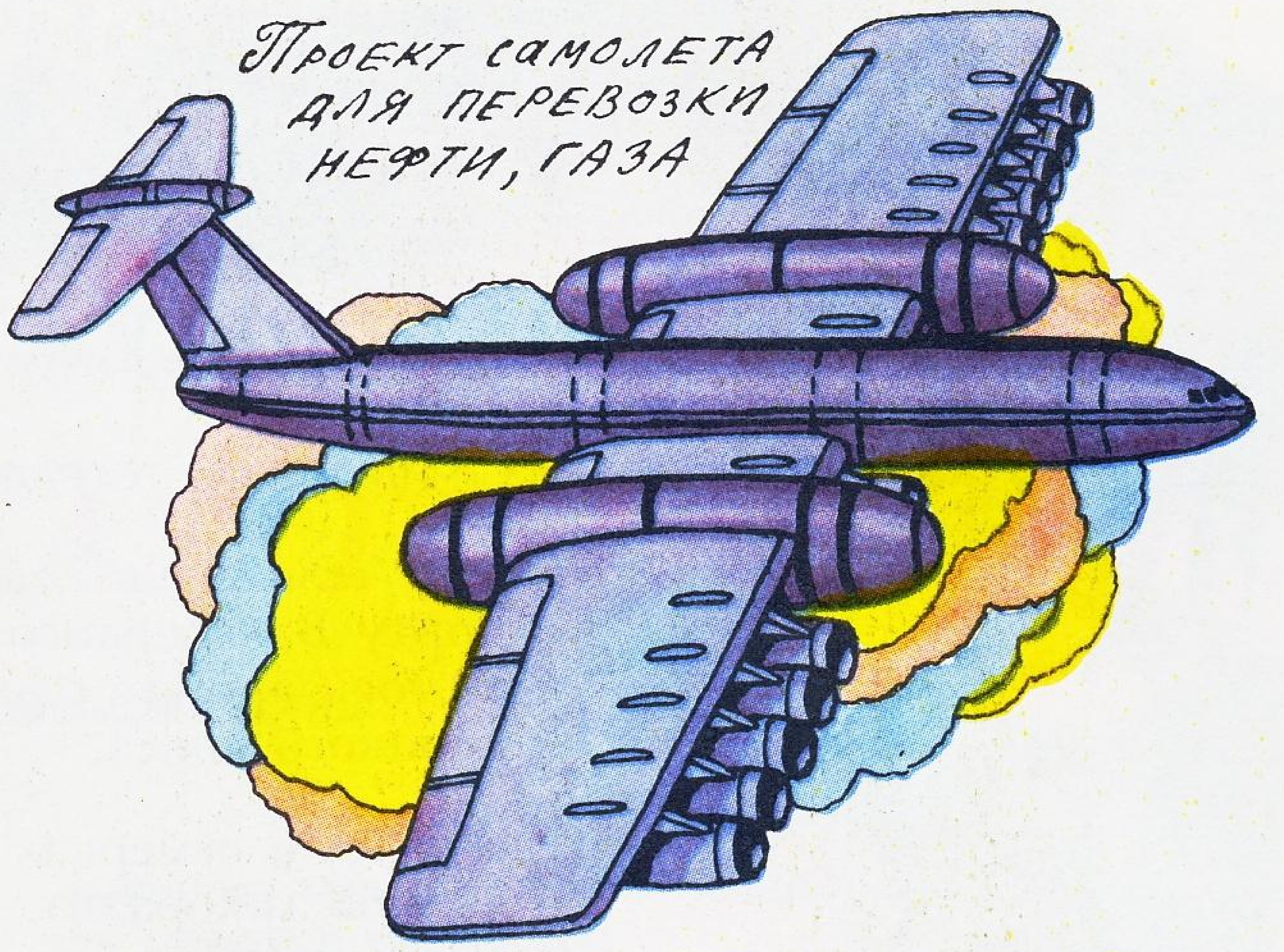
ки воздушного транспорта в сравнении с железнодорожным и морским.

К числу безусловных преимуществ самолета была отнесена скорость, а к числу столь же безусловных и едва ли преодолимых недостатков — невозможность регулярных полетов ночью. Большим минусом автор считал также болтанку, тесноту в самолетных помещениях, отсутствие туалетов...

В книге была сделана попытка спрогнозировать будущее развитие воздушных сообщений. Предпочтение отдавалось большим самолетам, и тут же делалась весьма любопытная оговорка: «по существу, название «сверхмощный самолет», конечно, не является правильным, потому что те машины, которые сегодня относятся нами к этому классу, именно и являются первыми аппаратами, имеющими основание претендовать на название «воздушных судов», приспособленных для обслуживания пассажирских перевозок на регулярных воздушных линиях завтрашнего дня. И при том эти самолеты не только не последнее слово, но скорее только исходный пункт подлинного транспортного самолетостроения».

Таким «исходным пунктом» в цитируемой книге был, в частности, назван «Юнкерс С-31», трехмоторный самолет с салоном на девять пассажиров, оборудованным спальными местами, развивавший скорость до двухсот километров в час...

Что и говорить, для своего времени «С-31» был самолетом, конечно, выдающимся. Но пятьдесят лет спустя, в наше время и сто- и стопятидесятиместные корабли не кажутся нам большими, хотя совсем еще недавно их именовали летающими гигантами! Китами пятого океана! Крылатым чудом века!..



Самолеты растут, увеличиваются очень быстро. Ил-86 — большая машина. Сегодня. Однако никому уже не приходит в голову удивляться ее габаритам. Время!..

Фирма «Боинг» разработала проект грузового реактивного самолета с 12 двигателями. Этот самолет в три раза крупнее «Боинга-747» и рассчитан на перевозку сжиженного природного газа, нефти и других ископаемых. Грузовые контейнеры будут располагаться в крыле, размах которого составляет 157 метров. Полезная нагрузка 1100 тонн.

«Японская фирма «Син Мэйва индастри» разработала проект гидросамолета, рассчитанного на 1200 пассажирских мест,— говорится в информационном сообщении ТАСС. — Вес самолета 522 тонны. Дальность беспосадочного полета — 6500 километров. Для взлета и посадки на водной поверхности потребуется полоса длиной около двух километров. Помехой не смогут стать даже трехметровые волны».

Не странно ли возить нефть по воздуху? Не удивительно ли возвращаться к гидросамолету?

Пестрый опыт минувших лет подсказывает: не надо быть слишком категоричным. Авиация так часто и так стремительно выбирала неожиданные пути и совершала резкие повороты... Подождем, набравшись терпения.

Надо думать, машина, способная поднимать разом 800—1000 пассажиров, появится, вот тогда и поохаем, объявим ее очередным чудом века... а потом привыкнем. И непременно перенесем понятие «сверхмощный», «сверхгабаритный» или «супердальний» на новый объект, на очередную еще не реализованную мечту.

* * *

У этой книги нет конца. И сколько бы я ни старался его написать, ничего не выйдет. Полет — это скорость. Нет скорости — конец полету. Начинается падение. Авиация в непрерывном движении, в борьбе, в стремительном овладении все новыми и новыми высотами человеческой мысли.

Павел ГРУШКО

Встреча в порту

ИЗ «ЧИЛИЙСКОЙ ТЕТРАДИ»

Среди тележек и снастей,
в порту Вальпараисо,
где стоек аромат сельдей
и терпкого аниса,

где ожил в сумерках маяк
и звезды лихорадит,
присев на корточки, рыбак
пингвина нежно гладит.

Здесь не в диковинку пингвин,
и, верно, в этот вечер
из-за киоска я один
слежу за этой встречей.

А птица к человеку льнет,
зажмурившись от счастья,
и легок ей спокойный гнет
его тяжелой пясти.

С какою простотой свела
чилийская природа
два пепельных полукрыла
и руки морехода.

Похоже, будто старший брат
меньшого встретил братца,
и каждый несказанно рад,
что довелось обняться.

Рожденные в морской глуши,
в ледовом захолустье,
две бесприютные души,
две нежности, две грусти

в портовой пестрой толчее
прощаются по-братски.
Уже у парня на плече
простой баул рыбацкий,

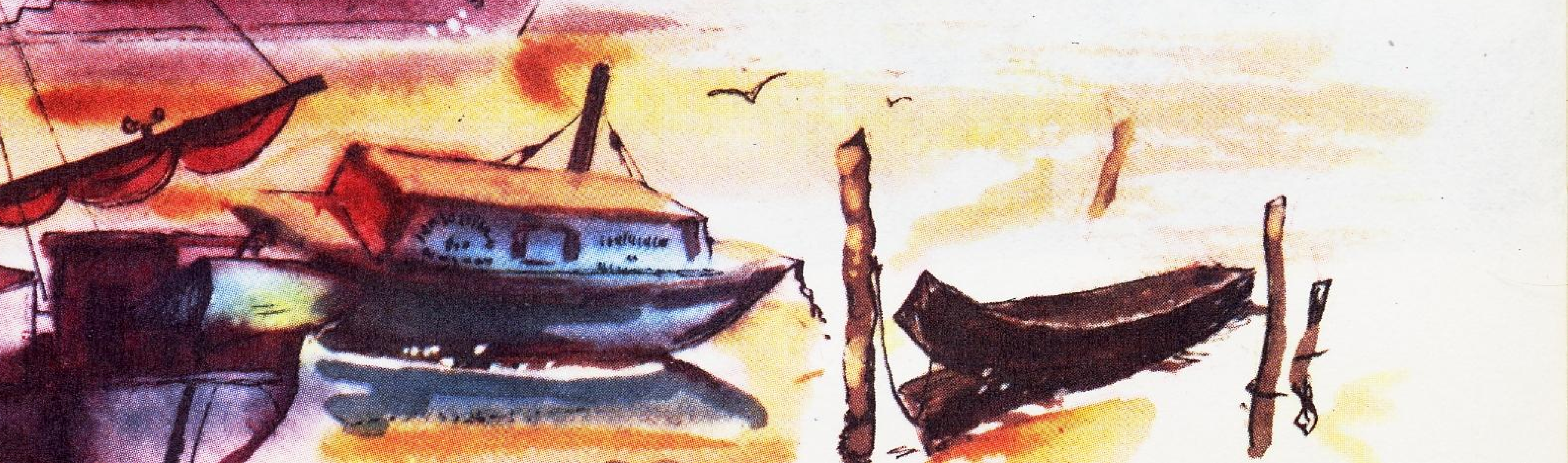
и пепельный пушистый ком,
сомлевший от удачи,
топырит ласты и задком
виляет по-щенячьи...

Олег БЕЛИКОВ

Найденыш

На людном пляже
в Мар-дель-Плата,
Где не присесть
и не прилечь,
На пляже общем,
небогатом —
Рабочий люд,
живая речь...
И вдруг —
измученный ребенок,
Как сбившийся с пути беглец,
Не рассчитав, видать, силенок,
Бредет,
исплакавшись вконец.
Росточком —
взрослым до колена —
Таких искать вдвойне трудней —
Он, как иголка в стоге сена,
В сплошном скоплении людей.
Но он замечен!
Словно свитой,
Малыш народом окружен
И вот уже на плечи чьи-то,
Как флаг сигнальный,
водружен.
Вокруг —
тела темнее сажи,
До горизонта —
моря синь...
Несли найденыша над пляжем
Живым укором — для разинь.
И, властно требуя вниманья
К тому,
кто слаб
и ростом мал,
Весь пляж
гремел рукоплесканьем
Таким,
что спящих подымал.
Не пожелать поддержки лучшей!
Итог — родители нашлись...
Малыш,
запомни этот случай
И пронеси его
сквозь жизнь.
Кто верит в бога,
кто — в богатство,
Кто — во всесилие наук...
Расти, найденыш,
веря в братство
Тебе рукоплескавших рук.

Аргентина.



САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

А. МЯСНИКОВА

ЕСЛИ В РУКАХ ГИТАРА...

Рисунок А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Ночь. Прохладный ветер шумит в деревьях. Журчит речка. Тихонько переговариваются ребята. Я смотрю в костер, где в огне пляшут, сворачиваются в трубочки черные пепельные фигурки. Кто-то бережно перебирает гитарные струны...

Будто бы я не за двадцать километров от Вильнюса в пионерском лагере «Салют», а с друзьями детства на привале в парусном походе. Или со студентами на уборке картошки в уральской деревне Подгорное. Или в «Артеке». Или...

Все костры похожи. Может быть, тем они и хороши, что напоминают об уже отгоревших кострах, заставляя сверить тебя — сегодняшнего с тобой — вчерашним. Тот же огонь. Те же звуки гитары. Другой только ты.

Пауза. Смешок. Пауза. Дернулась одинокая нота. Осторожный аккорд. Хрипловатый юношеский голос запел.

Про костер поет... Нет... не только. Про чудака, который, не задумываясь, расстался со своим счастьем ради других.

И про тех, кто никогда не пожертвует собственным благополучием,— тоже.

Гитаристы... Много их среди взрослых и среди ребят. Разные у них гитары. Простенькие, с облезшим лаком, прикрученные веревкой к рюкзаку, и дорогие, акустические, надежно защищенные кожаными футлярами...

Звучат они везде: у костра и на фестивальной сцене, в поездах и в скверах. Разные они люди, гитаристы...

Я отрываю взгляд от костра. Интересно, кто поет?

Кто поет песню?

«Какая разница — кто? Все равно. Лишь бы песня была хорошая»,— считают те «салютовцы», с которыми я беседовала после.

Не знаю, может быть, я не права. Но мне как-то не все равно.

Оказался однажды в нашем студенческом отряде первокурсник, только что окончивший школу. Приехал на уборку с гитарой. Пел про солнце и ветер, про дружбу, про товарищество. Слушали его ребята, удивлялись чистому голоску. А потом целый месяц мучились, что такой противный человек оказался.

На поле с утра до темноты выматывались все. А он, как только дождь польет, сапоги и ведра облепятся грязью, садился на мешок, опускал капюшон и начинал стонать, жаловаться на усталость, холод, сырость. Он был единственным парнем в бригаде, а девчонки таскали за него тяжелые ведра, встряхивали мешки с картошкой.

Не помню, чтобы кто-то после этого слушал его пение.

Как только брал он гитару, все, презрительно ухмыльнувшись, отворачивались.

«Мне все равно, какой человек поет» — так может сказать лишь тот, кому одинаково приятно есть из одной тарелки и с другом, и с предателем. Лишь бы суп вкусный сварили.

Не думаю, что ребята из «Салюта» такие. Скорее всего, они просто не пытались разобраться в своих товарищах. Не выпадало на их долю сколько-нибудь серьезного испытания.

С другой стороны, ответ «мне все равно, кто поет» мог прозвучать еще и потому, что лагерные певцы (а их всего трое) сами по себе ребята неплохие. Это я поняла, когда беседовала с музыкантами.

Зачем вам гитара?

— Как зачем? Играть!

«Просто играть» — желание отнюдь не редкое. В конце командировки я знала, что уж одна треть лагеря точно лелеет эту мечту. И все-таки каждый, кто, впервые тронув пальцами натянутую струну, почувствовал боль, но не изменил своего намерения, помимо общей цели — играть, имел собственную цель.

Зачем играть? Для кого? Что? Как? Просто так ничего не бывает.

Марине Иванченко и Андрею Михайлову было нетрудно усвоить основные аккорды, потому что они учились в музыкальных школах. Особенно Марине: от виолончели на подушечках пальцев давно твердые мозоли. Но тогда тем более возникает вопрос: зачем им понадобилась гитара, если есть пианино и виолончель? Неужели не хватает ежедневных занятий в «музыкалке»?

— Ой, что вы? Это совсем другое дело. При чем здесь музыкальная школа? — удивилась Марина.— Виолончель ведь не возьмешь с собой в лагерь. А на гитаре я играю просто потому, что люблю петь. У меня и младшая сестра — певунья.

У Андрея постоянно поет мама. Он даже удивляется: «Включу магнитофон на полную катушку, а она за пять метров на кухне — свое. «Аве Марию» или что-нибудь из Пугачевой».

— А зачем мне гитара? Для себя учился. Для души. Об этом знают даже не все одноклассники. Хотел-то петь только для себя, но...

Прервем до поры рассказ Андрея и послушаем

третьего гитариста, семиклассника Алешу Казенова. Он, сам не зная того, продолжил мысль товарища:

— Гитара — отличная вещь! Она поднимает настроение. Однажды меня кто-то обидел, я даже ревел. Пошел в беседку, а там ребята пели какую-то песню веселую. И я постепенно успокоился, обиду забыл. На первую смену привез в лагерь гитару, попросил, чтобы показали элементарные аккорды. Каждый день сидел, тренировался. А ведь в школе чуть было не записался на трубу. Вернее, уже записался, но скоро ушел: петь и трубить одновременно никак нельзя.

И теперь у костра, лишь только народ приуныл, откуда-то появляется хитрое веснушчатое Алешкино лицо.

Убедившись, что момент подходящий, он начинает свою коронную песенку про белую болонку. Успех всегда — полный.

Такое свойство интересное

Итак, Алеша с самого начала полюбил гитару потому, что с ней веселей другим. Но Алеша — одно. Он человек общительный, веселый. Что бы ни делал второй отряд, Алешины реплики, порой умные, порой и не ко времени, но всегда смешные, не умолкают. Его желание играть для других понятно.

А как же Марина и Андрей? Они-то — совсем другие люди. Марина — добрая, приветливая, спокойная, ровная в обращении со всеми. Никто не помнит, чтобы она когда-нибудь повысила голос. Андрей, как я поняла со слов его товарищей,— человек дела. Все умеет. Рисует, занимается в футбольной секции, хорошо играет в теннис и волейбол, но не привык

распространяться о своих достижениях. В отряде внешне ничем не выделяется.

Они учились играть «для души», и что же получилось?

Вернемся к рассказу Андрея, который мы прервали.

— Хотел-то я петь только для себя, но... вышло так, что это другим помогает.

И действительно, взял Андрей в руки гитару, чтобы показать неизвестный мне аккорд,— и моментально вокруг нас образовался кружок из четырех человек. Откуда они взялись — непонятно: сидели мы на холме далеко от палаток.

— Сыграй про корабль,— прямо-таки потребовал высокий мальчик с обиженным выражением на лице.

— Я не хочу сейчас. И вообще, мы беседуем, не видишь?

— Зачем тогда гитару взял? — еще больше обиделся мальчик, и ребята, удивленно пожав плечами, отправились к палаткам.

Итак, гитара сама, независимо от характера и настроения хозяина, притягивает к себе людей. Она как будто обладает «магнитным» свойством.

До обидного странная вещь

Слушала я гитаристов, слушала их песни. И в итоге обнаружила одну странную вещь.

Сначала не было ни странно, ни обидно, а, наоборот, радостно.

Я заметила, что и Марину, и Андрея, и Алешу объединяет одно важное качество — наличие своей собственной точки зрения. Все трое (пусть каждый своим способом) пытаются разобраться в том, что происходит вокруг. Они не воспринимают окружающее «как все» — они оценивают. Порой их оценка не совпадает с мнением большинства, но она человечнее и справедливее.

Произошло в первом отряде ЧП — семиклассница Лена без разрешения уехала на день домой. Почти все объявили ей бойкот, были готовы вообще исключить девочку из отряда. Ленка ревела на общем сборе, объясняя, что хотела повидаться с братом, которого давно не видела и который приехал на одно только воскресенье. Но никакие «братские» чувства не могли растрогать ребят. Хорошо, что Марина вместе с одноклассницей Наташей Подгорной и председателем совета отряда Светой Косищевой перевели Лену к себе в палату. «А то «загрызли» бы ее там,— пояснили они мне.— А девчонка она отзывчивая, хоть и сложный характер».

«Разбирали» во втором отряде некоего Максима, любителя покурить украдкой: он набрал сухих листьев и доказывал, что все это маме для лекарства. Понятно, беспокоились ребята о его же здоровье и поэтому сердились на остроты, отпускаемые Алешей Казеновым. Меня сначала тоже покоробила Лешкина позиция. Но скоро я поняла, чем вызваны «шуточки»: не нравилось гитаристу то, что напали на человека всей оравой и верить не хотят ни одному его слову.

Потом я порадовалась тому, как гитаристы относятся к людям, какие качества в них ценят и какие не принимают.

— Ценю? Прежде всего... доброту. Честность. И... простоту. Чтобы не задавались, не строили из себя...— говорила Марина.

— Веселых люблю. И чтобы все умели делать,— отвечал Андрей.— Если мальчишка ничего не умеет, я считаю, это не пацан. Очень не люблю пассивных. Ведь когда есть дело — интереснее.

Значит, у надежных людей в руках гитары?

Вот здесь и таится та самая «странная вещь». Оказывается, неравнодушные, думающие ребята, которым есть что сказать сверстникам, выбирают песни, не отражающие и сотой доли их взглядов.

Репертуар Марины — лирический. Благодаря ей весь лагерь распевает: «Все пройдет, и печаль, и радость». Особенно дружно выходит у октябрят.

Андрей — «пропагандист» известного ансамбля «Машина времени». «Каждый костер когда-то догорит!» — подхватывают хором старшие и малыши. «Эх! Новый поворот!» — ликует первый отряд. Но, оказывается, только единицы понимают истинный смысл песен. Поют ребята «Костер» — и представляют горящие головешки, языки пламени, человека, который сжег свой хворост, такой дефицитный, чтобы обогреть замерзших. «Самая походная песня»,— говорят они. А «Поворот» для них, значит, самая гоночная. Ее особенно хорошо в автобусе петь. Или на мотоцикле.

Только некоторые пытаются поразмыслить, увидеть второе, переносное значение «костра» и «поворота». Но, к сожалению, сам Андрей до конца не понимает песен, которые исполняет.

«Ах, ах, ах, ах, ах...» — такой припев у Лешкиной песни про болонку. Может быть, он и смешной — о вкусах не спорят. Но много ли такая песня дает человеку?

Да... Странная, обидная вещь!

Всегда оружие

А они думали: это просто гитара. Всего-навсего деревянный корпус с натянутыми струнами.

Смотрели на меня недоверчиво: «Во дает! Куда загнула!»

— Нет, я так не считаю,— заявил Андрей.

— Когда Виктор Хара песнями боролся за мир, тогда, конечно, оружие. Но при чем тут мы? — возразил Алеша.

Марина скорого ответа не давала. Она думала.

— Вообще-то я согласна. Песня может быть оружием. Но... не всякая, наверное?

Вот в чем причина. Они не верят в то, что любая песня (знает об этом певец или не знает, желает того или нет) — всегда выстрел.

О чем ты поешь? О доброте и справедливости? О честности, смелости, зависти, жестокости? О Ленке, которую «клюют» девчонки, или о Максиме, который калечит себя и врет вожатым? А может быть, об Анжеле, что не терпит своих поражений и радуется чужим? Или о собственном классе, где мальчишки предпочитают все свободное время околачиваться в подъездах, а девчонки, кроме учебника, ничего не видят? О своих взглядах, убеждениях? Нет? А почему же?

Возможно, нужны и «болонка», и просто красивое «ля-ля-ля». Но разве после них станет кто-то чуточку умнее, добрее? Точно так же — после песен, смысл которых тобой и твоими слушателями не осознан.

Холостые получаются выстрелы.

Любителей потренькать на гитаре много. Гитарист — лишь тот, кто чувствует силу песен, которые исполняет.

Ты взял в руки гитару. Значит, ты в ответе за себя самого. В ответе за свои песни. В ответе за тех, для кого поешь.

К 80-летию писателя Л. А. Кассиля

НЕБЕСНАЯ „ШВАМБРАНИЯ"

«Он открывал детям страны,
Которых на свете нет,
Уча любить ту землю,
Что была ему дороже всего на свете».

Л. Кассиль

Мы жили в Большом Гнездниковском переулке. В доме — он один такой в Москве — с крышей, которая заменяла жильцам двор. Там был и клуб, клумбы, качели, волейбольная площадка. Мы разъезжали по крыше на самокатах, роликах и велосипедах. А вечерами в клубный телескоп разглядывали звезды и планеты.

Там же, на десятом этаже, было издательство «Советский писатель». Издательские окна, огромные, от пола до потолка, смотрели на крышу.

Однажды летом мы играли в «12 палочек». Игра вроде «пряток», но выручаться надо, стукнув ногой по доске. С доски падают 12 палочек. Пока ты их подбираешь, все снова прячутся.

В тот день мне страшно не везло. Я эти палочки собирала раз восемь. И вдруг из окна издательства шагнул на крышу человек. Он был в очках, костюме — с жилетом! В кармане на груди платок... Как дирижер! И он сказал:

— Чур, на новенького.

— Вот вы и водите, — говорю, — раз «на новенького»!

— Я и буду, — ответил этот человек. Он собрал палочки, сложил на край доски... Но тут ему крикнули:

— Кассиль!

— Зовут, — сказал. И ушел. Обратно. В окно.

Это был Швамбранский адмирал! Автор «необычайных приключений двух рыцарей, в поисках справедливости открывших на материке Большого Зуба ВЕЛИКОЕ ГОСУДАРСТВО ШВАМБРАНСКОЕ»!!!

Тем летом я перешла в пятый класс, и не было книги, которую я и

мои товарищи по крыше читали бы с бо́льшим удовольствием. Причем «Кондуит и Швамбранию» подарил моей маме сам Лев Кассиль.

Она училась в пятом или шестом классе. В Кратове, в пионерлагере под названием «Старый большевик», она бегала «загольным кипером» на футбольных соревнованиях. Или «заворотным хавом», как называли человека, подающего мячи футболистам.

Как-то на летней спартакиаде во время матча с пионерлагерем «Счастливое детство» вратарь команды «Старого большевика» получил травму. В ворота поставили загольного кипера.

Тут команда активизировалась. Особенно капитан — форвард Зедон Имбовиц. Он вбил «Счастливому детству» подряд четыре гола.

На этой спартакиаде почетными членами жюри были режиссер детского радио Роза Иоффе и Лев Кассиль. Они поздравили победителей и вручили им кубок.

— А что, ваш вратарь — девочка? — спросил Кассиль.

— Да, — отвечает Зедон. — Бывший заворотный хав, голкипер Люся.

Вот тогда-то и получила моя мама в подарок от Кассиля «Кондуит и Швамбранию».

Зедон сказал «голкипер», потому что «вратарем» защитника ворот стали называть позже. После того, как Лев Кассиль написал роман «Вратарь Республики».

История о подвигах «волгаря-арбузника», легендарного футболиста Антона Кандидова, непобедимого, непробиваемого чудо-вратаря!.. Который под хохот зрителей заставил беспомощно дрыгать ногами свирепого Бена Хорга!.. История о благородном духе советского спорта, законах мужества и правилах товарищества поразила читателей. Будто роман был ответом на письмо школьника Льву Кассилю: «Дорогой Лев Кассиль, пожалуйста, напишите такую книгу, на каждой странице которой что-нибудь бы случалось!»

... Свист голубятников, «дрынчание» воздушных змеев, гомон пристаней, великолепный бас профундо большого парохода, скрежет мотора глиссеров, уханье паровозных труб, восторженный рев зрителей на трибунах стадиона!.. Лев Кассиль знал это все. И не понаслышке.

Писатель был большим знатоком спорта. Как болельщик и спортивный журналист он объездил весь мир. «Мо-лод-цы!» — кричите вы на стадионе спортсменам и даже не подозреваете, что этот зажигательный клич изобрел Лев Кассиль.

Дело происходило на зимних Олимпийских играх в Кортина Д'Ампеццо. Разыгрывались титулы мировых и олимпийских чемпионов по хоккею с шайбой. Советская команда встречалась с американцами. Шла «сухая ничья». И вдруг наш Хлыстов «распечатывает» ворота противника. До этого советские болельщики кричали своим: «Давай!» А тут Лев Кассиль говорит:

— Что бы нам крикнуть такое позвучнее, хором? Хо-ро-шо!.. Нет, слабо. Впе-ред!.. Не звучит... Мо-лод-цы! А? Мо-лод-цы! Попробуем?

И вот, вспоминает радиорепортер Юрий Гальперин, из ложи прессы маленький, но дружный хор во главе с Кассилем начал скандировать:

— Мо-лод-цы!!!

За чистую борьбу любил спорт Лев Кассиль. Он терпеть не мог подлых приемов — разных там «коробочек», «подножек», «рубчиков» и «подсечек» — не только в спорте, нигде. Недаром так рыцарственны, храбры и бескомпромиссны герои его повестей «Великое противостояние», «Черемыш...», «Дорогие мои мальчишки», «Будьте готовы, Ваше высочество!».

«Мы не должны терять твердую мужскую походку», — писал Кассиль. А поэт из выдуманной Кассилем страны Джунгахоры говорит: «Береги себя!.. Нет, не в работе, не в борьбе, не в любви. Там будь бесконечно щедр. А вот если требуют, чтобы ты покривил душой, ужался сердцем, притоптал, заглушил что-то главное в себе, — тут будь бережен, не уступай себя!»

Так жили и живут друзья Кассиля, вчерашние мальчишки, ставшие землепроходцами, мореплавателями, космонавтами. Так жил писатель Кассиль, он же «Лев Швамбранович», он же Арделяр Кейс-Каршандарский, он же гимназист Леля, на всю жизнь сохранивший верность кодексу мальчишеской чести Покровской гимназии.

Вот мы и опять пришли к «Кондуиту и Швамбрании».

Нет, ничего не стану я говорить о любимой своей «Швамбрании». Все там любимое, вплоть до Длинношеего, Тараканьего Уса, Историка Э-мюэ, даже Цап-Царапыча...

Добавлю только, что один ученый открыл в небе малую планету. И назвал ее «Швамбрания».

Не из наших ли — с крыши — тот астроном?

М. МОСКВИНА

Рисунок С. СОКОЛОВА.

Продолжение. Начало в № 7

Рисунки С. ОСТРОВА.

Сказка о том, как пришла осень

Пришла, пришла к полыновцам осень.

Золотая, конечно, осень.

А ведь на земле не бывает другой осени — всегда золотая.

Полыновцы были в поле. С утра до ночи убирали они урожай, готовились к зиме. И девочки и мальчики помогали родителям: и дрова возили, и картошку копали, лен да коноплю готовили для пряжи, солили огурцы.

А в школе было пусто. Никто в школу не приходил.

Давно прошел знаменитый день 1 сентября, а уроки никак не начинались.

Татьяна Дмитриевна очень огорчалась. Ходила по дворам, уговаривала полыновцев отдать детей в школу.

— Да вот только картошку выкопаем...

— Да вот еще дров наготовим...— отвечали полыновцы.

Что было делать? Надо было ждать, и Татьяна Дмитриевна ждала.

Все-таки она уговорила кое-кого отдать детей в школу.

Особенно неохотно отдавали в школу девочек. Ведь надо было кому-то зимою пряжу прясть да полотно ткать. Занимались этим девочки. У полыновцев ведь все было свое, доморощенное, домотканое.

Татьяна Дмитриевна готовила школу к началу занятий — мыла, чистила, скребла, а помогали ей дед Игнат и Леля.

— А Мишка-то где? — спросила Татьяна Дмитриевна.— Что-то его не видно.

Дед Игнат махнул рукой.

— Что такое? Куда он девался?

— Ушел,— сказала наконец Леля.

— Куда ушел?

— В солдаты.

— Боже мой! Что такое?!

А дело было так.

Дед Игнат истопил баню, потащил туда упирающегося Мишку.

— Не хочу мыться! — кричал солдатик на всю деревню.

Но дед Игнат крепко держал его за ухо. Отмыл солдатика, отпарил.

— Я оскорблен до глубины души,— сказал Мишка.— Только на войне, в кровавой битве, я успокоюсь вечным сном.

— Не уходи, Мишка,— просила Леля.

— Хватит, надоело. Возьму-ка вот этот пустой мешок. Буду складывать в него военную добычу.

И Мишка ушел с мешком под мышкой.

Леля бежала за ним до самой околицы.

— Когда же он ушел? — спросила Татьяна Дмитриевна.

— Вчера.

Бродячего солдатика нашли на опушке леса.

Он спал, лежа на мешке. А мешок был плотно набит чем-то, а чем — неизвестно.

— Что у тебя в мешке? — спросила Татьяна Дмитриевна.

— Не могу знать,— по-солдатски ответил Мишка.— Это военная тайна.

Так они и пошли в деревню с мешком за плечами, в котором лежала военная тайна.

Листья с деревьев сыпались им под ноги, шурша-

ли под ногами. Осень пришла в Полыновку, золотая осень.

А в мешке-то у Мишки были орехи. Настоящие лесные осенние орехи. Мишка собрал их пока был на войне.

И когда начались в школе занятия, тайна военная быстро раскрылась, потому что все ученики щелкали на переменках Мишкины солдатские настоящие лесные осенние орехи.

Сказка о том, как в школе начались занятия

А занятия в школе начались уже поздней осенью, на самую на Казанскую.

Казанская — это был праздник, главный праздник полыновский в то далекое от нас время.

С утра дымили в деревне печи, пахло блинами, пирогами.

А в школе пахло мелом, поздними белыми цветами, новыми чернилами, черной доской.

Под доской сидел за столом человек с черной бородой. Это был лавочник Чернов. Борода у него была густая, глаза тяжелые. Чернова в деревне побаивались: лавочник, человек богатый. Рядом с Черновым сидел за столом и батюшка-поп, тот самый человек с трубой на голове, которому Татьяна Дмитриевна не стала целовать руку.

Руку-то она не целовала, а все равно должна была показывать батюшке уважение. Школа-то была церковноприходская. Люди, которые приходили в церковь, назывались прихожане, а дети прихожан приходили в школу. Татьяна Дмитриевна должна была подчиняться попу. И она вроде бы ему подчинялась, а в душе не подчинялась никогда.

И вот начался первый урок.

Батюшка-поп встал, и все ученики сразу встали.

— Господи помилуй! — сказал поп, да так громко, что у многих учеников поджилки задрожали.

Батюшка начал читать молитву, ученики вытаращили на него глаза и, конечно, ничего не понимали. Молитву-то он читал на церковном языке, а они-то знали свой язык — полынный.

Голос попа становился все громче, громче, и ученики совсем оробели.

К торжественному дню они все принарядились. Все были в новых домотканых штанах и рубахах, на ногах сияли новенькие лапти.

Стоял среди них и солдатик Мишка. Татьяна Дмитриевна заставила и его прийти в школу, в первый класс. Мишке тоже сшили штаны и рубаху, и дед Игнат перед началом занятий его как следует причесал.

Молитва наконец кончилась. Все вздохнули с облегчением, и батюшка-поп сказал:

— А сейчас устроим перекличку.

Он взял тетрадь, которая лежала на столе, раскрыл ее и вдруг гаркнул:

— Антошкин Иван.

Ученики снова перепугались, а больше всех перепугался Ваня Антошкин, маленький мальчик, который тоже пришел в первый класс. Он никак не ожидал, что сразу после молитвы батюшка-поп назовет его имя.

— Антошкин Иван! — снова громко повторил батюшка.

Ваня окончательно побледнел, сморщил нос и вдруг заплакал. Татьяна Дмитриевна подошла к нему и шепнула на ухо:

— Не бойся, Ванечка. Встань и скажи: я.

Но Ванечка плакал безудержно.

— Вот ведь история, — сказал батюшка лавочнику, — ревет чадо, а чего ревет?

— Напугалось чадо, батюшка, — сказал Чернов, — вот и ревет. Вы уж потише, батюшка, чадо какое-то пугливое попалось.

— Гм... чадо пугливое... Ну чего ты ревешь, чадо? Встань и скажи: я.

Ванечка встал, а сказать ничего не мог.

— Ну, — сказал батюшка, — кто тут Иван Антошкин, можешь ты ответить? Ты Иван Антошкин или я?

Ванечка на миг перестал плакать, подумал немножко, действительно, кто же тут Иван-то Антошкин и сказал наконец, ткнув себя пальцем в грудь:

— Мон.

Тут все, конечно, засмеялись. «Мон» — это было на полынном языке, а надо было отвечать на русском.

Батюшка-поп махнул рукой и продолжал перекличку.

— Киреев Ефим.

— Я.

— Несмеев Григорий.

— Я.

Наконец дело дошло до солдатика.

— Михаил,— прочел батюшка-поп, хотел было продолжить и остановился,— Михаил... Что еще такое? Михаил, а дальше пусто. Где его фамилия?

— У него нет фамилии,— сказала Татьяна Дмитриевна,— он — найденыш.

— Какой еще найденыш? Где фамилия? А ну встань, Михаил.

Мишка встал. Батюшки он особенно не напугался и поглядывал, далеко ли до окна, чтоб выпрыгнуть в крайнем случае.

— Кто ты таков, Михаил? Откуда?

— Я бродячий солдат,— ответил Мишка.

— Этого еще не хватало,— сказал батюшка,— то чадо пугливое, то солдат бродячий. Нечего ему в школе делать.

— Вот и хорошо,— сказал Мишка,— я бы и сам давно ушел на войну, да Татьяна Дмитриевна не пускает. Ну пока! Привет! Пишите письма, а я пошел.

— Сядь, Михаил, на место,— сказала Татьяна Дмитриевна.— Ты будешь учиться.

— Да он же некрещеный! — взревел батюшка.— Фамилии не имеет.

— Пусть учится,— спокойно ответила Татьяна Дмитриевна.

— Брррродячий солдат...— забурчал батюшка-поп.— Ладно, пусть сидит. Немедленно придумать ему фамилию и окрестить.

Сказка о фамилии

А Леля сидела все это время в сторожке у деда Игната. Она слышала, как плакал Ваня Антошкин и как Мишку-солдатика чуть было не выгнали из школы.

Наконец, дверь класса отворилась, и батюшка с лавочником вошли в сторожку. Дед Игнат и Леля поклонились, батюшка перекрестил их и вышел на улицу, за ним и лавочник.

Тут дед Игнат схватил колокольчик и громко зазвонил.

Подталкивая друг друга, ученики выбежали на улицу — началась переменка.

Только Ваня Антошкин на улицу не пошел, сел на скамейку рядом с Лелей. Он все еще немножко дрожал.

— Вань, Вань,— сказала Леля,— хочешь картошечки печеной?

— Угу,— потихоньку сказал Ванечка.

Леля достала ему из печки картофелину, и Ванечка всю переменку эту картофелину потихоньку жевал.

Дед Игнат снова зазвонил в колокольчик, ученики собрались в классе. Вошла в класс и Леля, села в самом дальнем уголке, у стены.

— Начнем урок,— сказала Татьяна Дмитриевна,— и начнем вот с чего. Придумаем все вместе Мише фамилию.

— Давайте, давайте,— развеселились ребята. Им, конечно, раньше никогда придумывать фамилии не приходилось.

— Назовем его Найденов,— сказала Марфуша,— он ведь нашелся, пускай будет Найденов.

— Его дед Игнат привел,— сказал Максим,— пусть будет Дедов или Игнатов.

— Ну уж нет,— сказал солдатик,— не хочу я быть Игнатовым. Он меня за ухо таскал. Да и вообще зачем мне нужна фамилия? Мне и Мишки хватит.

— Имени хватит, я согласна,— сказала Татьяна Дмитриевна,— но все-таки принято, чтоб у человека была фамилия. Сам подумай, у всех есть фамилия, а у тебя нет. Нехорошо. Хочешь, возьми мою?

— А какая у тебя фамилия? — спросил Мишка.

— Колыбина.

— Мне эта фамилия не подходит.

— Да почему же?

— Да она... какая-то не солдатская. Нет, я какой-нибудь другой буду.

Тут все стали вспоминать, какие есть в деревне фамилии, и много набралось фамилий у полынного народа: Алемаевы, Антошкины, Чекаловы, Сараевы, Несмеевы, Лапштаевы, Тулаевы, Киреевы, Кулясовы и много еще других фамилий, но ни одна из них Мишке не понравилась.

— Не знаю, что с тобой и делать,— сказала Татьяна Дмитриевна,— ничего тебе не нравится.

— Ничего,— согласился Мишка.

— Эй, Мишка,— послышался вдруг голос Лели из дальнего угла,— ты ведь орехи любишь.

— Конечно, люблю. Недавно целый мешок набрал.

— Вот и возьми себе фамилию — Орешкин.

— Орешкин? — задумался Мишка.— Вроде неплохо звучит. По-солдатски.

И все ученики согласились, что звучит неплохо. Орешкин! Здорово звучит. По-солдатски!

Так и стал Мишка-солдатик Михаилом Орешкиным.

А уже потом, через несколько дней, когда Татьяна Дмитриевна на уроке по русской истории рассказывала о великом полководце Суворове, Мишка потребовал, чтоб ему сменили фамилию и звали теперь Суворов.

— Я — Суворов! — кричал он на переменках.— А вовсе никакой не Орешкин.

А еще через несколько дней он потребовал, чтобы его звали Михаил Кутузов и нарочно прищуривал

глаз, потому что великого полководца Михаила Кутузова ранили в глаз на войне.

И ребята звали его то Суворовым, то Кутузовым, но, как ни прищуривал глаз бродячий солдатик, он все равно остался на всю жизнь Мишкой Орешкиным.

Сказка об уроке русского языка

А после того, как Мишке придумали фамилию, начались в школе серьезные уроки.

И первым был урок русского языка.

Это был, конечно, самый трудный урок для полыновских ребят, потому что некоторые не знали по-русски ни слова.

Первым делом Татьяна Дмитриевна нарисовала на доске круглую человеческую голову, с ушами, а без глаз.

— Это что такое? — спросила она.

— Пря! — закричали ребята на полынном языке.— Пря это.

— А по-русски — г о л о в а. Ну, повторим все вместе: го-ло-ва!

— Го-ло-ва! — закричали ребята теперь уже на русском языке.

Тут Татьяна Дмитриевна взяла мел и нарисовала на голове глаз.

— А это что такое?

— Сельме! — закричали ребята на своем языке.

— А по-русски — г л а з. А ну-ка повторим все вместе.

— Глаз! Глаз! Глаз! — закричали ребята на русском языке.— Ухо! Ухо! Нос! Нос!

Потом стали изучать новые слова: рука, ладонь, палец, ноготь.

И особенно трудным оказалось слово «ноготь».

— У лошади — копыто,— объясняла Татьяна Дмитриевна.— У коровы тоже — копыто, а у нас — ноготь, ногти.

Наконец, ребята запомнили и это слово.

В самом конце урока Татьяна Дмитриевна подошла к Ване Антошкину.

— Это что у тебя, Ванечка? — сказала она и ласково положила руку ему на голову.

— Голова,— прошептал Ванечка.

— Молодец, хорошо. А это что?

— Глаз.

— А это?

— Рука.

— А это что такое? — спросила Татьяна Дмитриевна и потрогала ноготь у Ванечки на руке.

Ванечка покраснел и молчал.

— Ну, вспомни, у лошади — копыто, а у человека...

— Копыт,— сказал Ванечка, и тут все ребята, конечно, засмеялись.

Дед Игнат зазвонил в колокольчик: переменка! Все побежали на улицу. Мишка-солдатик ухватил за нос Ефимку Киреева и кричал на всю деревню: «Нос! Нос! Нос!»

— Ухо! Ухо! — кричал в ответ Ефимка, стараясь ухватить солдата за ухо.

А Ванечка Антошкин сидел в сторожке у деда Игната и плакал.

— Вань, Вань,— говорила Леля,— не плачь. Тят аварьде. Понимаешь?

— Горе у меня,— сквозь слезы шептал Ванечка.— «Копыт» сказал.

— Не беда,— успокаивала его Леля.— Хочешь картошечки печеной?

Ванечка на миг перестал плакать, подумал немного и сказал:

— Угу.

Сказка о сосновой лампе

И пошли школьные дни один за другим — день за днем, урок за уроком.

Все глуше становилась осень, все ближе приближалась она к зиме. Зарядили дожди, заныли степные ветры.

А в школе дед Игнат топил с утра обе печки, было тепло, уютно. Трещали в печках дрова, скрипели перья, слышался голос Татьяны Дмитриевны.

В школе вообще-то было три класса — первый, второй и третий, а классная комната одна. И все три класса занимались в одном классе. Иногда какой-нибудь класс переселялся в сторожку к деду Игнату и занимался там, прямо у печки. Но чаще всего все

сидели в одной комнате, но путаницы на уроках не было. Пока один класс решал задачки, второй писал, а уж с третьим Татьяна Дмитриевна занималась устно.

Леле было, конечно, интересней всех, потому что она училась сразу во всех трех классах. То подсядет к ребятам, которые решают задачки, то посмотрит, кто как пишет, то послушает, о чем рассказывает мама. Незаметно училась Леля читать и писать.

Максим и Марфуша учились уже в третьем классе, хорошо знали русский язык. Они помогали Татьяне Дмитриевне. Когда учительница выходила из класса, старшими ребятами командовал Максим, а младшими Марфуша. Командовать-то они командовали, да только никто их особенно не слушал.

Все дольше длились осенние ночи, все ближе приближалась зима. Раньше осень незаметно двигалась к ней, а теперь зима сама пошла навстречу.

Вечерами загоралась в школе лампа. Это была керосиновая лампа с абажуром из тонкого стекла особого какого-то зеленого цвета — лесного цвета, соснового.

Под лампою сидела у стола Татьяна Дмитриевна, проверяла тетради, рядом с нею пристраивалась Леля, смотрела картинки в книжках, рисовала домики и коров. Дед Игнат покашливал в сторожке.

Потом вдруг хлопала на крылечке дверь — появлялась Марфуша, а за нею Максим.

Марфуша и Максим приходили первыми, а уж за ними шли и Мишка-солдатик, и Ефимко Киреев, и снова собирались в школе почти все ученики.

Они рассаживались у стола вокруг учительницы. Сосновый и лесной керосиновый свет падал на их лица — и так это было необыкновенно сидеть вечером в школе, рисовать или решать задачки.

Максим и Мишка-солдатик каждый вечер пекли в печке картошку. А вечер тянулся долго. Уже ни огонька не светило в деревне, а в школе все еще горело сосновое окно. И там за столом сидели ребята, смеялись и болтали, и дымила печеная картошка под сосновой керосиновой лампой.

— Ну вот и приехали,— ворчал дед Игнат и тоже присаживался поближе к сосновой лампе.

Печеная картошка веселила деда. Наевшись картошки, он смеялся вдруг, и дрожали его рыжие усы над прокуренной бородой. Молчаливый обычно дед начинал бурчать себе под нос, и из бурчанья этого сама собой появлялась сказка. Сказки у него были особенные, все больше про волков.

Много времени прошло с тех пор, и нет на свете деда Игната. А я еще есть. Вот слушайте сказку деда Игната, как я вам ее расскажу.

Сказка деда Игната про волка Евстифейку

Жили-были в полынных степях старик со старухой.

И были у них кошечка-судомоечка, собачка-пустолаечка, овечка-тихоня и Басуля-коровушка.

А рядом с ним жил в овраге Евстифейко-волк. И этот Евстифейко большой разбойник был.

И вот настала зима, снег выпал, ударил мороз. Нечего стало Евстифейке есть. Вот приходит он к старику и говорит:

— Здорово, старик.

— Здравствуй, Евстифейко-волк.

— Ты, старик, отдай мне старуху, я ее съем.

— Вот еще чего выдумал. Мне старуху жалко.

— Тогда давай чего другое, а то у меня в животе бурчит.

Пристал Евстифейко, никак от него не открутишься. Делать нечего, отдал старик кошечку-судомоечку.

Проглотил ее Евстифейко — опять к старику прибегает.

— Давай старуху — в животе бурчит.

Не хочется старику старуху отдавать — отдал собачку-пустолаечку.

Но Евстифейке и этого мало.

— Давай,— говорит,— старуху.

— Да что ты привязался? — старик говорит.— Не отдам.

— Давай и все.— Такой этот Евстифейко упорный оказался.

Нечего делать старику — пришлось овечку-тихоню отдать.

Проглотил Евстифейко тихоню, опять прибегает.

— В животе играет,— говорит,— надо старуху.

— Дудки,— старик сказал,— не отдам бабку.

— Дак в животе играет.

— Поиграет и перестанет,— старик говорит.

Ушел Евстифейко, но после скоро назад прибежал.

— Не перестает,— говорит.— Играет. Старуху надо.

Жалко старику старуху, не хочется отдавать. Отдал Басулю-коровушку. А корова-то здоровенная была да бодливая.

— Надеюсь, подавится,— думает старик.

Но Евстифейко и коровушку проглотил. И два дня он — это верно — не приходил к старику, а тут опять заявляется. Идет, кой-как лапы переставляет, еле брюхо по земле волочит.

— Здорово,— говорит,— старик,

— Здравствуй, Евстифейко-волк.

— Да, вот они какие дела-то,— Евстифейко говорит,— с животом-то.

— А чего такое-то? — старик говорит, будто не понимает.

— Играет живот. Старуху надо.

Прислушивается старик — и верно играет живот. И собачка там лает, и кошка мяучит, и корова мычит. Только овечки-тихони не слышно. Непонятно, в животе овечка или еще где?

— Так ты чего? — старик говорит.— Старуху, что ли, хочешь?

— Ну да,— Евстифейко объясняет.— Давай бабку, я ее съем.

— Не надо бабку,— старик говорит.— Она костлявая. Меня глотай.

— С удовольствием,— Евстифейко говорит.— Проглочу. Я вообще-то давно хотел тебя проглотить, да только неловко говорить было. Поэтому я про бабку и намекал.

— Глотай меня, Евстифейко,— старик говорит.— Только скажи, где овечка-тихоня?

— Овечка-то? Так она у меня в брюхе.

— Ну глотай,— старик говорит волку.— Разевай пасть.

Вот Евстифейко разинул рот, старик разбежался и прыгнул. И Евстифейко его проглотил.

И вот очутился старик у волка в брюхе. Огляделся.

— А здесь ничего,— говорит,— неплохо. Темновато, правда, но уютно.

Пошел старик по волчьему брюху бродить. Бродил, бродил, смотрит — кошечка-судомоечка сидит.

— Здорово, кошка,— старик говорит.

— Здравствуйте, батюшка.

— Ну как ты тут?

— Да так,— кошка отвечает,— тускло.

— Знаешь чего,— старик говорит,— давай будем переворот делать.

— Какой,— кошка говорит,— переворот?

— А такой — перевернем весь живот волчий.

— Лады,— кошка говорит.

Ударили они по рукам и стали переворот делать. Скачут по волчьему брюху, старик кричит, а кошка мяучит. Скоро к ним и другие проглоченные прибежали — и собачка-пустолаечка, и Басуля-коровушка, и овечка-тихоня нашлась где-то в животных закоулках. Скачут да мычат — переворот делают.

— Бодай, Басуля,— старик кричит,— волчий живот.

Басуля разбежалась и давай рогом живот бодать.

Евстифейко-то волк говорит:

— Вы чего там в животе делаете? Переворот, что ли?

— Чего надо, то и делаем,— корова говорит.— Брюхо твое пробадываем, дурак!

Грубая все-таки корова попалась.

— Бросьте вы эти штуки,— Евстифейко говорит.— Сидите спокойно.

— Не могим,— овечка-то тихоня вдруг говорит,— не могим, Евстифейко, спокойно мы сидеть. Потому что ты, Евстифейко, неправильно себя ведешь.

Прободали они волчий живот и выбрались все на волю.

А уж старуха стоит, их поджидает. Стали они бабку целовать.

А Евстифейко-то волк рядом ходит.

— Дайте,— говорит,— хоть ниток-то суровых, брюхо зашить.

Ну дали ему суровых ниток, зашил он брюхо и укатился в овраги.

Сказка о праздничных стихах

Что-то глухо стукнуло в окно, и Леля проснулась.

Она открыла глаза и не сразу поняла, что произошло.

В комнате было светло-светло. Странно, огромно и празднично.

Она подбежала к окну и сразу увидела: снег! Снег выпал! Снег!

Под окном стоял Мишка-солдатик и лепил снежок. Прицелился, кинул и ловко попал, не в стекло, а в оконную раму. Вот, оказывается, какой глухой стук разбудил Лелю.

— Ну погоди, Мишка! — крикнула Леля через стекло и, даже не умывшись, побежала на улицу. Она выскочила на крыльцо, слепила снежок и кинула Мишке прямо в лоб, да попала в деда Игната. Слепила было второй, но не успела долепить, как дед Игнат зазвонил в колокольчик — пора, пора, пора! Пора на урок!

И у колокольчика школьного был сегодня какой-то особенный, снежный и праздничный звонок.

Выпал, выпал, выпал снег — и преобразилась деревня Полыновка, исчезли под снегом засохшие, пожухлые травы, светлыми стали темные соломенные крыши, а из труб валил новый дым — снежный, зимний.

— Ну, ребята,— сказала Татьяна Дмитриевна,— сегодня у нас настоящий праздник! Выпал первый снег! Будем праздновать!

— Как праздновать? Как, Татьяна Дмитриевна? Блины, что ли, печь?

— Или пироги со снегом?

— Блины потом,— улыбнулась учительница,— и пироги потом. Первым делом будем читать праздничные стихи. На празднике обязательно надо читать стихи.

Ребята примолкли. Они, конечно, не знали, что на празднике надо читать стихи.

Татьяна Дмитриевна достала книжку и стала читать:

Зима! Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь.
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь.

И пока читала Татьяна Дмитриевна, в классе было тихо-тихо, а за окном белым-бело.

Ребята, конечно, поняли, что стихи эти особенные, действительно праздничные. Они поняли и почти все слова — и «зима», и «крестьянин», и «лошадка». Поняли они, что «дровни» — это сани, на которых возят дрова. Но три слова они не поняли: «торжествуя», «почуя» и «обновляет».

И Татьяна Дмитриевна стала объяснять.

— Торжествует — значит радуется. Снег выпал. Теперь он не будет на телеге грязь месить, на санках-то куда приятней катиться по снегу. Вот и мы сегодня радуемся, торжествуем, потому что в природе произошло великое дело — выпал снег! Ясно?

— Ясно! Ясно!

— Татьяна Дмитриевна! Давай торжествовать! — закричал солдатик.

— Давай! Давай! — подхватили все, и тут поднялся в классе крик и гвалт, кто размахивал руками, кто пел, а кто кричал, в общем, все торжествовали, как умели. А Татьяна Дмитриевна смотрела на это торжество и смеялась.

— Ну ладно, хватит торжествовать,— сказала она наконец.— Разберем теперь другие слова. «Его лошадка, снег почуя...» Так вот, лошадка почувствовала снег, почуяла, вдохнула снежный запах. Понимаете?

— Понимаем, понимаем! — закричали ребята.

— А ты, Ванечка, понял или нет?

— Понял,— тихо сказал Ванечка.

— А что ты понял?

— Лошадку.

— А еще чего понял?

— Я лошадку понял.

— А как ты понял-то?

— А так,— сказал Ванечка.— Лошадка вышла из сарая и увидела снег и сделала вот так.— И тут Ванечка сморщил свой нос и стал нюхать парту.

Тут все, конечно, засмеялись, как Ванечка понял лошадку, и особенно было смешно, как он парту нюхает.

А Ванечка сморщил нос и только хотел было заплакать, но Татьяна Дмитриевна сказала:

— Ребята, скорей, скорей, посмотрите в окно.

И все кинулись к окну, а Ванечка подумал: потом поплачу,— и тоже побежал к окну.

А там за окном ехал на санях к школе дед Игнат. Он помахивал кнутом, а на санях, на дровнях, лежали дрова, и лошадка рысью плелась как-нибудь, а путь, по которому подъезжал к школе дед Игнат, и вправду обновлялся: первые санные следы ложились на первый снег.

И все было в точности так, как читала стихи учительница, только особенного торжества не было видно на лице деда Игната.

Лошадь стала, дед Игнат слез с саней, развязывая веревку, обхватившую дрова, бормотал что-то. Через стекло не было слышно, что он бормотал, но все ребята знали:

— Ну вот и приехали.

Сказка о снежных часах

А к большой переменке выглянуло вдруг солнце из снежных облаков, ослепительно засияла пришкольная поляна, та самая поляна, на которой весной было много одуванчиков.

— А теперь все пойдем на улицу,— сказала Татьяна Дмитриевна.— Будем делать снежные часы.

— Как так?! Какие часы?

— А так,— улыбнулась учительница.— У каждого из нас будут свои часы.

Ребята побежали на улицу, а за ними и Леля. Снежные часы, да что же это такое?

В школе, конечно, были большие стенные часы, которые Леля когда-то давно за нос хватала. Были еще часы у батюшки-попа и у мельника Аношкина. А больше в деревне ни у кого часов не было. И вдруг —снежные часы! Да что же это такое?

Ребята думали, что они сейчас начнут лепить часы из снега — стрелки, цифры, маятник, но все получилось по-другому.

Татьяна Дмитриевна взяла большой школьный циркуль и на ровной снежной поверхности начертила круг.

В центр его она воткнула палку, и тут же синяя солнечная тень от палки упала на снег.

— Эта тень и будет стрелкой,— сказала Татьяна Дмитриевна.— Она покажет, который час. А теперь нарисуем на снегу и циферблат.

— Понял я лошадку,— шептал Ванечка,— понял.

Они вышли на улицу, и тут подошла к ним Татьяна Дмитриевна.

— Татьяна Дмитриевна,— сказал Ванечка,— я лошадку-то понял.

— Лошадку-то ты понял, а где твои часы?

Ванечка не успел сделать часы, и ясно было, что он сейчас снова заплачет.

— Вот его часы, мама,— сказала Леля и подвела мать к своим собственным снежным часам.

— Хорошие часы,— сказала мама,— молодец, Ванечка.

И она ушла в школу.

И тут Леля увидела, что Ванечка сморщил нос и сейчас заплачет пуще прежнего.

— Это не мои часы,— сказал он.— Это ты их

Школьной указкой провела она от палки, стоящей посреди круга, тоненькие линии. Линии эти разделили круг, и в каждом делении написала учительница цифру. И синяя стрелка-тень попала на цифру «10».

И ребята побежали в школу поглядеть на стенные часы — точно, десять!

Все, конечно, пришли в восторг. Снежные часы! Как здорово! Стали тут же выстругивать палочки покрасивей, расчерчивать снег циркулем, а кое-кто даже вылепил из снега и цифры.

— Татьяна Дмитриевна, посмотри мои часы! — кричал солдатик.

— Мои, мои посмотри!

Огромное количество снежных часов рассыпалось по поляне, и все они показывали одно и то же время — десять часов утра.

Самые красивые часы получились у Максима. Палочку, которая стояла в середине, он застругал ножом, как часовую стрелку, и тень получилась необыкновенной — как синее копье лежал на снегу этот след солнца.

Леля тоже сделала свои часы и долго ждала, когда же мама подойдет, посмотрит. Но мама долго не подходила — под огромным небом на огромной поляне вела она урок. И, как часовые, стояли ученики рядом со своими часами. И Леля стояла рядом со своими часами и радовалась, что у нее есть теперь часы и сделала она их сама.

Вдруг она заметила, что среди ребят не видно Вани Антошкина. Не дождавшись мамы, она побежала в школу. Так точно: Ваня сидел в сторожке, в уголке, и плакал.

— Они смеются,— сквозь слезы сказал он,— а я лошадку понял.

— Пойдем скорей на улицу. Все ребята сделали свои часы, а ты еще нет. Пойдем.

Леля схватила его за руку и потащила на крыльцо.

сделала. Сейчас буду реветь. У всех есть часы, а у меня нет.

— Да ведь я подарила тебе часы. Они твои теперь.

— А ты-то как же? Без часов?

— А я буду по школьным смотреть.

И Ванечка протер глаза. С удивлением смотрел он на снежные часы, которые ему подарили.

Сказка о метельном празднике

Снега заносили полынную степь.

За снегами явились морозы. Трескучие да скрипучие, ветреные морозы.

Зимние вечера в Полыновке были еще глубже, еще дольше осенних, и каждый вечер загоралась в окнах школы зеленая сосновая лампа, и удивительно было среди темных и синих зимних ночей видеть в окошке такой теплый и летний свет.

Как-то в субботний вечер разыгралась метель, и дед Игнат каждые полчаса забирался на колокольню, бил в колокол, чтобы не сбился с дороги случайный путник, не погиб, не замерз в полынной степи.

У сосновой лампы собралось сегодня не так много народу, но были Марфуша и Максим, Татьяна Дмитриевна и Леля.

Зажгли вторую керосиновую лампу, подвесили под потолком — еще теплей и светлей стало в доме.

Вдруг под окнами зафыркала лошадь, послышался скрип полозьев.

Дверь распахнулась, и в комнату влетели снежинки, а за ними — две девушки.

Не успел дед Игнат и слова сказать, как девушки обхватили его, весело закружили деда по сторожке.

В длинных юбках, в меховых шубейках, в белых платках, разрумяненные метелью, веселые — это были две любимые племянницы Татьяны Дмитриевны, Дуня и Ольга.

Дуня — темноволосая.

Ольга — русоголовая.

Бросив деда, подхватили они Лелю, закружили по комнате.

— Ах, милая, любимая, хорошая моя! — припевала Дуня.

— Ну хватит, девочки, хватит,—улыбалась Татьяна Дмитриевна.— Скорей раздевайтесь да попьем чайку. Самовар давно кипит.

— Э нет, чай потом. Вначале — пельмени! — сказала Ольга и развернула полотенце. А в полотенце завернуты были, как будто маленькие костяные раковины, морозные пельмени.

Девушки привезли с собой пельмени. Для веселья.

И правда, странное морозное веселье охватило Лелю. В доме вдруг начался праздник. Праздник оттого, что приехали дорогие гости, что на улице метель, а они все, близкие люди, сидят в теплом доме, и им светят сразу две керосиновые лампы.

Это был метельный праздник, праздник теплого дома в злую погоду.

Скоро задымили на столе парком пельмени. Необыкновенные!

Пельмени да метель, да у сосновой лампы! Лучшего на свете не бывает. Так думала Леля, и она была права.

А после пельменей Дуня ушла в сторожку и принесла оттуда какое-то существо, завернутое в одеяло.

— Кто там у тебя? — спросила Леля.

Ей показалось, в одеяле кто-то шевелится. Вроде даже маленький ребенок, только какой-то особенный ребенок. Сейчас вот вылезет да как закричит!

Дуня развернула одеяло, и какое-то странное существо с длинной коричневой и блестящей шеей показалось оттуда.

— Кто это?

По коричневой шейке тянулись к треугольному телу тонкие золотые жилки. Дуня тронула жилку пальцем, и звякнуло что-то, послышался тоненький звук.

Дуня дернула другую жилку, и существо вдруг задергалось, запело, заговорило в ее руках:

Трень-трень, брень-брень,
Тинь-тинь, тень-тень.
Во саду ли в огороде
Лялечка гуляла,

— запела Дуня.

А Леля все никак не могла понять, что же это за существо: живое оно или нарочно сделанное?

— Кто это? — снова спросила Леля.

— Это балалайка.

— Ба-ла...?

— Балалайка.

— Она... живая? Сама родится?

— Нет, это музыкальный инструмент. Его сделали люди, чтоб помогал им песни петь.

— А почему же она в одеяле? Будто ребенок?

— Чтоб не простудилась за долгую дорогу в метельной степи.

И Леля поняла, что балалайка сделана из дерева, и, оказывается, дерево тоже может простудиться. И она пожалела те деревья, что стоят сейчас в лесу под морозом. И захотела завернуть все деревья в одеяла, да только где же взять столько одеял? И тут Леля решила, что, когда она вырастет, она научится прясть и ткать и станет шить одеяла для людей и деревьев. И прошло еще много лет, пока она поняла, что лучшее одеяло для дерева — снег.

А Дуня пела и играла, и Ольга русоголовая подпевала ей, и Марфуша подхватывала. И много они спели песен. А уж в самом конце запели они полынную песню:

Протянулась дороженька длинная,
А над степью небесная синь.
Наша горькая доля полынная,
Наша горькая воля — полынь.

А Леля уже спала, ей снился лес, закутанный в одеяла, и так забавно выглядывали из этих лоскутных и клетчатых одеял головки сосен и елок.

На одну лишь секунду проснулась Леля и услышала, что мама шепчется с Дуней. И Дуня шепнула маме:

— Появились волчки...

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Встречи в Иркутске

В этом году в восьмой раз разыгрывались финальные соревнования команд дворцов пионеров, оспаривающих почетные призы ЦК ВЛКСМ и газеты «Комсомольская правда». А им предшествовали турниры юных любителей шахмат, проведенные по всей стране. Более 800 команд оспаривали право выступать в финале, который проходил в Иркутске.

В финале выступали команды Москвы, Баку, Харькова, Свердловска, Челябинска и «хозяев поля» — юных шахматистов Иркутска. Трудным был путь к решающим поединкам. Так, в Свердловской области около 5000 ребят участвовали в отборочных встречах. В областном первенстве победила команда Свердловска, вторыми были шахматисты Нижнего Тагила. Это был первый шаг к финалу. Успешно пройдя и другие этапы спортивного отбора, свердловские пионеры завоевали путевки в Иркутск. Лидеры этой команды — способные кандидаты в мастера Юлия Демина и Миша Улыбин. Все остальные участники — перворазрядники.

Необычна формула заключительных соревнований — команды возглавляют гроссмейстеры — бывшие воспитанники своих дворцов пионеров. Гроссмейстеры дают сеансы одновременной игры с часами участникам всех команд, кроме своей. Победитель финала определяется по сумме очков, набранных гроссмейстером и его командой.

С командой Бакинского Дворца пионеров в Иркутск приехал претендент на звание чемпиона мира Гарри Каспаров. Десять лет назад он сам входил в состав пионерской команды столицы Азербайджана.

Первое место в иркутском турнире сильнейших заняла команда Московского Дворца пионеров, которую возглавлял гроссмейстер А. Юсупов.

«Белая ладья» в пути

Трудно даже сосчитать, сколько участников собрали турниры команд пионерских дружин. Во всяком случае, ребят, оспаривающих первенство клуба ЦК ВЛКСМ «Белая ладья» и призы нашего журнала, было более миллиона!

Цифра внушительная. Турниров было очень много, проходили они организованно и четко. Сотни любителей шахмат привлекли они в Ленинградской области. В командном зачете победу завоевала команда пионерской дружины № 5 города Сосновый Бор. В этом городе-парке, раскинувшемся на берегу Финского залива, хорошо организована тренировка юных шахматистов. Интересно, что в команде школы № 5 все участники — Дима Вороновский, Вова Пряников, Коля Смоляк, Вова Исаков, Яна Тарум — имеют первый спортивный разряд.

А в личном зачете победил ученик 5-го класса из города Луга Слава Кузьмин. Слава стал чемпионом Ленинградской области среди мальчиков.

Финальный турнир клуба «Белая ладья» проходил в грузинском городе Самтредиа.

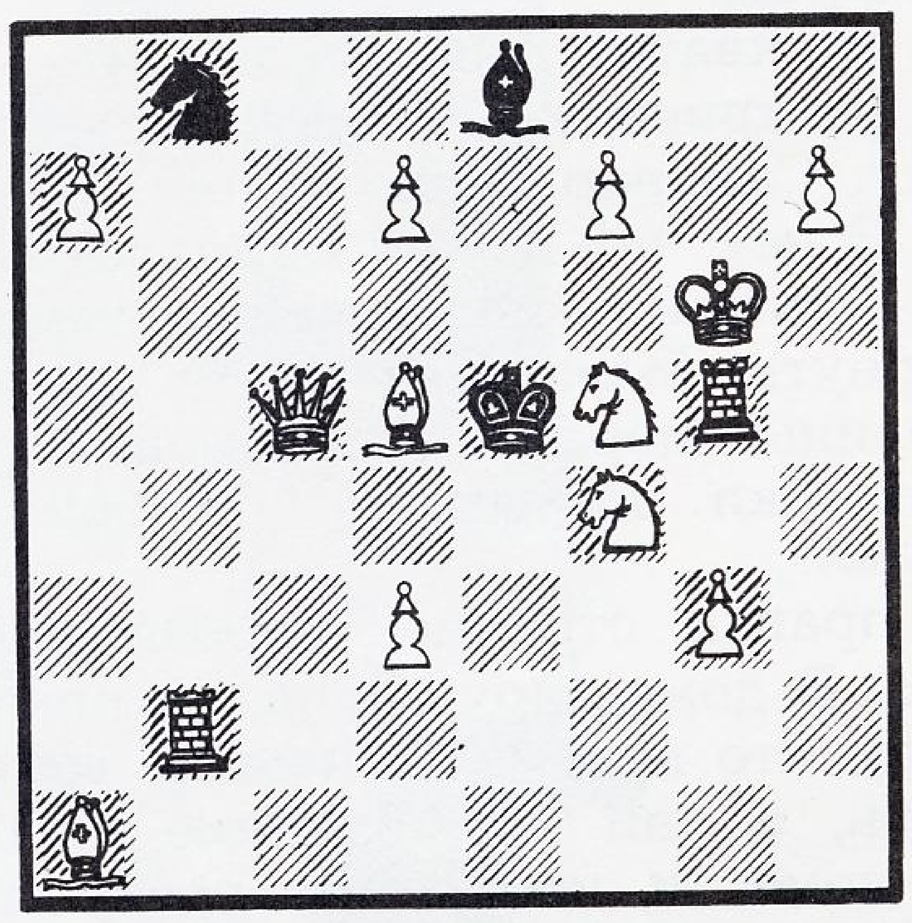
Пионерская шахматная школа

«Почаще надо вести уроки в этой школе», — пишут нам **Витя Ковалев** (г. Золочев, Львовской обл.), **Лена Федосюк** (г. Калинин) и другие ребята. Мы учтем это пожелание, а сегодня вновь рассказываем о правиле рокировки.

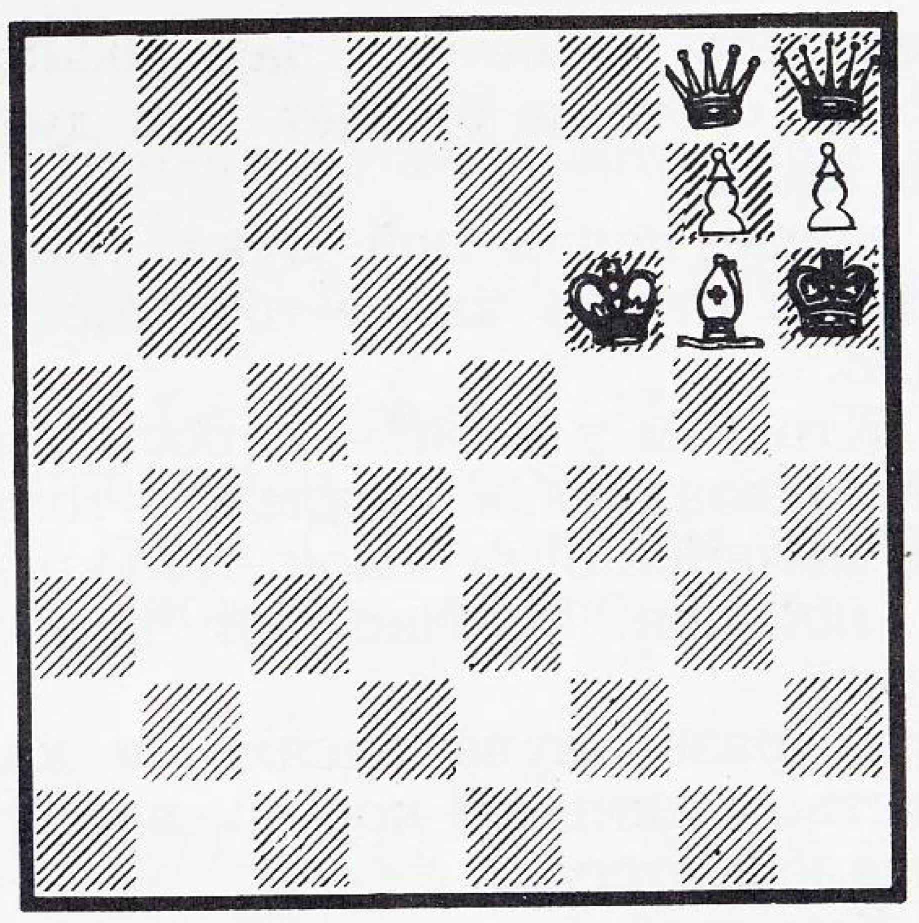
Рокировка — одновременное движение короля и ладьи. Она может быть проведена только один раз в течение партии, при том обязательном условии, что и король и ладья не двигались со своих первоначальных позиций. Рокировка невозможна также, если король находится под шахом или если в результате рокировки попадает под шах.

Нельзя также рокировать, если поле, через которое должен пройти король, атаковано фигурой противника. Правило рокировки впервые было введено в Италии в конце XV века.

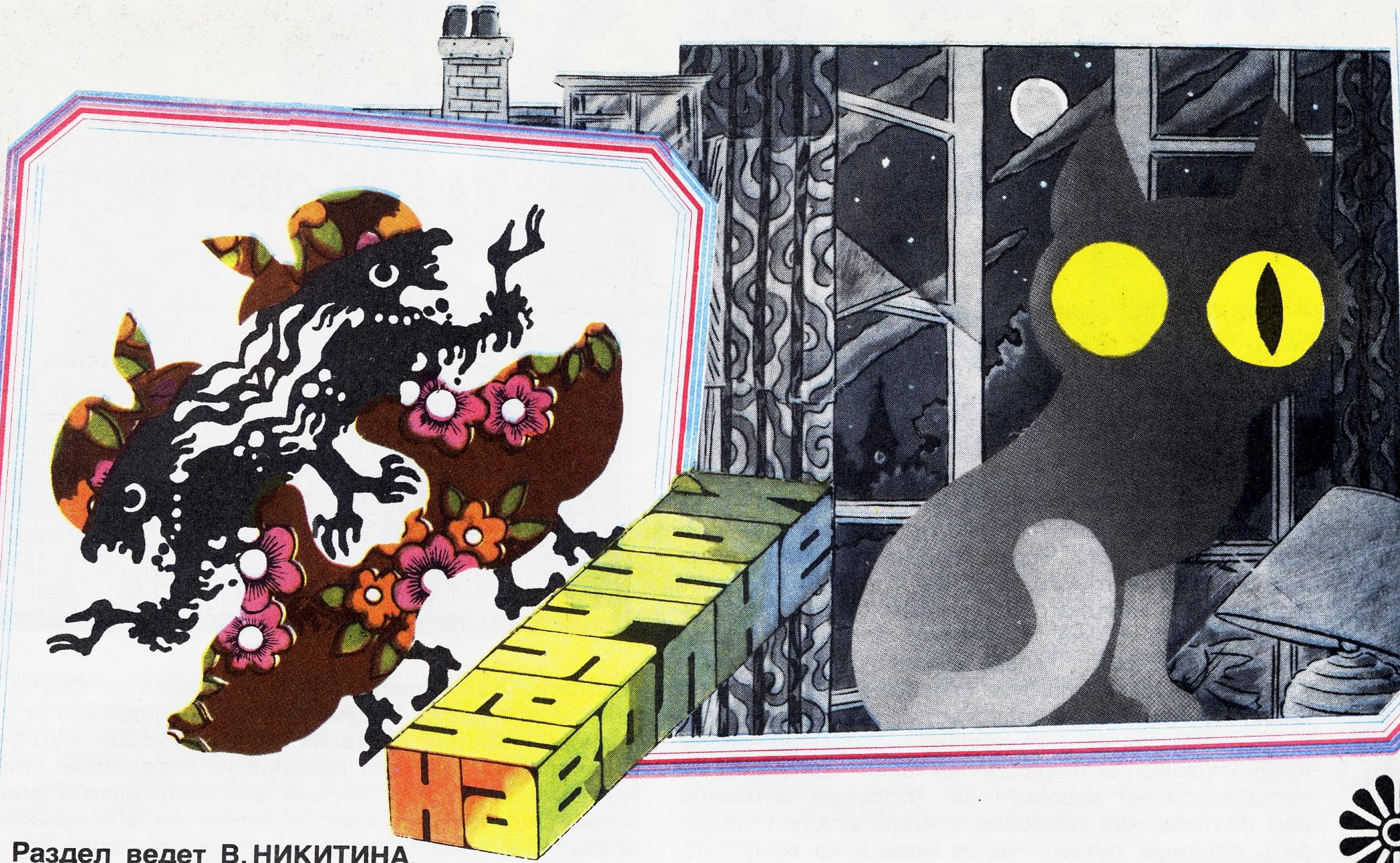
А теперь задание для занимающихся в нашей школе.



Сколькими способами здесь черные могут дать мат в один ход?



Найдите, как в этом положении белые дают мат в два хода. Игру, как обычно в задачах и этюдах, начинают белые.



Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

зачем почему?

КЛЯКСА — ГАДАЛКА

Когда цыганки гадают, говорят они правду или нет?

Елена ЖУК, 11 лет, станица Гостачевская, Краснодарский край.

Чтобы научиться гадать, вовсе не надо быть цыганкой. Возьми лист бумаги, капни на него немного чернил, сложи вдвое (конечно, чернилами внутрь), а потом расправь и покажи получившуюся кляксу своим друзьям. Попроси их рассказать, что они видят, и ты убедишься, что все люди находят в бессмысленном чернильном пятне вполне определенные, но совершенно разные образы: например, один решит, что клякса похожа на собаку, а другой, что на цветок. Психологи установили, что в таких случаях люди видят то, что их больше всего волнует: скажем, у одного пропал четвероногий приятель, а другой мечтает съездить за город отдохнуть...

Гадая, цыганка говорит всем людям одни и те же слова, складывая их в почти бессмысленные фразы. Но каждый человек находит в этих словесных «кляксах» именно то, что его в данный момент больше всего волнует. И потом ему кажется, что цыганка проявила при гадании необычайную проницательность, граничащую с чудом.

А в действительности не цыганка говорит правду, а сами себе говорят правду люди, которые внимательно слушают гадание.

М. БАТАРЦЕВ

КОШАЧИЙ ГЛАЗ

Почему у кошек в темноте светятся глаза?

Диляра САФИУЛЛИНА, 6-й класс, г. Лениногорск, Татарская АССР.

Положим, глаза светятся не только у кошки, и у лошади, собаки, овцы, кролика и даже у некоторых рыб. Но давай поговорим о кошке, потому что она тут вот, рядом, и можно сколько угодно заглядывать в ее глаза.

Кошка — животное по преимуществу ночное, и поэтому природа наделила ее способностью видеть в темноте. Ей нужно раз в шесть меньше света, чем нам с вами, чтобы различить какой-то предмет. Ночью зрачки нашей Мурки раскрыты необычайно широко, днем же они узенькие щелки. Зачем кошке такие глаза-жалюзи? — спросите вы. А вот зачем. В темноте широко раскрытый зрачок пропускает больше лучей, а днем и узких щелок хватит, благо света предостаточно.

Тайна сияния кошкиных глаз проста до удивления. На самом деле это отраженный свет, точнее, направленно отраженный, подобный свету фары велосипеда. Лучи попадают внутри глаза кошки на некое подобие зеркала, это зеркало — тонкий слой серебристых кристалликов. Кристаллики так усиливают отражение, что зеленый кошачий глаз виден издалека, даже на расстоянии 80 метров.

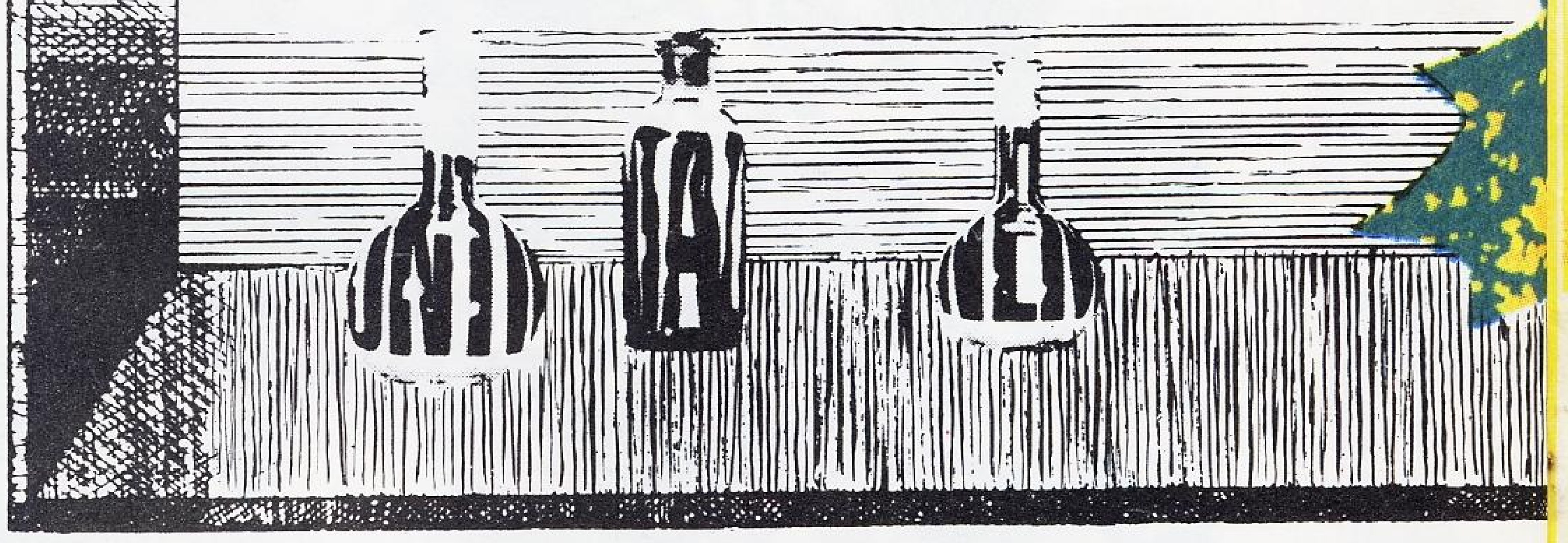
Пучок отраженных лучей возвращается практически по тому же пути, по которому он проник в глаз. Поэтому, если хотите полюбоваться этим удивительным свечением, надо постараться, чтобы ваши глаза и кошачьи находились на одной прямой.

Кстати, зеленый свет из глаз — это уж чисто кошачья привилегия. У собак, например, глаза светятся красным. Интересно, каким цветом светились бы наши с вами глаза, если бы человек был наделен таким же удивительным свойством?

Н. ПИПКО

Домашняя лаборатория

ФОТОГРАФИЯ НА КЛЕНОВОМ ЛИСТЕ

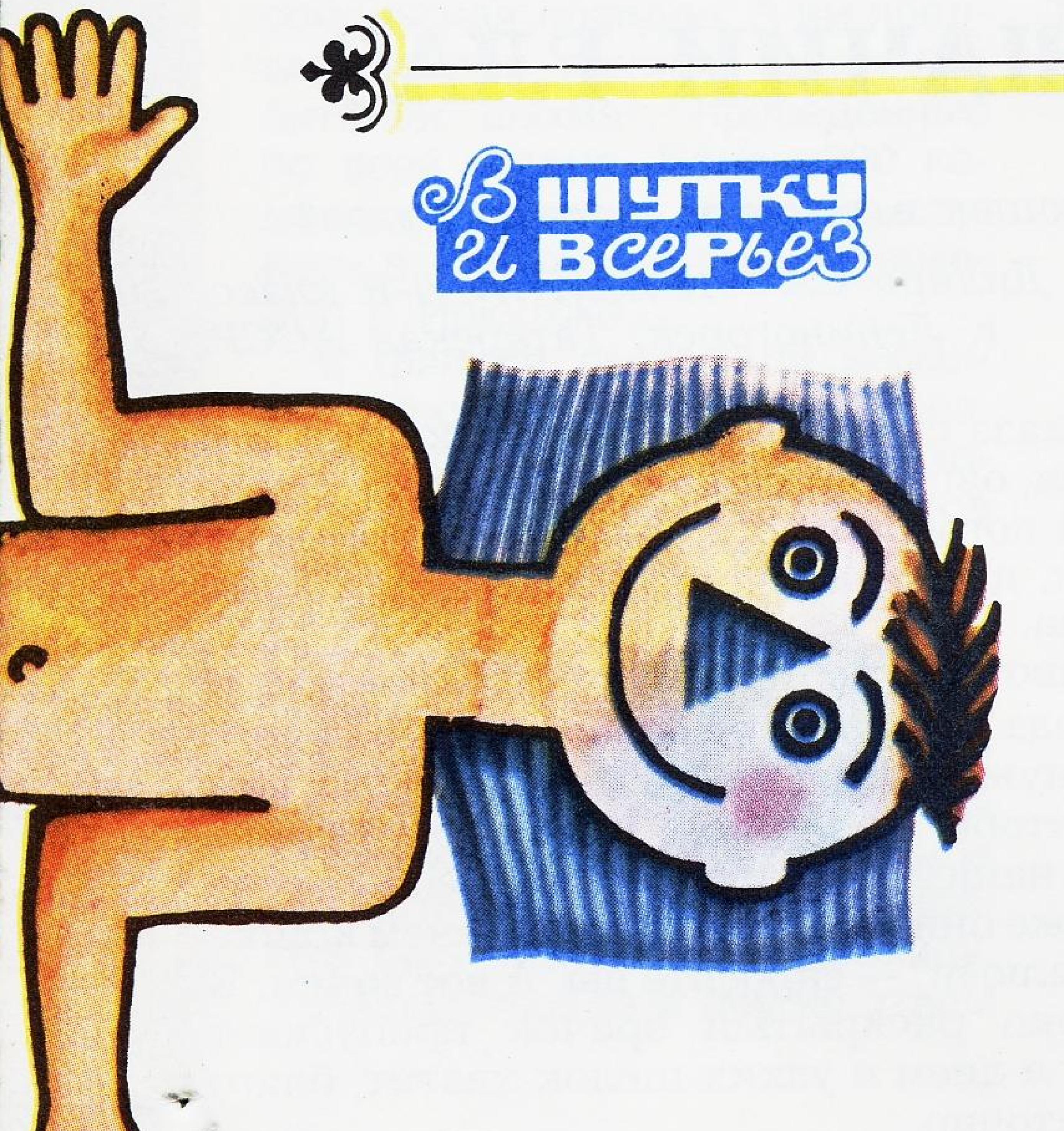


Хотел бы ты сделать фотографию на кленовом листе? Если да, то принимайся за дело. Изготовить ее достаточно просто. Для этого понадобятся негатив, то есть интересующий тебя кадр уже проявленной фотопленки, «Тройной одеколон» и аптечная йодная настойка.

Выбери недалеко от дома дерево с большими листьями, например, клен. В яркий солнечный день осторожно прикрепи негатив к зеленому, хорошо освещенному листу. Через несколько часов выдержки на солнце отколи негатив, сорви этот лист и положи его в тарелку с одеколоном. Спирт, содержащийся в одеколоне, растворит зеленый пигмент листа — хлорофилл. Теперь можно фотографию проявлять. Аккуратно погрузи обесцвеченный листок в ванночку с раствором йода в воде. Жидкость должна накрыть будущую фотографию небольшим слоем. Концентрацию раствора сделай такой, чтобы цвет его напоминал цвет крепкого чая. (Впрочем, оптимальное соотношение настойки и воды следует подбирать опытным путем). Через несколько минут, когда фотография проявится, ее следует промыть и высушить. Как видишь, операции довольно просты.

А теперь давай подумаем, что же произошло с кленовым листом. Растения питаются водой и углекислым газом. Из этих простейших соединений они синтезируют в своих листьях все необходимые для жизни сложные органические вещества, в основном крахмал, и выделяют в атмосферу кислород. Этот процесс, называемый фотосинтезом, происходит в

В шутку и всерьез



Каникулы — до ноября!

Денек выдался солнечный, учеба давно кончилась, трудовая практика тоже — пойду-ка я на речку...

Раз искупался, другой. Перед третьим надо хорошенько погреться в тихом месте, где ветерок не достает. Славно! За листвой меня никто не найдет, в кустах весело трещат какие-то птицы — мы таких не проходили, как они там называются? Даже на велосипеде гонять неохота. А уж всевозможные науки вылетели из головы начисто. Так бы и лежать здесь, у речки, до самой зимы. Одна беда: каникул не хватит.

Лежу я этак и соображаю: каникулам-то по справедливости до января следует длиться. Ведь Новый год не так давно на январь передвинули, трех веков не прошло. А до того год начинался в России с сентября. И учеба начиналась с Нового года. Раз Новый год перенесли, то и учебу тоже надо бы... Пусть с января начинается. Эта идея показалась мне занятной. Переворачиваюсь на живот, продолжаю соображать. Не пойдет дело: если начало занятий так сильно отодвинуть, так ведь каникулам-то и начинаться еще рано. Что же, в школу сейчас бежать?

Нет, это мне решительно не подходит.

Поворачиваюсь на бок (спину напекло) — и сами собой лезут в голову разные сведения, на отдыхе совершенно неуместные, откуда только взялись?

Сейчас на дворе август, мне же являться на учебу положено в сентябре, точнее (так в дневнике написано), I. IX. сего года.

Тут мне припомнились картинки, которые показывал учитель географии Сергей Иванович, он нам рассказывает много такого, чего нет в учебнике. На картинках была наша Земля, да показано ее вращение вокруг Солнца. Вертится она, значит, вокруг теплого светила и в то же время сама вокруг себя, будто ее вроде меня припекает. Только терпения у планеты побольше, полный оборот она делает за целые сутки. И так эта механика неловко устроена, что в оборот вокруг Солнца — год — никак не укладывается целое число дней.

В одну и ту же точку орбиты Земля попадает один раз, глядя на солнышко Владивостоком, другой раз — Москвой, третий — и вовсе океанским простором. И мучаются с этим люди с самого каменного века: как ни кумекай, а получается, что в году 365 суток с четвертью. Только и добились за тысячи лет — вычислили эту самую четверть с точностью до секундочки. Ну, а календарь перекраивали десятки раз. То месяцы придумывали дополнительные, то дни — лишь бы ответ подогнать под условие. Совсем как мы в школе...

Теперь уж остановились на

зеленых листьях растений под действием энергии солнечных лучей, поглощаемых хлорофиллом. Без солнца фотосинтез невозможен, вот почему в тени, без света, растения чахнут, плохо развиваются.

Итак, солнечные лучи, падающие на лист, поглощаются хлорофиллом, и начинается фотосинтез — производство крахмала. Причем на более освещенных участках листка синтез идет более интенсивно, и крахмала накапливается больше. Если же на лист наложить негатив, то темные части пленки искусственно затемнят некоторые участки листа, и здесь, конечно, крахмала будет накапливаться меньше. Достаточно нескольких часов выдержки на солнце, чтобы разница в содержании крахмала стала заметной.

Почему же фотография проявляется в йоде? Дело в том, что йод окрашивает крахмал в интенсивный темно-синий цвет. Поэтому светлые участки негатива на кленовом листке превращаются в темные, и наоборот, как на настоящей фотографии.

С первого раза фотография может и не получиться. Надо хорошо подобрать условия: выдержку на свету, в одеколоне и йоде. Ведь они зависят от освещения и породы дерева. Так что у тебя есть возможность поэкспериментировать. Но не следует очень уж увлекаться, ограничься одной-двумя фотографиями. Во-первых, по качеству они, конечно, хуже обычных отпечатков, а во-вторых, дереву листья ведь тоже нужны.

Л. ВИКТОРОВА

обычае: каждый четвертый год — високосный, на день длиннее остальных. Но и при такой системе за сколько-то веков лишний день набегает. Куда его пристроить?

Может, к каникулам пристегнуть?

Оно бы, пожалуй, не помешало. Но только кому же достанутся эти удлиненные каникулы? Разве что моему праправнуку. Нет, такой вариант мне не подходит: солнышко-то сегодня светит.

И тут я припомнил самое интересное из того, что рассказывал Сергей Иванович. Древние римляне Новый год праздновали в марте — мы этот месяц до сих пор называем именем их бога войны, связанного будто бы чем-то с красной планетой Марс. И названия других месяцев у нас сохранились римские.

Сентябрь...

Это слово переводится очень просто: седьмой, так по римскому счету выходило. Но позвольте, у меня-то в документе римскими цифрами обозначено: приступить к занятиям I. IX. То есть не в седьмом месяце, а в девятом. Девятый же — и по римскому счету, и по сохранившемуся в нашем языке названию — это вовсе не сентябрь, а ноябрь.

Когда же, выходит, мне в школу являться?

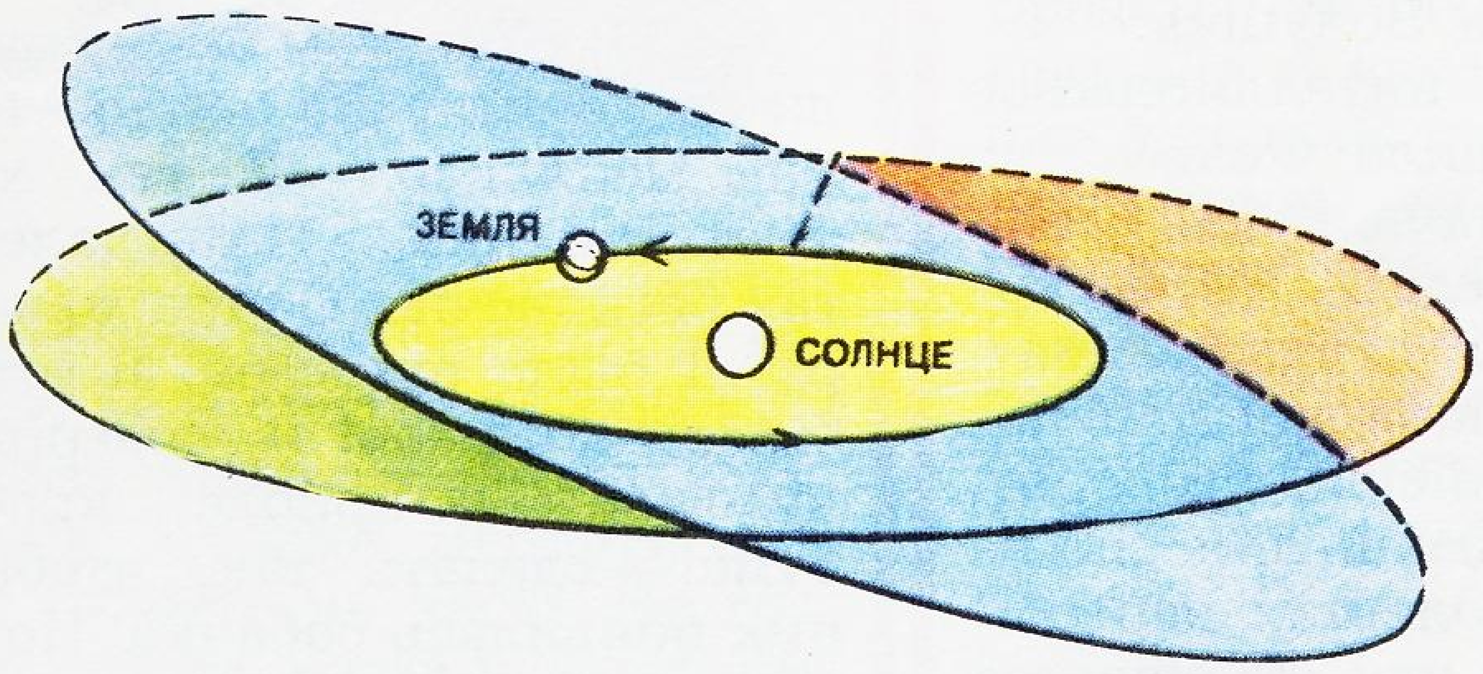
Ясное дело, первого ноября! А пока самое время искупаться, отдыхать-то, ух, сколько!

Бывает все-таки и от наук польза, даже на каникулах...

Нет, думаю я уже под водой, когда перегретая голова поостыла. Пойду все же в школу в сентябре. И по ребятам соскучился, и Сергей Иванович, небось, что-нибудь интересное расскажет.

П. САВКО

А задачу в этот раз мы вам не предлагаем. На берегу речки не хочется думать о задачках.



Знаешь?

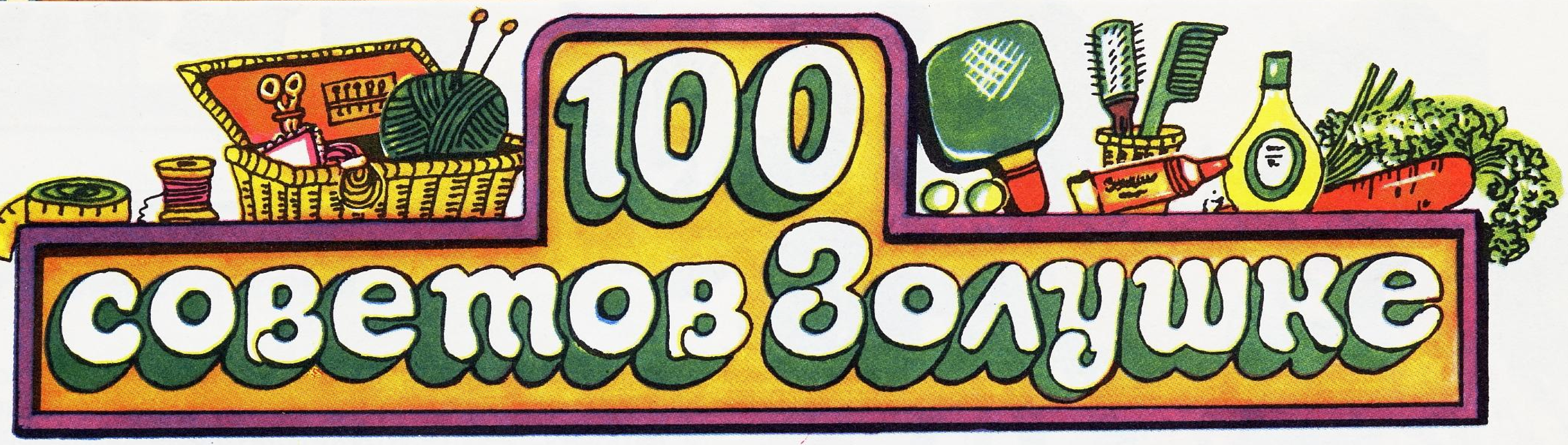
Из-за дрейфа континентов на Земле меняется климат.

* * *

Генетически человек почти не отличается от шимпанзе.

* * *

У комнатных мух есть зубы длиной 0,02 миллиметра.



100 советов Золушке

Что делать, когда нечего делать

«Да-а, прошли те времена, когда бедных детей взвешивали в начале лета и в конце, и, если привес был менее пуда, считалось, что ребенок плохо отдохнул». Так думала Фея, разглядывая вернувшуюся после отдыха Золушку. Та выглядела неплохо. В том смысле, что нисколько не растолстела, у нее был здоровый спортивный вид, золотистый легкий загар и довольно умные глаза.

— Я прочла невероятного объема книгу «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль» Чарльза Дарвина,— сказала Золушка.

— Очень интеллигентное чтение,— одобрила Фея.

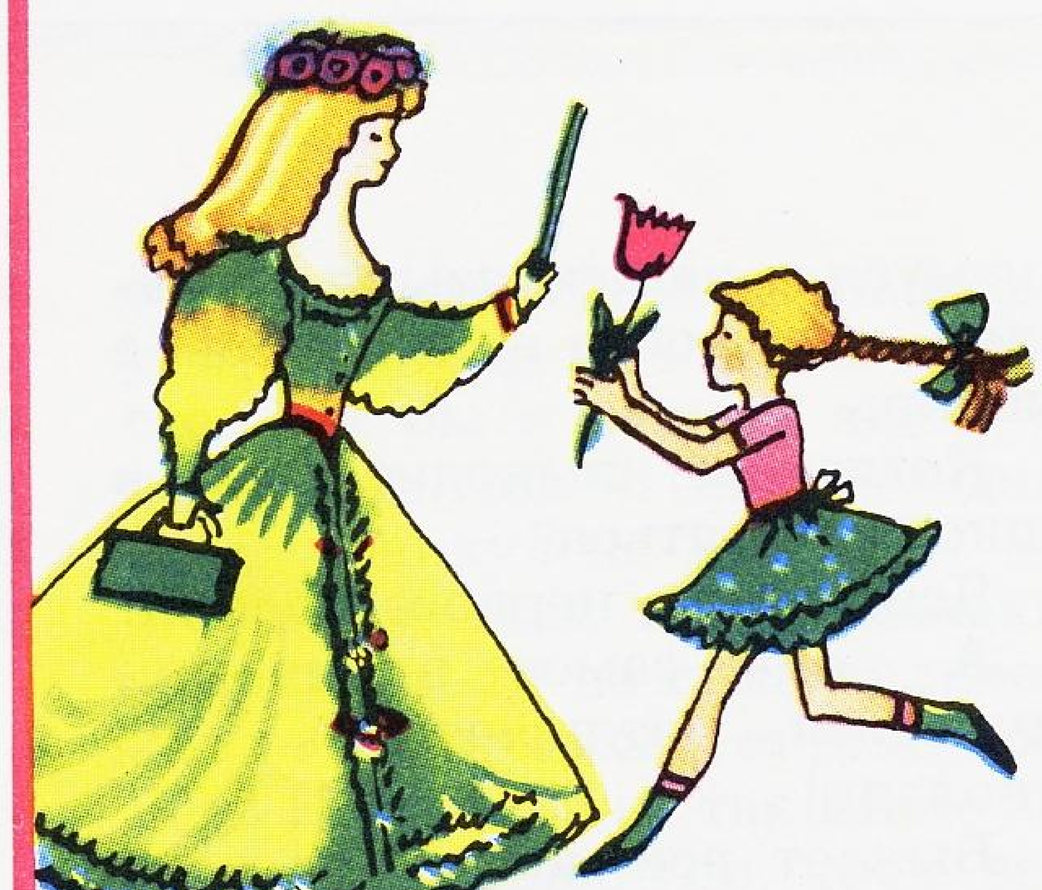
— У меня появилась новая подруга. Мы ведем с ней бесконечные беседы «сердца и ума». Я занималась каждый день понемногу английским: говорят, если хочешь выучить язык, не надо делать больших перерывов. Я видела, как отражается солнце в перламутровой створке раковины. Я научилась плавать! Я слышала, как ветер дует в камышинку. А как провели время вы?

— Ах,— устало проговорила Фея.— Ужасно! Видишь ли, я решила обобщить свой грандиозный волшебный опыт. И поселилась в одном не очень волшебном дачном домике. Вместе с пишущей машинкой. Совершенно не обратив внимания на то обстоятельство, что по соседству проживают две симпатичные девочки-пятиклассницы. И вот представь: каждый день симпатичные девочки Женя и Лиза усаживались на стол для пинг-понга и начинали петь.

— Да, пожалуйста,— Золушка приготовилась слушать.— Я очень люблю песенки.

— Я так хочу иметь собачку, собачку... Но нет у меня собачки, собачки...— пропела Фея и замолчала.

— И это все?— изумилась Золушка.



— Да. Но потом они начинали снова. Слова в песенке иногда менялись. «Я так хочу иметь котенка...» И так далее. И так бесконечно. С утра до вечера. Я была вне себя. Я готова была — о небо! — совершить чудо и — крибле, крабле, бумс!— сделать так, чтобы у них появилась собачка. Но потом я проанализировала ситуацию, и мне стало жалко.

— Кого?

— Собачку. Я подумала, что человек, который с утра до вечера мается от скуки и безделья и не знает, что делать с самим собой, вряд ли придумает, что делать с собачкой. И собачку жалко.

И вот что я написала тогда для тебя, чтобы не забыть.

«Золушка! Июнь, июль, август — это такие месяцы, когда ты вдруг обнаруживаешь, что у тебя есть свободное время. И ты как бы остаешься с этим временем один на один. В октябре там или феврале тобою все время руководят взрослые: сделай то, сделай это. И ты думаешь: эх, отдохнуть бы, надоели ваши режимы дня, буду жить, как хочу. А как хочу? Вот это очень важный вопрос. Спать до полудня? Все время жевать конфеты?

Если хочешь, можешь прорепетировать: как ты станешь обращаться со своим свободным временем, когда будешь взрослой. Ведь взрослому никто не говорит, сделай так, сделай эдак. Тут-то и выясняется, каков человек на самом деле. Попробуй, Золушка, представить, что в твоем распоряжении целый свободный день, с утра до вечера, и ты можешь с ним делать все, что захочешь».

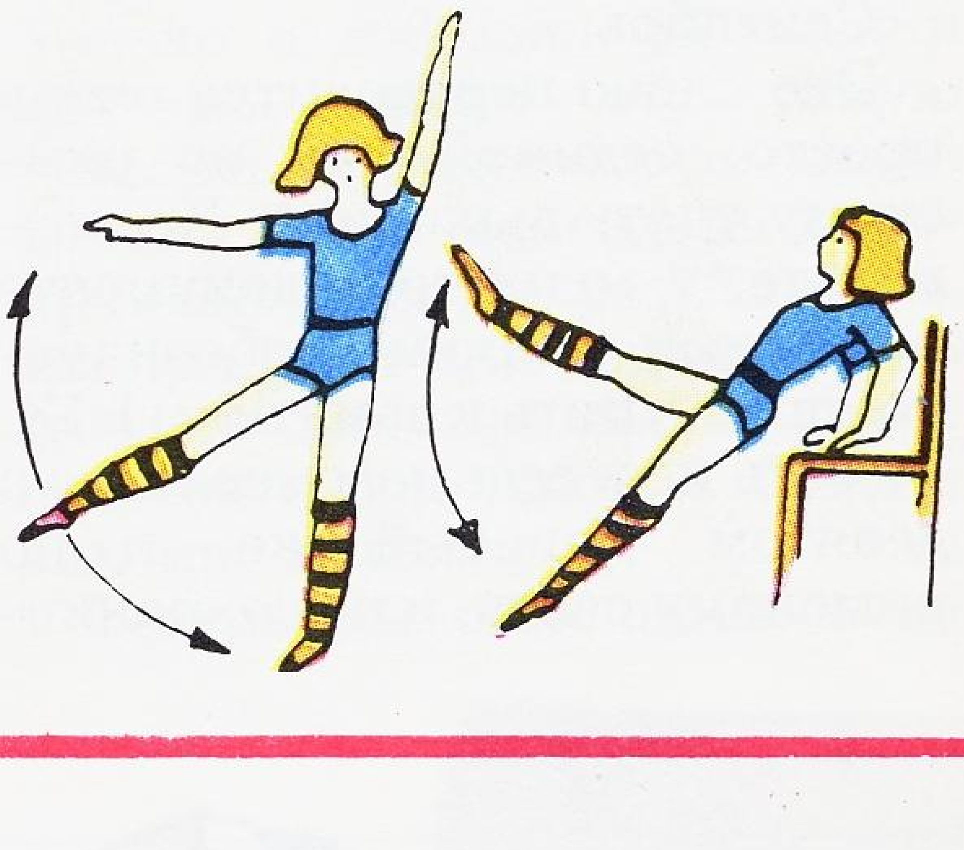
— Я морально не готова,— сказала Золушка.— Нельзя так резко — на волю. Меня может умчать в «прерии». Знаете... лучше представьте, что вы — Золушка, и расскажите, как вы проведете...

— За тебя твой день?

— Ну да.

Один день Золушки, предоставленной самой себе

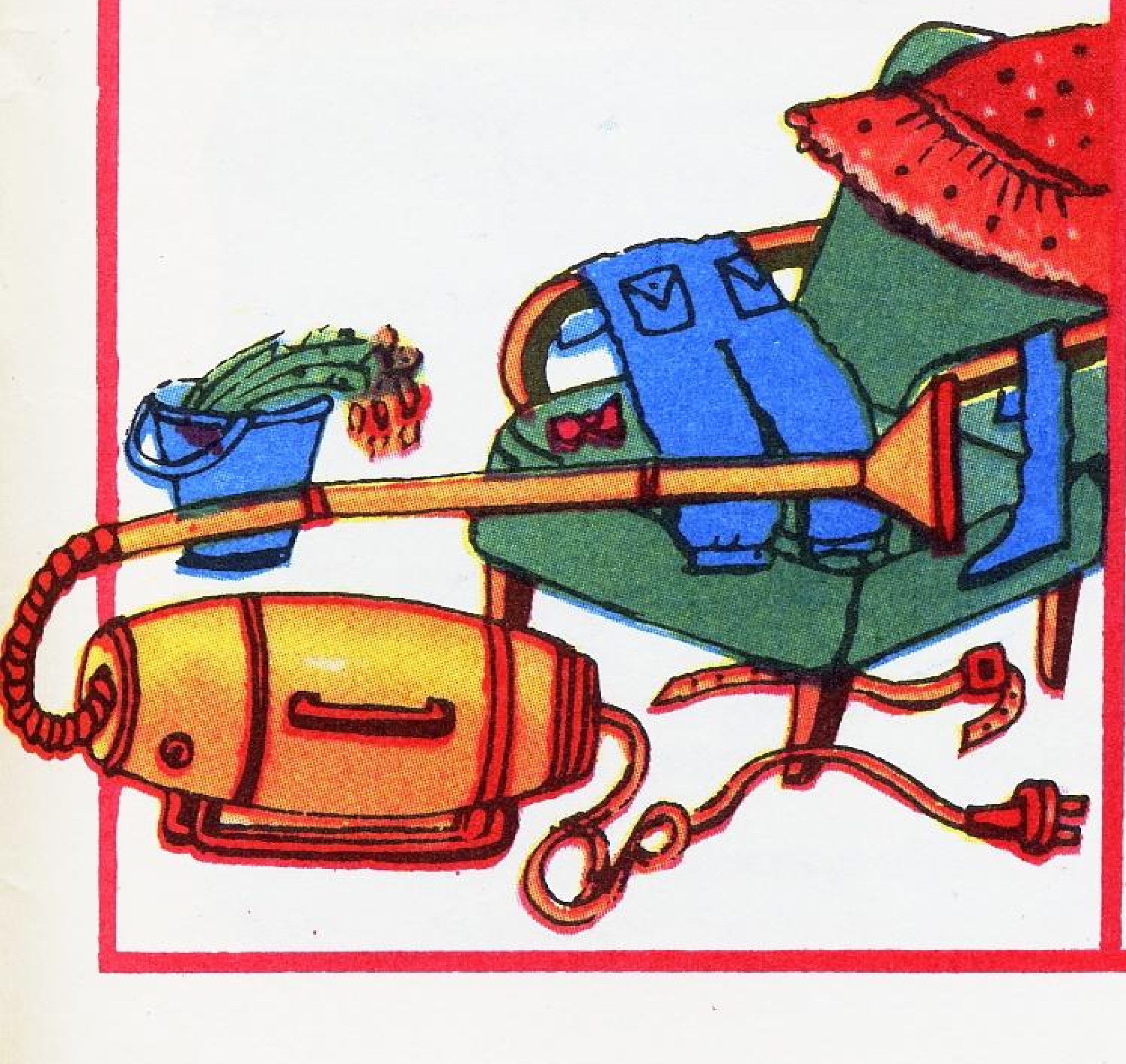
Я бы хотела, чтобы в этот день я, то есть ты, выспалась,



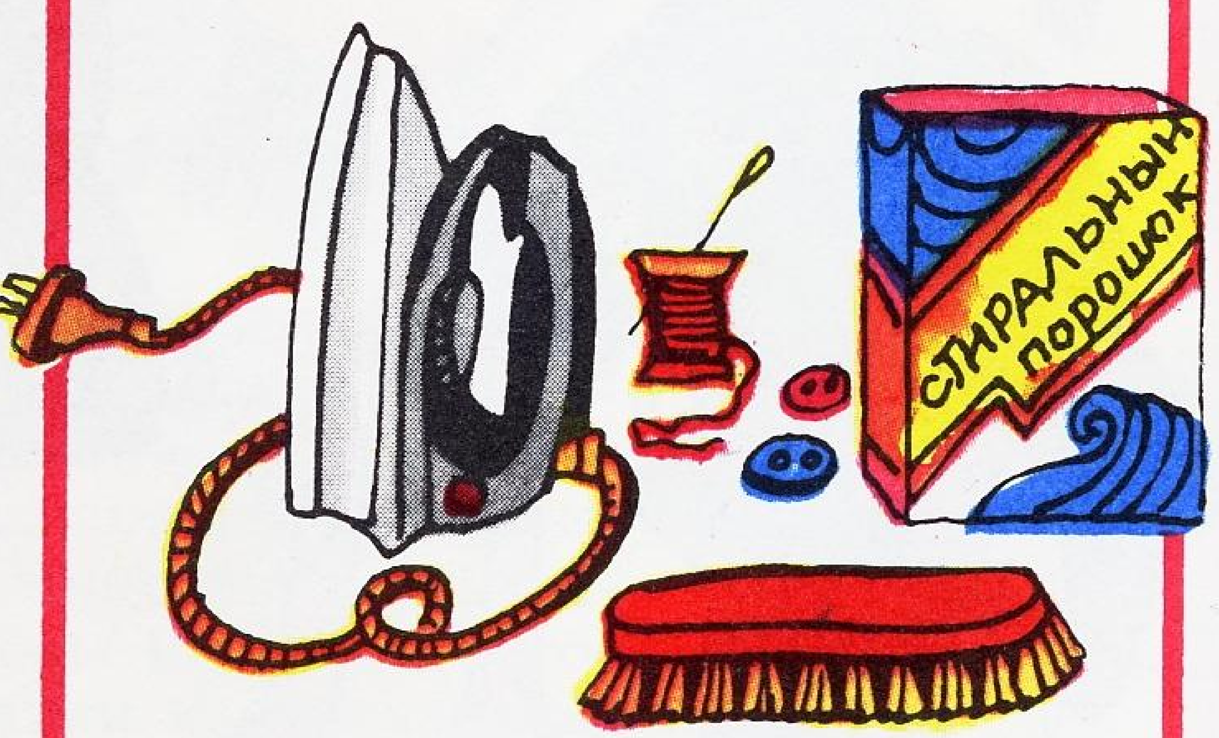
но проснулась не очень поздно, пока не прошло еще утро. Сделала несколько гимнастических упражнений. Например, такие. Совершила утренний обряд гигиены (смотри странички для девочек в № 6). После этого мне, то есть тебе, наверняка захочется завтракать. Но не усердствуй. Достаточно, если это будет стакан сока или горсть хорошо вымытых ягод. поджаренный в тостере ломтик хлеба, немного масла, чуть-чуть джема, если хочешь, яйцо всмятку. Если хочешь, чай. Короче, завтрак не настолько обильный, чтобы тебя опять потянуло в сон. Далее можно оглянуться по сторонам: приятно тебе находиться в своем доме — работать, читать, принимать гостей? Вымыта ли посуда, не летает ли пыль, не валяется в кресле ворох одежды? Уберись, подмети, протри. Можешь выкинуть старые цветы, вымыть кувшин и поставить в него свежие. От этого настроение становится лучше. Потом посмотри на себя в зеркало. Как ты причесана, одета?

Теперь, когда тебе приятно смотреть на себя и находиться в своем доме, хорошо заняться чем-то серьезным. (Все-таки первая половина дня более всего благоприятна для работы умственной.) Почитать умную книгу, заняться языком, самообразованием.

Время обеда. Что есть, сколько и когда — смотри странички для девочек в № 5. Хочу только напомнить: даже если ты за столом одна, накрой его красиво, хотя бы речь шла всего-навсего о печеной картошке. Ну, а за таким столом ты и вести себя будешь воспитанно.



Летний день долог. Но все-таки и у него есть конец. А тебе еще нужно погулять на свежем воздухе, чем больше, тем лучше, и никак не менее двух часов. Заняться физкультурой. Что это будет: сорок — шестьдесят минут гимнастики, бег (смотри странички для девочек в № 6), плавание, реши сама. Еще нужно выполнить те поручения, что дала тебе накануне мама, еще нужно «почистить перышки» — оглядеть критически свой гардероб: что-то постирать, погладить — чтобы следующий день не застал тебя врасплох: нечего надеть. Ну вот, как видишь, всего много. Успеешь или нет? От чего-то можно отказаться, что-то добавить. Если времени все-таки не хватает... На чем можно его сэкономить? На телевизоре, на пустой болтовне (пустая или нет, определить очень просто: если вы с подружкой говорите о том же самом, о чем говорили вчера и неделю назад, значит,



об этом можно больше и не говорить), а также на подсчитывании ворон. И на грустных мыслях. Трудно? Неплохо почаще глядеть на часы. Но гораздо лучше, когда у Золушки появляется внутреннее чувство времени. Когда в ее жизни есть хороший ритм. Скажем, гимнаста не заставишь жить без движения, оно для него радость. Так и человек, ум и душа которого привыкли трудиться, находится в постоянном желании деятельности, размышлений, впечатлений. Кстати, это лучший способ не толстеть. Берегись расслабленности. Спать,

скучать, жевать — так можно проспать не только каникулы...

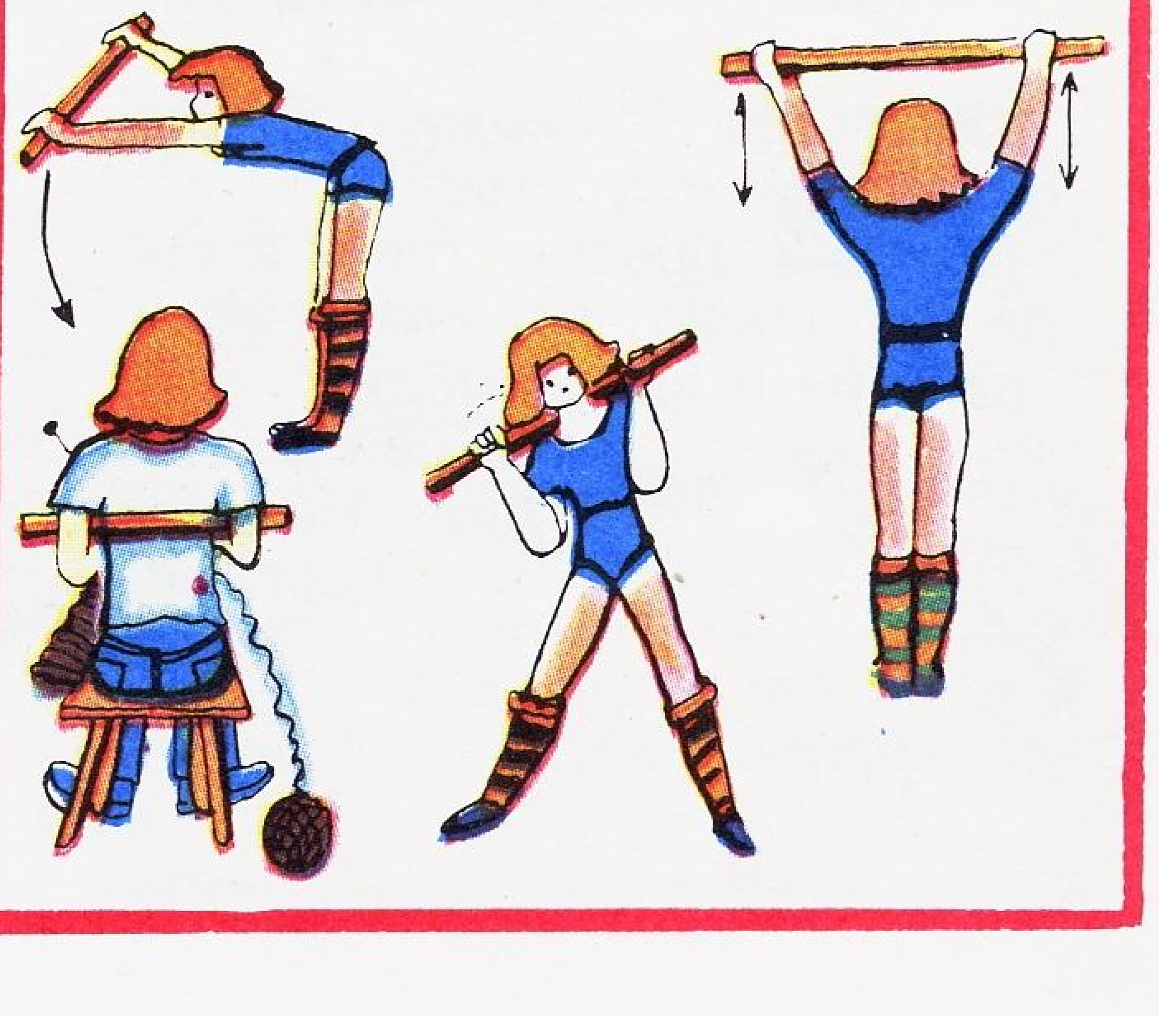
Считай, что из ста обещанных советов ты получила сегодня главный — научись обращаться с временем. Ведь оно нужно даже для того, чтобы успевать выполнять советы.

А теперь...

— Это что такое? — изумилась Золушка. — Волшебная палочка, что ли?

— В некотором роде, — кивнула Фея. — В общем, это обычная пластиковая гимнастическая палка. Но если ты посмотришь на рисунки, ты поймешь, как ею можно волшебно пользоваться. Видишь ли, эта палочка оказывает поистине чудесное действие на осанку. Средство это известно испокон веку. Да и некоторые нынешние золушки с нею просто не расстаются, смотрят так телевизор, читают и даже вяжут. Очень и тебе советую воспользоваться, а почему, объясню в следующий раз.

И Фея исчезла.



Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ

Учитель: Что такое треугольник?
Ученик: Треугольник — это фигура, у которой две стороны стоячие, а одна лежачая.

Лена Пустовойт,
Донецкая область.

* * *

Учитель: Составь задачу, где были бы числа шестнадцать и семь.
Ученик: «Моему дедушке — шестнадцать лет, а бабушка на семь лет моложе. Сколько лет моей бабушке?»

Витя Кишеня,
г. Рига.

* * *

Учитель: Как измерить площадь круга?
Ученик: Нужно измерить все его стороны!

Инна Пахунова,
пос. Нюрба, ЯАССР.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель: Расскажи о древнегреческом искусстве!
Ученик: Древние греки ставили на сцене древнегреческие трагедии и кинокомедии.

Алексей Стасюк
и Дима Новиков,
г. Горловка.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель: Почему А. П. Чехов назвал в своем рассказе Очумелова хамелеоном?
Ученик: Потому что Очумелов быстро менял цвет своей кожи в зависимости от обстоятельств...

Андрей Голушков,
Тюменская область.

* * *

Учитель: Какое наклонение мы сегодня проходили?
Ученик: Извилистое!

Лариса Богова,
г. Барнаул.

НА УРОКЕ ХИМИИ

Учитель: Почему на человека, если на нем загорится одежда, накидывают пальто или одеяло?
Ученик: Чтобы он не простудился.

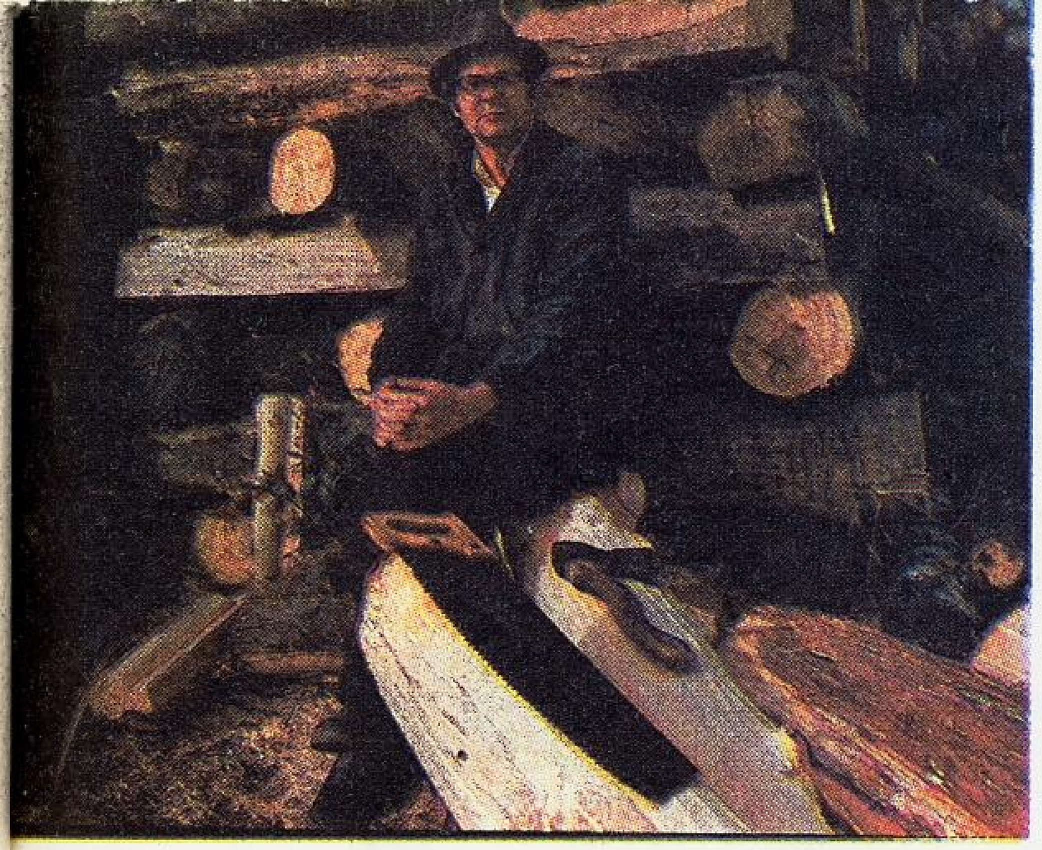
Светлана Омельницкая,
Донецкая область.

Из школьных сочинений

«На берегу сидела собака, а рядом с ней девочка, которая, высунув от жары язык, смотрела в море».
«Раздался выстрел, и его ранили в правую голову».
«В класс вошли мальчик и девочка. Они были братья».
«На ней были черная кожанка и сапоги набекрень».
«Она постоянно носила очки и чуть вздернутый носик».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.



Матрёшек пёстрый хоровод

Самый веселый на Руси базар в прошлом веке был в Сергиевском Посаде. Мясники, молочники теснились здесь в стороне. На видных торговых рядах были разложены игрушки: богородские мишки, кони, соломенные куклы-стригунки, трещотки. Стаканами продавалась китайская мелочь — крошечные деревянные фигурки. Важно стояли куклы-купчихи в цветастых юбках, которых здесь единодушно прозвали «дурами». По базару неслись веселые зазывалки.

Купи-ка, мамаша, папаша,
Деточка-то ваша
С этой игрушкой пусть
Поиграет, повеселится,
Потешится, порезвится!

У кого необычней, к тому и покупателей больше подходит.

Игрушки, игрушки славные,
Занятие забавное!
Есть прехитрые штуки,
Позабавиться от скуки!

Как только не исхитрялись бойкие торговцы, как не расхваливали свой товар! Казалось, ничем уже не удивить покупателей. Но однажды насторожились продавцы, прислушались покупатели.

Вот Машка, Дашка и Наташка —
Три штучки в одной кучке.
А сыночек Ванюша
Дома остался,
Мороза испугался.

Так описывал свой товар крестьянин из села Абрамцево и неторопливо раскладывал перед покупателями деревянных кукол в разноцветных сарафанах. Вдруг переломил одну пополам, а в ней другая, поменьше. Раскрыл ее, а из нее еще одна смотрит. Что за невидаль? Вот так мастер!

Но не он придумал эту диковинку. Привезла помещица Мамонтова из-за границы японскую игрушку — большеголового деревянного японца. Раскроешь его, а в нем японка, в ней еще и японец-малыш спрятан. Очень понравилась игрушка Мамонтовым.

Попросили они токаря Звездочкина вырезать из

дерева куклу наподобие японской. Художнику В. Малютину поручили расписать ее. Малютин был учеником известного живописца Поленова. Любил расписывать дерево, часто использовал мотивы русских народных сказок.

Кукла его не походила на японскую. Это была девочка в русском сарафане и переднике. Настоящая Матрена. Так и прозвали куклу матрешкой.

Все сразу полюбили веселую матрешку. Абрамцевские резчики по дереву принялись за работу. Вырезали матрешку медленно, вручную, украшали выжиганием. И однажды появилась она на сергиевском базаре. Любовались-то матрешкой многие, но купить могли только богачи.

Потом сообразили — гораздо легче вытачивать ее на токарном станке. Токари изобрели специальные стамески для стачивания верхнего слоя дерева. Особые, длинные стамески, чтобы выбирать дерево из середины игрушки. Дело пошло быстрее.

Изобретательные мастера придумывали уже и новую форму матрешки, новые сюжеты. Появились матрешки запорожцы, витязи, мухоморы. Но любимой игрушкой оставалась веселая крестьянская девочка.

Матрешку начали вывозить за границу. И там всех удивила матрешка, всем полюбилась. Стали делать матрешек в других странах. Французы смастерили куклу в национальном французском наряде. Игрушечники Нюрнберга изобразили персонажей сказки «Синяя Борода». Большая кукла — Синяя Борода, поменьше — семь его жен. В последней лежала бутылочка с ядом — смерть Синей Бороды.

Но вот загадка: даже эта причудливая матрешка не стала известна так же, как русская. Тогда начали делать подделки под русскую матрешку. Снова неудача — все отличали нашу куклу.

Однажды на Лейпцигской ярмарке русская матрешка встретилась с японской. Были они очень похожи, только глаза у японки узкие и слишком большая голова, как у далекого предка — игрушки, привезенной когда-то в Россию Мамонтовой.

Вот какую удивительную историю матрешки рассказал Дмитрий Иванович Новозенцев, художник и матрешечных дел мастер. Живет он в Загорске, так называется теперь Сергиев Посад, мастерит матрешек и знает о них все на свете.

Приладил Дмитрий Иванович к станку липовое полено, и запел станок, полетела желтая стружка. Мастер то в длинные столбики с цифрами-расчетами заглянет, то линейку возьмет. Сделаешь донышко куклы чуть шире — не закроется матрешка, больше сточишь — сломается.

Выстраиваются в круг матрешки одна другой больше. Дочери мастера Лена с Наташей едва успевают одевать их. Сначала на белой заготовке рукава рисуют, потом юбку с фартуком, платок и лицо. Вот и еще одна матрешка в хоровод встала.

Обычно Дмитрий Иванович по 200—250 заготовок в день вытачивает. Но сейчас и десятка сделать не успевает. Слишком уж необычная работа. Задумал мастер сделать подарок XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов — смастерить огромную матрешку, а в ней 49 сестер.

Не так-то легко приладить к станку тяжелое метровое полено, превратить его в куклу. В этом уже не только стамеска, но и топор, пила помогают.

Летят, летят липовые стружки. Мелькают цветастые платки и сарафаны, смеются матрешки. Всех гостей фестиваля подхватит, закружит хоровод. Кто же устоит на таком веселье! Вот и еще одна в круг вошла. Все шире, шире хоровод.

Н. ДАВЫДОВА

СОДЕРЖАНИЕ

«Кораблик» .... II обл.
Международный пионерский клуб «Товарищ».— Рисунки Л. Хачатряна 2
Язык дружбы.— Стихотворение Ю. Луцкевича. **Шел по городу отряд. Звездный ветер. Как ожила речка Тихоня.**— Стихи В. Аушева 6
«Машал» — значит «факел».— С. Богатырева. Фотографии М. Вылегжанина 8
Его среди нас нет...— Повесть С. Иванова. Продолжение. Рисунки М. Лисогорского 12
К 50-летию стахановского движения
Стахановцы.— Е. Велтистов. Фотографии ТАСС 23
Отряд говорит с отрядом.— Рисунки А. Вовиковой 26
Точка на карте
Заповедник для... камней.— В. Корабельников 28
Голубая рапсодия.— Главы из новой книги А. Маркуши. Окончание. Рисунки Н. Ермолаева 30
Встреча в порту.— Стихи П. Грушко. **Найденыш.**— Стихи О. Беликова. Рисунок Ю. Карповой 40
Самостоятельное решение
Если в руках гитара...— А. Мясникова. Рисунок А. Мелик-Саркисяна 41
Небесная «Швамбрания».— М. Москвина. Рисунок С. Соколова 44
Полынные сказки.— Ю. Коваль. Продолжение. Рисунки С. Острова 46
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Рисунок Н. Доброхотовой 56
На научной волне 57
100 советов Золушке.— Рисунки А. Вовиковой 60
Переменка .... 62, III обл.
Матрешек пестрый хоровод.— Н. Давыдова. Фотографии С. Старшинова 63
Рисунок на асфальте.— Музыка Ю. Чичкова, стихи М. Пляцковского .... IV обл.

На обложке:
Я вижу мир.— Рисунок А. Борисова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, И. Н. НИКИТИН, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

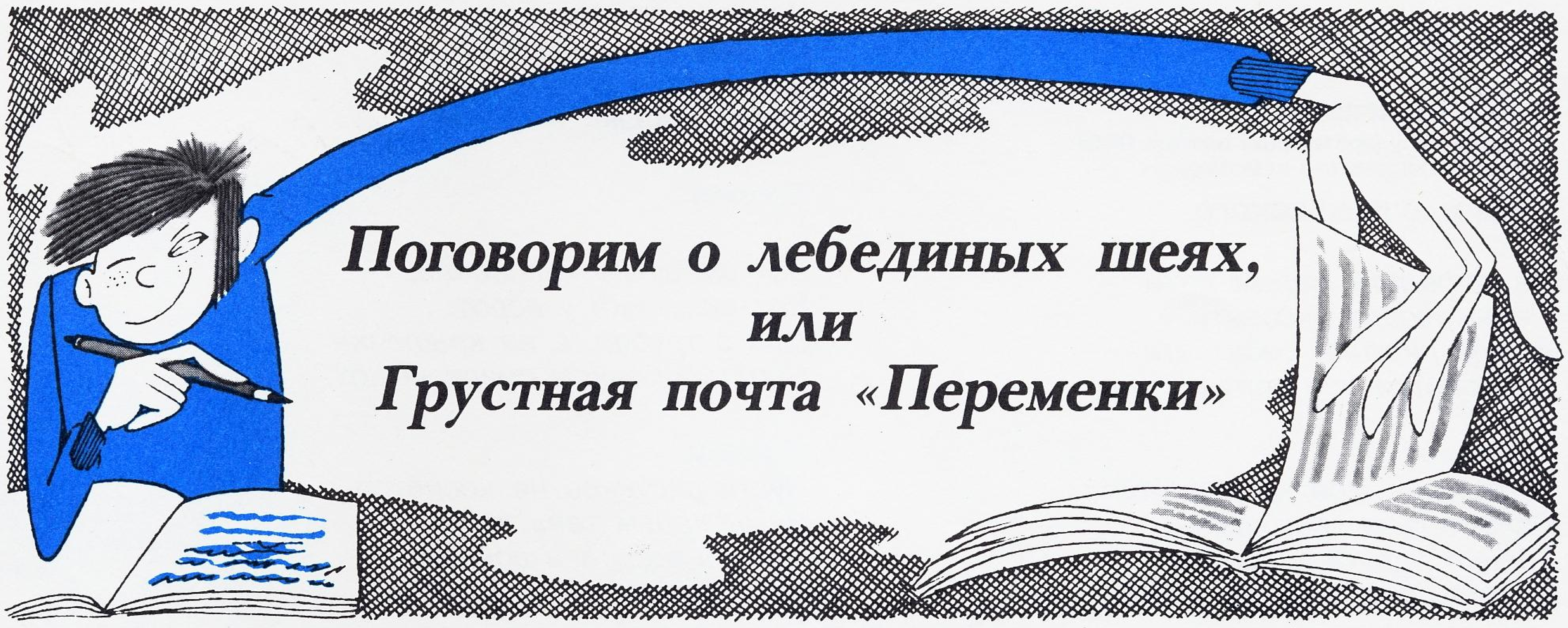
Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1985.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.06.85.
Подписано к печати 18.06.85. А 04450. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1650000 экз. Изд. № 1646. Заказ № 946.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.



Поговорим о лебединых шеях, или Грустная почта «Переменки»

Может быть, вы слышали анекдот о двух школьниках, которые, гуляя по зоопарку, остановились около пруда с лебедями.

— Эх,— сказал один из них,— мне бы иметь такую длинную шею, как у лебедя!

— Зачем она тебе? — спросил приятель.

— Ты представляешь, как удобно с такой шеей заглядывать в тетрадь соседа по парте и списывать у него сочинение...

Это, как уже было сказано, анекдот. Его придумали для смеха. Но оказалось, что кое-кто всерьез отнесся к этой шутке...

Вот, например, получила «Переменка» письмо от некоего пятиклассника из Баку. В письме было сказано: «Посылаю вам невыдуманный диалог. У меня сильно развито чувство юмора, и я посылаю его вам для опубликования».

Прежде всего непонятно, что он посылает в редакцию «для опубликования»: свое «сильно развитое чувство юмора» или «диалог»? Это во-первых. А во-вторых, утверждаем, что этот диалог не выдуманный, а аккуратно переписанный. Из журнала «Пионер» № 8 за 1983 год. Это же надо — отрастить себе шею такой длины, что ее можно вытянуть на целых два года назад и прислать в редакцию чужую шутку, которая давно уже была опубликована.

Еще длиннее оказалась шея у одного шестиклассника из Красноярского края. Он прислал в «Переменку» диалог, причем, как он сам пишет, не невыдуманный, а придуманный им. Ну что же, придуманные диалоги тоже хороши, если они забавные и оригинальные. Вот этот диалог:

Учитель: Инна, составь предложение со словом «караван»!

Ученица: «Мама поставила на стол горячий караван!»

Смешно? Смешно! Впрочем, не очень, если учесть, что юному «юмористу» из Сибири удалось отрастить себе шею такой длины, что она дотянулась до журнала «Пионер» № 9 за **1978 год**, где была опубликована эта шутка. Причем переписана она дословно — вплоть до имени ученицы, к которой обращается учитель: и там «Инна», и здесь «Инна».

У некоторых авторов шеи дотягиваются не только до старых номеров «Пионера», но и до других, взрослых журналов.

Ученик четвертого класса из Краснодара пишет в «Переменку»: «У меня есть брат. Ему четыре с половиной года. Однажды его спросили: «Сколько тебе лет?» Он ответил: «Полпятого». И мы все очень смеялись». А вот мы прочли эту шутку — и огорчились. Потому что именно этот забавный разговор был опубликован в журнале «Крокодил» № 12 за 1983 год в рубрике «У Тотоши и Кокоши». Именно оттуда четвероклассник из Краснодара, не смущаясь, переписал этот диалог и выдал его за собственное наблюдение. Неудобно как-то получилось!

А теперь речь пойдет о биссектрисе. Судя по количеству писем, полученных «Переменкой», многие ребята слышали это совсем неостроумное «определение»: «Биссектриса — это крыса, которая бегает по углам и делит угол пополам».

Но дело не в том, остроумно это или неостроумно. Кто-то оценит так, кто-то иначе. Дело вот в чем. Большинство ребят честно пишут, что они это от кого-то слышали, записали и посылают в редакцию. Но некоторые, и это самое неприятное, заявляют: «Как здорово я придумал про биссектрису».

Еще один пример. В детском журнале «Пионер» работают взрослые люди. Но хотя их школьные годы далеко позади, многие до сих пор помнят очень старую школьную шутку о том, как учитель предложил ученику просклонять фразу «Я иду по ковру». И ученик начал: «Я иду, пока вру, ты идешь, пока врешь, он идет, пока врет»,— и так далее.

Мы вспоминаем эту старую шутку и смущаемся, когда читаем в письме ученика седьмого класса из города Курска: «Посылаю вам свое сатирическое сочинение и надеюсь увидеть его на страницах «Переменки». А потом идет: «Я иду, пока вру...»

Не знаем, как будет дальше с этим семиклассником, но сейчас он действительно «пока врет», выдавая старую шутку за собственное произведение.

Конечно, каждому приятно увидеть свою фамилию на страницах журнала. И родители будут гордиться, и друзья похвалят. Но мы решили не оглашать фамилий тех ребят, выдержки из писем которых были здесь приведены. Вряд ли это доставит авторам удовольствие. Рассказали мы об этом для того, чтобы кое-кто призадумался: а стоит ли растить у себя лебединые шеи и с их помощью подглядывать, списывать, а потом выдавать за свои чужие мысли и наблюдения. Думается, что не стоит. Неудобно. Нечестно. Просто стыдно.

Л. ЯКОВЛЕВА

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Рисунки на асфальте

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
лауреата Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола.
Слова М. ПЛЯЦКОВСКОГО.

На асфальте мелом дети
Очень любят рисовать.
Дождь рисунки смоет эти —
Повторится все опять.

Припев:
Пусть рисунков не коснется
Даже краем тень войны.
Только радуга и солнце
Детство радовать должны!

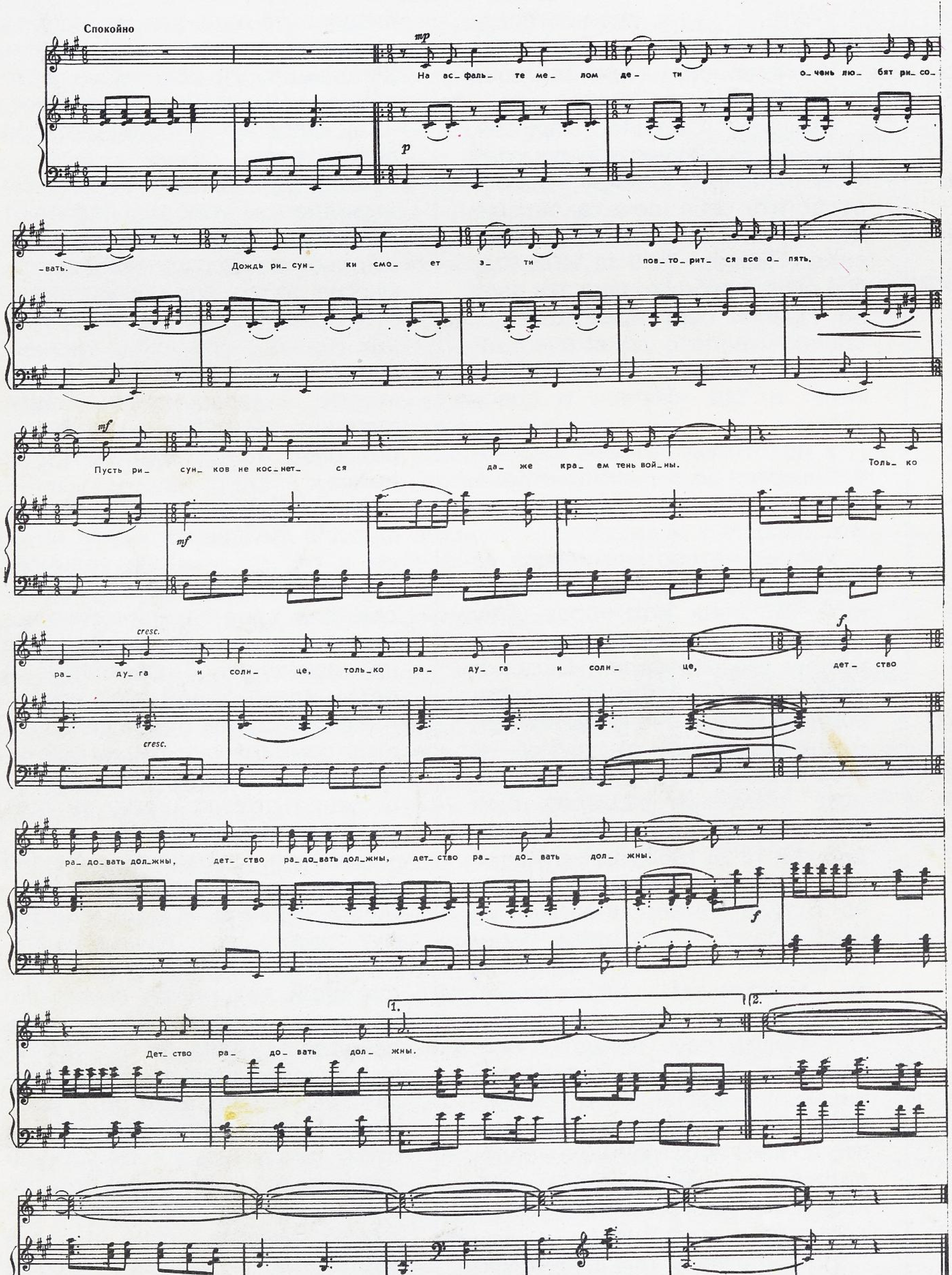
Чудесам ребята рады,
Их фантазии просты.
Оживают с ними рядом
Куклы, сказки и цветы.

Припев.

Вот смешные человечки,
Вот скамейка у ворот.
Дом с трубой, а на крылечке
Спит клубочком смирный кот.

Припев:
Пусть рисунков не коснется
Даже краем тень войны.
Только радуга и солнце
Детство радовать должны!

ISSN 0130—8009



Цена 30 коп. Индекс 70694.